

Истребитель душ

РОМАН О ГОТРЕКЕ ГУРНИССОНЕ

Автор ДАРИУС ХИНКС

Перевел ОЛЕГ СТАРОДУБЦЕВ

Владения Смертных опустошены. Разоренные последователями богов Хаоса, они стоят на грани полного уничтожения.

Города-крепости Сигмара - островки света в море тьмы. Постоянно штурмуемые маниакальными полчищами хаоситов и чудовищных зверей. Кости хороших людей толстым слоем лежат за воротами. Оплоты Порядка сражаются не только снаружи, но и внутри, ибо Хаос соблазняет жителей обещаниями могущества.

И все же поборники Порядка продолжают борьбу. С рассветом звонит Походный Колокол, и новый поход отправляется в путь. Грозорожденные Вечные идут плечом к плечу с храбрыми ополченцами, стойкими дуардинами и грациозными эльфами. Облаченные военной мощью, Рассветоносные походы отправляются для основания новых очагов цивилизации. Эти мрачные первопроходцы несут с собой огонь надежды. И все же они идут в адскую пустошь.

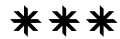
В диких землях колонисты восстанавливают порядок в разрушающемся мире. Пристальные взгляды направлены на горизонт в ожидании нашествий орд варваров, влачащих своё существование на костях древних империй, среди проклятых земель и ледяных морей. От доблести поселенцев будет зависеть судьба Владений Смертных.

Настигающие поселенцев ужасы принимают самые разнообразные формы. Варвары-каннибалы и безумные убийцы выползают из потайных логовищ. Из разрушенных замков выходят одетые в черную сталь воины Хаоса. Дикие орды Разрушения громят приграничные города до тех пор, пока не останется камня на камне. В темноте ночи приходят воюющие толпы нежити, жаждущие полакомиться живыми.

Против таких врагов храбрость - самая верная защита и самое эффективное оружие. Избранные Сигмара не испытывают в ней недостатка. Но не всегда их сил хватает на то, чтобы одержать победу, и даже в случае победы каждая новая битва все больше опустошает их души.

Это - время смуты. Эра войны.

Это - Эпоха Сигмара.

Ваше Небесное Высочество,

Прошу простить за перерыв в донесениях. Я путешествовала по пустошам Хамона, влекомая очередным нелепым порывом Истребителя. Я никогда не знала никого, кто мог бы так много вложить в идею, а потом так легко от нее отказаться. Его столь желанное партнерство с Компанией Солмунда из Барак-Урбаза уже закончилось катастрофой. Некоторое время харадронский магнат Лорд-Адмирал Солмунд производил на Готрека неизгладимое впечатление, и тот называл его здравомыслящим и надежным. Несколько месяцев они разрабатывали план возрождения древнего дуардинского королевства под названием Хазалидская Империя. Они утверждали, что собираются "изгнать силы тьмы с земель, которые принадлежат нам по праву", но, разумеется, все закончилось ничем (как и многие другие начинания Готрека). В итоге Готрек назвал Солмунда "сопляком и клятвопреступником". Разногласия возникли в харадронском питейном заведении после нескольких дней "планирования", проведенных за элем. Завязалась драка, но когда Готрек протрезвел, мне удалось убедить его покинуть небесную гавань, а не "надрать ему задницу". Мне еще предстоит выяснить подробности ссоры, но, похоже, оба дуардина не прочь прикончить друг друга, если их пути еще раз пересекутся.

Несмотря на разрыв связей с харадронами, Готрек не отказался от своей смутной идеи "исправить" Владения. Он решил, что единственный способ почтить память своих давно умерших предков - это вести себя так, как они вели бы себя во Владениях Смертных. Готрек считает это великим откровением и с упоением рассказывает о своем "новом" плане. Но, насколько я могу судить, это ничего не меняет. Его цель - сцепиться рогами с любым, кто с ним не согласен, что он и делает с первого дня нашего знакомства.

Все это я говорю для того, чтобы попросить вас проигнорировать мои предыдущие просьбы о помощи. Теперь, когда Готрек порвал связи с компанией Солмунда, я вполне способна следить за его передвижениями и охранять руну, вбитую в его грудь (которую мы все так хотим доставить в целости и сохранности в Азир). В настоящее время мы

направляемся на юго-запад, прочь от относительно стабильного ядра Спирального круга, в забытое богами захолустье, известное как Побережье Воспламенения. Я чувствую, что у Готрека есть конкретный пункт назначения, но он отказывается сообщить о нем. Как вы, я уверена, знаете, военная ситуация в Хамоне столь же переменчива, как и ландшафт. Армии Хаоса, конечно, доминируют. Это все еще их земли, и Владение Металла изобилует колдунами, поклоняющимися демонам, и военачальниками, отнимающими черепа, но... местные племена зеленокожих все чаще становятся занозой в их боку, и многие дуардины, как рожденные в горах, так и небесные, все еще умудряются пробивать себе дорогу в тени Гибельных Сил. В некоторых местах, например в упомянутом выше Барак-Урбазе, дуардины даже процветают.

Мольбы о помощи в моем предыдущем послании были результатом бреда, вызванного травмами, и я прошу прощения за их истерический тон. Уверяю вас, теперь все в порядке. Прошу Вас воздержаться от направления ко мне на помощь других представителей Ордена. Их появление только усложнит дело и разозлит Истребителя (а ему для этого многого не нужно). Я свяжусь с Вами, как только узнаю больше о его целях на побережье. До тех пор я была и остаюсь,

*Вашей самой преданной и верной сторонницей,
Маленет Ведьмин Клинок*

ГЛАВА 1

'Готрек должен умереть'. Драймусс наклонился ближе к Маленет. 'Все остальное не сработало'. Охотник на ведьм был красив для человека, с широкими, сильными чертами лица и расслабленным видом праздного принца. Конечно, его праздность была лишь притворством. Под шляпой с козырьком и плащом он представлял собой узел крепких мускулов. Маленет убила достаточно людей, чтобы узнать в нем мастера своего дела. Драймусс улыбнулся, стараясь выглядеть приветливым, но это была улыбка хищника. Она не раз слышала, как его имя упоминалось еще до того, как она покинула Азирхайм, обычно тихим шепотом. Драймусс сначала сжигал, а потом задавал вопросы. Орден Азира использовал его только тогда, когда более тонкие методы уже не помогали. Он прислонился спиной к пню, его лицо поблескивало в свете костра, он потягивал вино, изучая ее прищуренными глазами. 'Не вини себя'.

Она смотрела мимо него, на море. Они находились у края обрыва, и, когда сумерки перешли в ночь, Аметистовый океан запылал, сопротивляясь темноте, демонстрируя свое величие, как нахохлившаяся птица. Коктейль из сплавов и химикатов кипел во мраке, пытаясь конкурировать со звездами, которые мигали над головой. Даже на таком расстоянии цвета волн были яркими, и угли, вырываясь из волн, неслись к вершине скалы, кружась вокруг Маленет, словно бестелесные духи. "Я не виню себя, - сказала она. Он не тот, кем я его считала".

Драймусс нахмурился. 'Он такой же, как любой другой Огнеубийца. Возможно, больше. И, несомненно, необычный. Но он все равно всего лишь волосатый дуардинский болван. Без этой руны в груди он был бы никем. Он вполне мог бы умереть в тот день, когда ты встретила его в... Где это было, в темнице Огнеубийц в Акши? У них точно не было проблем с его поимкой. Они называются Ложа Унбак?

Маленет продолжала наблюдать за тем, как угли дрейфуют по ложбине, и думала о Залах Осуждения Огнеубийц, где она впервые увидела Готрека.

'Я думала так же, как и ты, - сказала она, - когда впервые встретила его. Он был настолько растерян, что принял меня за демона. Он вообще всех считал демонами. Его голова получила столько ударов, что разум

работает не так, как надо. А я думаю, что он и до этого был хамоватым олухом. Он дерется как пьяный, даже когда трезвый. Он не гордится своими убийствами и не посвящает их никакому богу. Он даже не понимает, что находится в рабстве у богов. Он считает себя равным им. Нет', - засмеялась она, - 'не равным. Он думает, что он выше их. Что они не имеют *никакой* ценности". Она помахала маленькой бутылочкой, которую дал ей Драймусс, позволяя свету отразиться на двухвостой комете, выгравированной на стекле. 'Он думает, что боги - дураки, и что все мы тоже дураки, и что он единственный, кто не дурак".

Пока Маленет говорила, ненависть к Готреку вскипала у нее в груди. Ей следовало быть осторожной рядом с такой змеей, как Драймусс, но гнев застал ее врасплох, и она обнаружила, что увлекается этой темой. 'Он настолько невоспитан, что даже не может понять ценность веры. Это выше его интеллекта. Он думает, что может просто разбить голову любому, кто встанет на его пути, и оказаться на вершине". Она сделала паузу, как всегда недоумевая, когда думала про Истребителя. 'И он прав, черт бы его побрал. Это самое страшное. Он действительно выходит вперед. Что бы ни подбрасывали ему миры, он пробивается сквозь них, проливая пиво и прорываясь вперед, пока его враги барахтаются. И это самое абсурдное - половина его врагов в итоге принимает его как спасителя. Это сводит с ума. Готрек - единственный из всех, кто не ценит религию, и все решают, что он и сам должен быть каким-то божеством. Он уродливый, свиноголовый идиот, но он единственный, кого я встречала, который, кажется, действительно способен..." Она оборвала себя, прежде чем наговорить слишком много, и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Драймусс изучал ее, его глаза сверкали под шляпой. 'На что он способен, Маленет Ведьмин Клинок? Кем ты его считаешь? '

Это был опасный момент. Под его плащом Маленет видела пистолеты. Он нападет на нее, как только почувствует, что ее верность может быть подвергнута сомнениям. Аэльфийские рефлексы давали ей преимущество перед медлительными человеческими мышцами, но у нее были только ножи, а у него - пистолеты. Она предпочитала, чтобы шансы были в ее пользу. И вскоре это произойдет. Ей не нужно было долго играть в эту игру.

'Я думаю, Готрек - это препятствие', - солгала она. 'Единственный способ достать руну для Азира - это вырезать ее из его груди. Я так и говорила все это время. И именно поэтому я попросила помощи. Мне просто нужен способ убить его'.

Он продолжал внимательно следить за ней, и она поняла, что он не поверил. Драймусс кивнул на бутылку, которую протянул ей. 'Этого хватит. Мы изучили твои письма. И я провел тщательный опрос людей, которые сталкивались с Готреком Гурниссоном. Руна, которую он у нас украл, сделала его стойким. Неестественно живучим. Как ты отметила, даже твоих кхаинитских токсинов может оказаться недостаточно, чтобы остановить его сердце. Но настойка, которую я даю тебе, - не обычный яд. Она его окостенит, Маленет. Его плоть затвердеет и превратится в кость, но руна останется невредимой. Мы извлечем ее из его останков, как драгоценный камень из пепла. Коллегиальные ученые-арканисты потратили месяцы на оттачивание рецепта. И я сам испытал его на различных нераскаявшихся отступниках. Яд превратит его в кость, Маленет, можешь мне в этом поверить. И, возможно, тогда, умирая, он наконец поймет свое место, поймет, насколько он ничтожен по сравнению с Сигмаром Молотодержцем. Все, что тебе нужно сделать, - влить эти несколько капель в его горло, пока он не очнулся'.

Звук храпа Готрека, как по команде, разорвал темноту. Истребитель находился чуть дальше по прибрежной тропе, развалившись на заднем сиденье телеги, привязанной к паре крепких железоспинов, которые были почти такими же ворчливыми, как и он сам. Истребителю редко удавалось поспать, но после трех недель блужданий по побережью они нашли заброшенный тайник с бочками, наполненными чем-то пахнущим трюмной водой. Готрек, скорчив гримасу, назвал ее "терпимой", а затем принялся пить. Он пролежал без сознания почти два дня.

Она вздохнула, прикидывая, как долго ей еще придется продолжать свою игру. Она не была сигмаропоклонницей, какой ее всегда описывал Готрек, но вранье агенту ордена заставляла ее сжимать зубы. Такие люди, как Драймусс, прекрасно умели распознавать ложь.

'Что такое?' - спросил он, пытаясь снова улыбнуться. 'Ты не решаешься его убить?' Он пожал плечами. 'Это было бы не так уж странно. Ты долгое время провела в его обществе. И вы через многое прошли вместе. Насколько я слышал, Готрек не раз спасал тебе жизнь. Может быть, ты

считаешь, что чем-то обязана ему?" Он посмотрел в огонь. 'А может быть, ты просто боишься его?'

Он пытался ее раззадорить. Это был обычный прием охотников на ведьм. Драймусс надеялся, что, разозлив ее, он сможет склонить ее к раскрытию какого-нибудь еретического заблуждения. Но она не была старой ведьмой, пытающейся вызвать удачу из куриных потрохов. Она была сестрой ковена, убийцей, не знающей себе равных, закаленной в Храмах Убийц Высокого Азира. Она покачала головой. 'Я ничего не боюсь, капитан Драймусс. Ничего'. Она ответила ему жесткой улыбкой. 'Я - Дочь Кхайна.'

'Кхайна?' В его глазах мелькнуло веселье. 'Ты имеешь в виду Морати-Кхайн?'

Маленет замешкалась, смущенная этим именем. Морати была верховным оракулом сестринства. Она истолковывала волю Кхайна. Но Маленет никогда не слышала, чтобы эти два имени сочетались друг с другом, и по блеску в глазах Драймусса почувствовала, что это было нечто большее, чем простое словоблудие. Должно быть, произошли какие-то политические изменения, смена власти, о которой она не знала.

'Ты не знаешь, да?' - рассмеялся он.

'Она попыталась скрыть свое замешательство. Я знаю все, что мне нужно знать. Я знаю, как выживать и убивать, и я знаю, как служить'.

'Служить кому?' Он посмотрел на нее с преувеличенным сочувствием. 'Владения меняются, Маленет. Твой собственный народ меняется. А ты ничего об этом не знаешь, потому что плутаешь по диким местам вслед за Готреком, ввязываясь в его нелепые распри. Ты остаешься позади. Используй настойку. Убей его. Он может проснуться в любой момент. Ты сказала, что он редко спит'. Он приподнял бровь. 'Или я могу это сделать, если у тебя не хватит духу'.

Маленет собиралась возразить, но потом поняла, что достаточно долго занимала Драймусса. Она расслабилась. Опасность миновала. Она посмотрела на повозку. Ты не можешь его убить. И я солгала, когда сказала, что убью".

В его глазах мелькнуло беспокойство, поскольку он почувствовал, что не все карты у него на руках. 'О чем ты говоришь?' Драймусс нахмурился и

посмотрел на свою руку. Он хмыкнул, попытавшись пошевелить рукой и у него не вышло. 'Что?' Его голос прозвучал странно: мышцы в горле сжимались, уже застывая, превращаясь в кости.

Маленет наклонилась к нему и взяла в руки бутылку. Она перевернула ее вверх дном, чтобы показать, что она пуста. 'Изготовлен мастерски. Судя по тому, как ты отхлебнул вина, яд был совершенно безвкусным'.

Глаза Драймусса расширились от шока, но когда он попытался заговорить, у него вырвалось лишь придушенное мычание.

'Считайте это моим уходом из Ордена Азира', - сказала Маленет, укладываясь на спину и глядя на звезды. 'Я отказываюсь от своего поручения'. Тело капитана издало странный скрипящий звук, превращаясь в кость, и Маленет подумала о том, какой опасности она себя подвергла, убив его.

Ты предала единственных людей, которые могли указать тебе путь назад в Азир. Ты утверждаешь, что собираешься стать влиятельной фигурой в сестринстве. Ты утверждаешь, что займешь мое место. Но как ты сможешь вернуться сейчас? Ты еще большая дура, чем я думала. Голос существовал только в сознании Маленет, и исходил он из амулета, висевшего у нее на шее. В амулет был вмонтирован пузырек с кровью, и кровь эта была тюрьмой, в которой находилась измученная душа бывшей госпожи Маленет. *Что они сделают, когда узнают, что Драймусс пропал? Они послали его сюда в поисках тебя. Они послали его сюда по твоей просьбе. Почему ты настолько глупа, что сказала ордену, где ты находишься, а потом убила первого же посланника, которого они прислали? Даже для тебя это абсурд.*

Звуки умирающего охотника на ведьм сливались с треском костра и шумом волн, создавая приятный успокаивающий шум. Я передумала, - сказала Маленет, закрывая глаза. Я не могу позволить им убить Готрека, чтобы получить эту руну".

Почему, во имя Бога Убийств?

"Ты прекрасно знаешь, почему. Ты видела все, что видела я. Ты видела, как люди следуют за ним. Ты видела, какой он бесстрашный. Насколько он уникален. Как он противостоит всему в этих мирах". Ей пришлось

вытаскивать слова из горла. 'Он действительно тот, кем они все его считают, - какой-то проклятый герой. Он все изменит. Он уже изменил'.

Абсурд, сказала госпожа, но запал уже исчез из ее слов. Она спорила лишь по привычке. Они оба знали раздражающую правду: Готрек должен был жить.

Маленет пыталась бороться с одолевавшей ее сонливостью, но все было тщетно. Она погрузилась в сон, полный углей и дыма.

ГЛАВА 2

'Задница Валайи'. Готрек расхохотался. 'Что это?'

Маленет внезапно проснулась. Уже рассвело, и ее кожа была влажной от росы. Костер погас, и Готрек стоял в силуэте восходящего солнца. 'Что такое?' - простонала она, разминая затекшие конечности и похлопывая себя, чтобы проверить наличие оружия и ядов.

'Это ты вырезала?' Готрек разглядывал окостеневшие останки капитана Драймусса. 'Вот как ты проводишь время, если я решил вздремнуть? У тебя есть чертово хобби?' Он постучал топором по бледной фигуре, и она рассыпалась, образовав порошкообразную кучу вокруг его сапог. 'Типичная работа аэльфа. Ни пользы, ни украшения'.

Маленет вздохнула, пытаясь собраться с силами, чтобы выдержать еще один день с Готреком. Она встала, отерла пыль и посмотрела на море. Оно было уже тусклым, а краски не такими ослепительными, но дневной свет высвечивал необычные фигуры, кружащиеся в течениях. За последние несколько дней она несколько раз замечала их. Странная алхимия была присуща всему Побережью Воспламенения. Наряду с металлическими рыбами, обитавшими в море, она уловила мимолетные проблески человекоподобных форм. Они были похожи на тени пловцов, но самих пловцов не было. Она не удивилась такому необъяснимому зрелищу. Чем дальше они удалялись от центральных районов Спирального круга, тем более непредсказуемым становилось Владение Металла. Ей нужно было убедить Истребителя повернуть назад. Нужно было найти что-то похожее на цивилизацию, иначе они окажутся в местах, где наука и логика уже бессильны.

Готрек поковылял по ложбине, пнув мешки и оружие Драймусса. Он не проявлял никаких признаков похмелья. Его высокий гребень волос спутался от того, что он на нем спал, борода была заляпана жиром и несвежим пивом, но в глазах снова появился блеск. Он излучал грубоватую бодрость, которая подсказывала Маленет, что им предстоит провести еще один день в поисках неприятностей на побережье. Истребитель чередовал приступы уныния с периодами дикого рвения. С момента вынашивания своей последней идеи он был неистово воодушевлен.

'Это не твои вещи', - сказал он, поднимая дорожную сумку Драймусса и роясь в ней. Он хмыкнул, когда оттуда выпал значок сигмарита.

'Подожди', - сказала Маленет, подбегая к нему.

Готрек протянул ей сумку и достал из нее пачку писем. 'Что это?' Он прищурился, вглядываясь в изящный почерк. 'Это твой почерк. Я бы узнал твои паучьи каракули где угодно'. Он перевел взгляд с писем на значок, выпавший из сумки, затем на кучку пыли, которая когда-то была капитаном Драймуссом. Затем он повернулся к Маленет, и выражение его лица помрачнело. 'Все еще пытается предать меня. Даже сейчас.' Его щеки вспыхнули румянцем, а огромные бицепсы напряглись, когда он крепче сжал топор. 'Пишешь своим друзьям в Азир, планируешь отдать меня, как откормленного теленка. Пытается сделать из меня оружие для этого громогласного фермерчонка, Сигмара'.

Маленет пробормотала проклятие и отступила назад.

Теперь ты видишь? Ты оставила его в живых и посмотри, к чему это привело. За это он получит твою голову.

Готрек стукнул топором по золотому значку в своей груди. 'Если тебе нужна эта чертова руна, иди и возьми ее'. Он кивнул на ее ножи. 'Хватит болтать. Прояви немного смелости. Перестань писать глупые письма и сражайся со мной'. Его настроение из доброжелательного мгновенно превратилось в разъяренное. Он бросил письма и зашагал по ложбине, размахивая топором, его яростный взгляд был устремлен на Маленет. 'Давай покончим с этим. Раз и навсегда. Ты ищешь способ убить меня с того самого дня, как мы встретились. Почему бы тебе не сделать что-нибудь для этого? Разве ты не должна быть убийцей? Кажется, ты не очень хорошо умеешь убивать'.

Маленет представила себе, что было бы, если бы она действительно смогла избавиться от Истребителя. Существовали яды, которые она еще не пробовала. Возможно, один из них, нанесенный на аккуратно подставленный клинок, сработает. Но она знала, что не станет пробовать. Время убивать Готрека прошло. Она слишком много в него вложила. В тот момент, когда она убила Драймусса, она разорвала все связи с Орденом Азира. Единственная надежда на успех теперь была связана с разъяренным, ругающимся грубияном, который в данный момент искал повод, чтобы лишить ее головы. Я убила его, - тихо сказала она.

'А?' воскликнул Готрек. 'Кого?'

Она махнула рукой в сторону груды сломанных костей. 'Капитана Драймусса. Один из самых высокопоставленных охотников на ведьм во Владениях Смертных. Он пришел сюда, чтобы найти тебя'.

"Потому что ты, черт возьми, ему это сказала".

'Верно. Но потом я передумала'.

Готрек остановился, пристально глядя на нее. Он был горой мускулов, шире любого дуардина, которого она когда-либо встречала, и покрыт татуировками, выглядящими очень грубо, но ему все равно приходилось смотреть на нее снизу вверх, и этот факт не переставал ее забавлять. 'О чем ты говоришь, ведьма? О чем ты передумала?'

'О тебе. И о Мастер-руне Черного Молота. Я не думаю, что тебе стоит ехать в Азир. Я думаю, это было бы ошибкой. И, как бы мне этого ни хотелось, я не думаю, что они должны вырезать эту руну из твоих ребер'.

Глаз Готрека все еще пылал, но он опустил топор и перестал вышагивать. 'Полагаю, это проявление твоей сострадательной натуры?' Он одарил ее едкой ухмылкой, обнажив кривые, испорченные зубы. 'Или это потому, что мы такие хорошие друзья?'

Она убрала нож, почувствовав, что опасность миновала. Они вернулись к своему обычному общению. 'Я презираю тебя, Готрек Гурниссон, с такой страстью, которую до сих пор считала невозможной. Я ненавижу тебя так, как никогда никого еще не ненавидела. Я не назвала бы тебя другом, если бы мы были последними оставшимися во Владениях Смертных, но...' Она заколебалась. Ей было нестерпимо больно быть с ним такой откровенной.

"Но что?"

'Но ты отличаешься от всех нас, ты другой'. Она указала на него. 'Заметь, я сказала "другой", а не "лучше". И я не знаю, почему боги так решили. Возможно, потому, что ты не родился в этих краях. Может быть, потому, что ты родом из... как ты это называл? Пик Караз?'

'Караз-а-Карак. Вечный пик, и не коверкай его название своим аэльфским языком".

Она пожала плечами. 'Ты говоришь, что родился в другом мире. В другом времени. Возможно, именно поэтому ты побеждаешь врагов, которые не под силу остальным. Даже Горозорожденные Вечные Сигмара не смогли бы сделать того, что делаешь ты".

Готрек уже собирался снова ей возразить, когда до него дошло, что она сказала. Он хмыкнул, не зная, как реагировать. Он явно не ожидал комплиментов.

'Ты имеешь в виду то, что говорил раньше?' спросила Маленет. 'О почитании предков?'

'Да.' Он уставился на жаровню в намерении своего топора, изучая тлеющие угли. 'К своему стыду, я не видел этого раньше. Я должен быть достоин их, даже здесь, даже в этих жалких преисподних, которые вы называете Владениями. *Особенно* здесь, где так много нужно исправить". Он снова принялся размахивать топором и вышагивать, но уже не думал о Маленет. Она увидела, что в его глазах снова появился блеск волнения. Он думал о своих планах по очищению Владений от зла. 'Мои старые клятвы умерли вместе с моим домом". Он посмотрел на море. 'Я прятался за ними. Теперь я здесь, в ваших мирах, и я должен поступить так, как поступил бы мой отец, и его отцы до него. Я должен быть таким же настоящим, как все *дави*, пришедшие до меня. *Дренг Тромм*. Как еще я могу надеяться присоединиться к ним? Как еще я могу надеяться вспомнить о них? Что бы сделал Казадор Громовой Рог, будь он здесь? Он бы до последнего вздоха охотился за каждым мерзавцем гроби. А что бы сделал Горим Железный Молот, столкнувшись со всеми этими болванами, поклоняющимися демонам? Думал ли бы он только о том, чтобы найти свою гибель? Или о своих неудачах? Нет! Он бы раскроил несколько проклятых черепов! Он не успокоился бы до тех пор, пока ни он, ни они не были бы мертвы. Думаю о всех моих сородичах, от Гурни

Молотобойца до Торгрима Носителя Обид. Они все здесь, сейчас, во мне. Ушедшие, но не забытые. Через меня дави должны исправить эти ошибки. Потому что альтернатива - оставить все на волю проклятых богов. И поверь мне, все, чего хочет Сигмар, - это сменить один жестокий режим на другой. Ты же видела, что представляют собой его Грозорожденные Вечные. Они все сломлены. Представь, если бы они действительно вернули себе Владения - все было бы еще хуже, чем сейчас".

Готрек покачал головой. 'Все это время я пытался найти цель в этих новых мирах. А теперь я вижу, что она у меня уже есть. Та самая цель, которая была у меня всегда. Цель всех дави". Готрек взобрался на край ложбины и поднял свой топор из огнестали, освещенный пытающей жаровней. 'Гримнир пытался лишить меня моей судьбы', - сказал он, возвращаясь к старой обиде, которую Маленет так и не смогла понять. 'Но я найду новую. Я выслежу каждого гроби и оррука, каждого культиста и полководца, каждого троггота и тролля. А пока я буду это делать, я научу этих чертовых дуардинов быть гномами".

Готрек собирался сказать еще что-то, но остановился и уставился на Маленет, досадуя на себя, возможно, за то, что раскрыл больше, чем намеревался. Его щеки потемнели, и он, пробормотав что-то себе под нос, затопал обратно в ложбину.

Маленет кивнула. 'Я ничего не знаю о Молотобойцах и Носителях обид, но в тебе есть что-то такое, что даже Темные боги не могут сокрушить". Она посмотрела на побережье, в ту сторону, откуда они пришли. Вот почему я думаю, что нам следует вернуться туда, где ты сможешь применить это. То, что у тебя возникли разногласия с харадронами, не означает, что мы должны изгнать себя в пустыню. Если мы будем уходить все дальше от Спирального Круга, то в конце концов превратимся в куски олова или расплавимся в зыбучее серебро. Это место - алхимическая печь. Что такого особенного в этом участке побережья? Что ты, собственно, ищешь?'

Маленет не ожидала, что Готрек доверится ей. С тех пор как они покинули Барак-Урбаз, он действовал по плану, который отказывался объяснять. Но она, казалось, обезоружила его. Он кивнул, забираясь обратно в повозку. 'Здесь я начну показывать своим сородичам, как надо жить в соответствии с их историей". Он забрался в повозку и махнул ей

рукой, чтобы она следовала за ним. Еще в Барак-Урбазе Солмунд показал мне свои карты. И он дал мне представление о проблемах, которые сдерживают дуардин". Готрек рявкнул команду, приводя железоспинов в движение, и Маленет запрыгнула и села рядом с ним. Железоспины были похожи на кабанов, с ржавой металлической шкурой и проржавевшими бивнями. Они издавали хрюкающие звуки, переваливаясь по камням, направляясь прочь от скалы к дороге. 'В этих землях есть те, кто мог бы изменить ситуацию. В этих диких землях еще есть армии, которые могли бы противостоять зеленокожим, некромантам и поклонникам Хаоса, но все они погрязли в междоусобных войнах".

Истребитель редко говорил так открыто и ясно, поэтому Маленет просто кивнула, радуясь возможности узнать хоть немного о том, что происходит в его глыбообразном черепе.

'У Солмунда есть здоровая голова на плечах...' Готрек нахмурился и потерял нить разговора. Маленет знала, что Истребитель сожалеет о своей вражде с харадронским магнатом. Если бы не крепость харадронского эля, они бы до сих пор оставались друзьями. Готрек нахмурился и покачал головой. 'По крайней мере, в некоторых вопросах. Если бы он меня послушал, мы могли бы чего-то добиться с помощью всей той силы, которую он хранит в облаках".

'А это побережье?' - спросила Маленет.

'Да. Это побережье. Хороший пример того, почему в ваших Владениях все наперекосяк. Неподалеку отсюда живут гномы, или, как вы говорите, дуардины. Солмунд рассказывал мне о них. Они называют себя Варрух". Он постучал руной по своей груди. Они из той же породы дикарей, что сделали эту штуку. Огнеубийцы. Но, судя по всему, раньше они неплохо охраняли земли от этого побережья до тех гор. Они наемники, как и все Истребители в наше время. Они берут деньги за свою защиту, но, по крайней мере, они давали людям возможность жить в относительной безопасности. Солмунд сказал, что они живут в горной крепости неподалеку отсюда".

Маленет уставилась на него. 'Ты ведешь нас в еще одну ложу Огнеубийц? Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда мы вошли в один из их магмохолдов? Мы оба оказались в цепях. Кроме того, - она указала жестом на волны, разбивающиеся о бухту, все еще видимую с дороги,

уходящей в холмы, - ты сказал, что они обеспечивают безопасность этого места. Похоже, они и без твоей помощи неплохо справляются".

'Раньше они обеспечивали безопасность. Несколько месяцев назад все изменилось.

Солмунд сказал, что теперь они проводят время, затаившись в своей крепости, пока мародеры и зеленокожие устраивают беспорядки. Раньше это было одно из немногих мест в Айяде, где люди могли путешествовать в безопасности, но теперь, благодаря трусости этих так называемых Истребителей, здесь так же плохо, как и везде".

Маленет пожала плечами. 'Все Владение находится под пятой Хаоса. Как и все остальные. Я не понимаю, почему именно этот уголок представляет интерес".

'Потому что эти варрухские идиоты - мои родичи'. Готрек наклонился вперед в своем сидении, его мышцы напряглись. 'И они позорят моих предков. Мне плевать, что вы, аэльфы, укрываетесь в своих лачугах и обманываете себя тем, что Сигмар все уладит, но эти Варрухи - дави. Я не буду стоять в стороне, пока они прячутся под горой и оставляют всех остальных умирать. Где тут честь? Они защищали эти земли раньше, так пусть, черт побери, защищают их снова. Даже если для этого мне придется их убить".

'Ты собираешься убить их, чтобы они снова могли выполнять свою работу?'

'И да, и нет. Ты понимаешь, о чем я. Я научу их как жить. И как сражаться. И как правильно умирать".

'Значит, ты станешь вождем? Великим полководцем". Она вскинула руки в похвале. Готрек, король-воин дуардинцев! Повелитель вольного народа. Приносящий порядок и пиво!

Он помрачнел. 'У твоего народа достаточно вождей. Это половина проблемы. Они просто чума. Каждый из них соперничает с другим, чтобы выглядеть более впечатляюще. Нет, это - не путь Готрека Гурниссона. Я это знаю. Но я могу противостоять злу там, где его нахожу".

'И ты думаешь, что это что-то изменит? Против бесконечных легионов Хаоса?'

'Дело не в этом, черт возьми. Ты поступаешь правильно не потому, что это что-то меняет. Ты поступаешь правильно, потому что это, черт возьми, правильно'.

Маленет рассмеялась. 'Ах, гномьи изыскания Готрека Гурниссона. Ты настоящий философ. Кто-то должен написать о тебе книгу'.

Готрек что-то пробормотал, и огонь в его глазах потух, когда он отвернулся.

Маленет покачала головой. Ей все еще было трудно понять его логику, но теперь она хотя бы знала, в каком направлении они движутся. "Если отсутствие Истребителей бросается в глаза, это, скорее всего, означает, что они мертвы. Воинские отряды Хаоса все еще владеют этим континентом, что бы ни говорил тебе Солмунд. Полагаю, Темные Боги наконец заметили твоих друзей-дуардинов и послали своих приспешников уничтожить их".

Готрек покачал головой. [Солмунд сказал, что нет. Он сказал, что они все еще ведут добычу под своей горой. Его капитаны видели их со своих небесных кораблей. Варрухи все еще живы. Просто они больше не сражаются".

'Огнеубийцы, которые не сражаются? Вряд ли. Это то, ради чего они живут. Это их способ зарабатывать деньги. Они не такие, как ты. У них нет горячего желания исправлять ошибки и чтить предков. У них нет морали. Им просто нравится убивать и получать за это деньги. Они - неверные наемники. Поверь мне, если они не сражаются, значит, они мертвы'.

Готрек что-то бормотал, направляя железоспинов к очередному повороту и открывающемуся за ним участку побережья. Солнце быстро поднималось, и они были достаточно высоко, чтобы видеть на несколько миль вперед.

'Вон там', - сказал он, указывая на пятно на горизонте. 'Это точно. Если Истребители следят за этими землями, такого не должно происходить'.

Маленет взглянул в утреннюю дымку. Из остатков прибрежной деревни, расположенной примерно в пяти милях от дороги, поднимался столб дыма. 'Возможно, это дело рук зеленокожих, а не Хаоса', - сказала она.

'Какая разница, кто это сделал? Если здесь есть Истребители, они должны следить за безопасностью этих дорог'. Готрек поехал дальше, телега

набирала скорость, дребезжа по ухабам. 'А если они не могут этого сделать, то должны искать виновных. Зло нужно искоренять, как только оно появляется. Гроби, тролли, дикари Хаоса или коварные элги - все это одно и то же. Действуйте быстро. Уничтожьте. Пусть порядочные люди продолжают жить своей жизнью'.

'Мы должны быть осторожны, - сказала Маленет. Это нападение произошло всего несколько часов назад. Когда мы останавливались прошлой ночью, никаких признаков пожаров не было. Возможно, там все ещё сражаются'.

Готрек усмехнулся, разгоняя железоспинов еще больше.

Маленет не стоило беспокоиться. Подъехав к деревне, они не увидели никаких признаков боя. На пляже и вокруг деревянного острога деревни были разбросаны человеческие трупы, но никакого движения, кроме дыма, поднимающегося из рыбацкой хижины, и птиц, которые клевали мертвецов.

Готрек остановил телегу и привязал ее к пню, после чего они продолжили путь пешком, доставая оружие по мере приближения к деревне. Ворота пьяно болтались на петлях, а на маленькой площади за ними валялось еще больше тел. Пока Готрек топтался у хижин, осматривая тела и ругаясь себе под нос, Маленет заметила нечто странное.

'Готрек!' - позвала она.

Он высунулся из разбитого дверного проема. 'Что?'

"Посмотри на это". Она махнула ножом в сторону трупа. Это был молодой воин, склонившийся над скимитаром и щитом. Почему на нем нет крови?

Готрек подошел к трупу и нахмурился, когда Маленет перевернула его ногой. 'Что ты имеешь в виду?'

'На нем нет ран', - сказала она, опускаясь на одно колено, чтобы внимательнее осмотреть труп.

'Ну, на телах снаружи их было много. Какая разница? Он все равно мертв'.

'Это просто странно. Люди на пляже все в ранах, а эти выглядят так, будто их до смерти напугали. Посмотри на него, на нем нет ни царапины, кроме тех мест, где птицы ковырялись в его лице. У него нет глаза, но я думаю, что его, скорее всего, забрала чайка. Интересно, может... - Она подняла лицо мужчины ближе к себе. 'Подождите минутку. Он еще дышит'.

Она приложила ухо к его груди. 'Он жив'.

Готрек нахмурился. 'Должно быть, его вырубili во время боя и не заметили'. Он осмотрел поврежденные здания. 'Наверное, выродки Хаоса. Зеленокожие нанесли бы больше вреда. А аэльфы все еще были бы здесь, сочиняя поэму о том, какой возвышенной была битва. Кто бы это ни сделал, он просто хотел убить и уйти'.

'Он в сознании, - сказал Маленет, ударяя мужчину по лицу и пытаясь привести его в чувство. 'Смотри, у него глаза широко открыты. Он как будто загипнотизирован'.

Готрек подошел к другому трупу. 'Странно, - сказал он, приседая рядом с ним. Этот парень такой же. Глаза открыты, но он лежит плашмя'. Готрек наклонился ниже, так что его рот оказался рядом с ухом воина, и схватил его за плечи. 'Проснись! Вставай!' - заорал он во весь голос. Воин лежал неподвижно и не подавал признаков того, что слышал. 'Странно, - пробормотал он, отбросив воина и перейдя через площадь к другому телу. 'Эта такая же'. Готрек поднес руку к ноздрям женщины. Она дышит, глаза открыты, но не в себе'.

Они обследовали все хижины и раз за разом находили одно и то же - людей, которые на первый взгляд были похожи на трупы, но при ближайшем рассмотрении оказывались вполне живыми. 'А посмотри-ка сюда, - сказала Маленет, подзывая Готрека к хижине, служившей складом. 'Веревки, оружие, еда, доспехи... Почему все это не тронут? Если это дело рук разбойников или мародеров, почему они ничего не взяли?'

Готрек покопался в оружии. Последователи Темных Богов убивают ради удовольствия. Они бы не заботились о том, чтобы разграбить это место'.

Маленет покачала головой. 'Я не согласна. Что за армия, которая игнорирует источник бесплатных припасов? По крайней мере, они должны были взять еду'. Она пнула копье. 'А оружие, похоже, хорошо

сделано'. Она посмотрела на одного из бесчувственных выживших. 'Здесь происходит что-то странное'.

'Посмотри на это', - сказал Готрек, подняв кусок доспеха и помахав им перед Маленет. "Я должен был догадаться".

Она взяла доспех из его пальцев и нахмурилась. Он был слишком изящен, чтобы быть сделанным людьми или дуардинами. Это был рондель - маленький, круглый кусочек металла, который переливался, когда она поворачивала его в пальцах. Он переливался, как рыба чешуя, и был выкован, чтобы напоминать морскую раковину.

'Это аэльфийская работа', - проворчал Готрек, оглядываясь по сторонам. 'Я должен был догадаться. Все подозрительное обычно ведет к твоему роду'.

Маленет покачала головой, рассматривая искусно сделанные доспехи. "Она действительно похожа на аэльфийскую, но я никогда не видела такой конструкции".

'Вот еще', - сказал Готрек, указывая топором на другой кусок доспеха. 'И следы. Смотри. Они ведут на другую сторону деревни'.

Маленет пригнулся, чтобы рассмотреть следы в грязи. Странно. Видишь, как они пульсируют и изгибаются. Как следы змеи".

'Змеиные аэльфы, - усмехнулся Готрек. 'Змеи на змеях'.

Маленет не стала обращать на него внимания и пошла по следам в глубь деревни, где обнаружила полностью разрушенную часть крепости.

Значит, они пришли сюда, - сказал Готрек, подходя к груде деревянных кольев.

'Возможно', - сказала Маленет. 'Но все промокло. Она вытащила из-под обломков кусок водорослей. 'Похоже, что это сделала волна'.

'Вряд ли'. Готрек махнул рукой через щель на скалистый берег снаружи. Море в полумиле отсюда.

Маленет вышла на пляж. Камни, хрустевшие под ногами, были в основном из драгоценных металлов - золота, серебра и множества сплавов, которые переливались под ее сапогами. В другом мире за такие богатства убивали бы, но здесь, во Владении Металла, где золото

сыпалось с неба или росло на трупах, как плесень, нашлись другие причины для убийства. Извилистые следы тянулись к морю, и, идя по ним, Маленет находила все больше обрывков доспехов и жителей - либо мертвых от кровавых ран, либо оцепеневших, как те, кого они нашли возле хижин, дышащих, но в остальном безжизненных, безучастно глядящих на облака над головой. Найдя фрагменты аэльфийских доспехов, Маленет заметила, насколько точны и изящны были удары меча. Ни люди, ни дуардин не могли сражаться с таким смертоносным изяществом.

Зачем аэльфам беспокоиться о подобных людях? В голосе ее госпожи звучало недоверие. *Жалкие рыбаки и собиратели приливов. И даже не похоже, что они что-то взяли.*

Маленет покачала головой. И эти следы не похожи ни на что, что аэльфы оставляли раньше".

Наконец Готрек, шагая за ней, добрался до моря. Жидкость с шипением билась о камни, и она держалась на расстоянии нескольких шагов от брызг. Одни говорили, что Аметистовый океан наполнен водой, другие утверждали, что это расплавленный металл, но все сходились во мнении, что он ядовит. Дорожки тянулись по пляжу с десятков разных направлений и соединялись в этом месте, взбивая камни, прежде чем уйти в волны. Когда Маленет смотрела на море, у нее возникло странное ощущение, что оно смотрит на нее, изучает ее. 'Это еще тела?' - спросила она. "Плавают немного в стороне?"

'Я ничего не вижу', - пробормотал Готрек. 'А что это за вонь?'

Маленет принялась. Под солоноватым привкусом ветерка чувствовалось что-то странное: что-то звериное, похожее на мускус крупного животного. Ощущение, что за ней наблюдают, усилилось, и инстинкты подсказали ей, что они в опасности. Она почувствовала внезапное желание уйти. 'Какое это имеет значение?' - сказала она. 'Несколько мертвых жителей. Мы должны идти'.

Готрек, надвигаясь на нее, выглядел еще более разъяренным, чем обычно. 'Вот в этом-то и проблема, черт возьми'. Он ткнул пальцем в сторону кучи тел. Никому в этих вонючих королевствах нет дела до этих людей. Они - забытые и брошенные".

Маленет вздохнула, поняв, что спровоцировала одну из гневных тирад Готрека.

'Сигмар или Кхайн, - прорычал он, - 'нет никакой разницы, разве ты не видишь? Неважно, в кого верят эти люди. Богам важно лишь господствовать над другими богами. И пока они бороздят небеса, разбрасывая молнии, вот что происходит со всеми остальными. Раздавленные и окровавленные, снова и снова. Засыпают землей. Пища для воронов. Ничего не меняется. Никто не побеждает. Мы просто меняем одного тирана на другого'.

Что бы Маленет ни думала о Готреке, она все равно не хотела, чтобы он читал ей нотации. 'Ты понятия не имеешь, что значит Кхайн. Не представляешь, на что он способен. К тому же, если не боги, то в кого нам верить?' - усмехнулась она. Она усмехнулась. 'В тебя?'

'Верь в себя!' Челюсть Готрека дрожала от ярости. 'Так мы и поступили. Дави не ждали, что боги спасут нас. Мы прислушались к мудрости наших предков. Мы взяли на себя ответственность за свое будущее'.

Маленет рассмеялась. 'И посмотри, к чему это привело! Весь ваш мир был уничтожен. Теперь ты здесь, изгнанник без рода, который подвел свой народ, и пытаешься убедить меня, что знаешь все лучше всех.'

'Потому что я послушал чертова бога! Потому что я поверил в Гримнира, когда должен был верить в таких смертных, как эти. Мы с человеческим отпрыском могли бы изменить ситуацию, если бы меня не обману...'

Что-то зашевелилось дальше по берегу. Маленет была в такой ярости на Готрека, что, услышав шум, повернулась на пятках, чтобы метнуть нож.

Готрек с удивительной быстротой перехватил ее запястье.

Нож бесполезно упал на землю.

Она зашипела, когда ценные токсины вытекли из лезвия и разлетелись на осколки металла.

Готрек бросил на нее взгляд. 'Не всех нужно убивать'. Он кивнул в сторону фигуры, издавшей звук. Это был человек, распростертый на берегу и зажимающий свои раны.

Спорно, - пробормотала Маленет, следуя за Готреком к незнакомцу.

Подобрав нож и сделав вид, что хочет метнуть его в Истребителя, Маленет направилась вслед за Готреком к незнакомцу.

ГЛАВА 3

Мужчине на вид было около тридцати лет, и он совсем не походил на всех остальных жителей деревни, которых они уже видели. Он был одет в сложный металлический костюм, который блестел и звенел, когда он пытался подняться. Когда они подошли, он пристально посмотрел на них, качая головой и шепча молитвы окровавленными губами. Он был мощно сложен, а его обнаженные руки были почти такими же мускулистыми, как у Готрека. Подойдя к нему, Маленет заметила, что металлический костюм этого человека покрыт движущимися частями: пружинами и шестеренками, которые щелкали и жужжали, когда он двигался, пытаясь подняться. Рядом с ним лежала кожаная сумка, из которой на пляж высыпались механические устройства.

'Все еще жив', - хмыкнул Готрек.

Маленет кивнула на ужасные раны, покрывавшие его. 'Ненадолго'.

Истребитель пристально посмотрел на нее. 'Помоги ему'.

Она бросила на него непонимающий взгляд.

В глазах Готрека вспыхнула ярость, и он схватил свой топор, наклонившись к ней. 'Помоги ему'.

Маленет вздохнула, залезла в один из карманов, прикрывавших ее кожу, и всыпала мужчине в рот немного порошка, прежде чем он успел возразить.

Он закашлялся и уставился на нее в недоумении, но прежде чем он успел что-то сказать, она выдернула стрелу из пластин его металлического костюма и насыпала порошок в рану.

Он задохнулся и лег на спину, глаза его расширились от удивления. 'Боль прошла'.

Маленет кивнула. 'Теперь все будет хорошо'.

'Хвала богам', - вздохнул он, хватаясь за ее руку, и в его глазах появились слезы благодарности. 'Ты не они', - задыхаясь, произнес он. Его конечности тряслись, а кожа приобрела неприятный серый оттенок.

Маленет отдернула руку и вытерла ее о свою кожу.

'Кто это сделал с тобой?' - настойчиво спросил Готрек.

"Что ты имеешь в виду?"

'Не будь утомительным', - огрызнулась Маленет. 'Он имеет в виду все это'. Она махнула рукой в сторону тел на берегу и разрушений в рыбацкой деревне. 'Кто напал на вас? Это были аэльфы? Как я?'

Мужчина выглядел растерянным, глядя мимо нее на волны, разбивающиеся о берег. Он покачал головой, начал говорить, потом нахмурился. 'Я не могу вспомнить.'

'Ты не можешь вспомнить, кто пытался тебя убить?' Готрек старался говорить мягким тоном, но даже это граничило с рычанием. 'Что это значит? Как давно это произошло?'

Мужчина все еще смотрел на море, как будто никогда не видел его раньше. Затем его глаза расширились, и к нему вернулись какие-то воспоминания. 'Левиафаны', - прошептал он. Он оглядел тела на пляже. 'Море было живым'.

Маленет оглянулась на Готрека, который поднял бровь. Она махнула рукой в сторону тел. 'Эти раны от эльфийского оружия'.

Мужчина поморщился и снова покачал головой. 'Нет. Не эльфы. Морские твари. Кракены. На них ездят нимфы и келпи. Твари из глубин'.

'Ты сражался с русалками?' - спросил Готрек.

Мужчина выглядел еще более растерянным и покачал головой. 'Я ни с кем не дрался. Я просто проходил мимо'. Он все еще смотрел на трупы. 'Мне не место здесь, среди этих людей. Я из Виндикарума'. Он посмотрел на Маленет. 'Я Адорах.'

Он произнес это имя таким тоном, будто Маленет должна была слышать о нем. Она пожала плечами и посмотрела на Готрека, который покачал головой.

'Ты как-то связан со всем этим?' - спросил Готрек, размахивая топором в сторону разрушенной деревни.

Адорах выглядел потрясенным. 'Конечно, нет. Я только что провел здесь ночь. Я пытаюсь добраться до Барак-Урбаза. Я собирался выехать пораньше, чтобы успеть пройти предгорья до наступления темноты. А

потом... - Он нахмурился и помассировал бровь. 'А потом я не знаю что'. Он похлопал по своему механическому костюму. 'Ничего не сломано', - пробормотал он, поворачивая кнопки и щелкая рычагами, отчего части костюма задвигались и защелкали.

'Ты инженер?' - спросил Готрек, разглядывая его странный костюм.

'Я - Адорах. Вы уверены, что никогда не слышали обо мне?' Он огляделся по сторонам, полез в сумку и достал оттуда что-то. Он театрально протянул ее им. Это был металлический дракон, который танцевал на его ладони. Он был всего несколько сантиметров в высоту, но невероятно детализирован и двигался с жидкой грацией настоящей змеи, издавая приятный звенящий звук, когда сворачивался и разворачивался. 'Адорах - кукловод', - сказал мужчина, выжидательно глядя на них.

Готрек проигнорировал куклу и жестом указал вглубь страны, на далекие горы. 'Что насчет гномов?'

Адорах с трудом сфокусировал взгляд на Готреке. 'Что?'

'Борода Грунгни. Неужели аэльфы засунули что-то в твои чертовы уши? Дуардины. Истребители. Огнеубийцы. Называй их как хочешь. Воины, призванные защищать это побережье. Варрухи. Где они были, когда вторглись русалки? Где мы можем их найти?'

'Наемники?' Мужчина покачал головой. 'Их не видно уже несколько месяцев. Они сидят в своей крепости. На Котле Истребителя'.

'Котел Истребителя?'

'Вулкан. У Огнеубийц есть другое название - Дренг-Гунгрон, кажется'. Мужчина уставился на разрушенную деревню и тела. 'Они все...?'

Маленет покачала головой. 'Тебе лучше не знать'.

'Дренг-Гунгрон', - сказал Готрек. 'Это слова дави. Это значит Кузница Истребителя'.

'Да, - сказал мужчина, все еще глядя на тела. 'Кузница Истребителя. Я слышал, что она так называется'.

"Где это?"

'К северо-западу отсюда. Полдня пути. Но тебе туда нельзя.'

'Я хожу туда, куда хочу, человечек.'

'Ни один здравомыслящий не полезет на этот вулкан. Во-первых, он активен, но это не главная проблема. Варрухи - единственные, кто знает безопасные маршруты через эти скалы. Там сосредоточены эфирные потоки. Это что-то вроде лей-линии. Элементы всегда находятся в движении'.

Готрек пожал плечами и махнул топором в сторону моря. Оно переливалось десятками разных цветов и образовывало вязкие волны необычной формы. 'Это верно для всего этого Владения. Чем же отличается этот вулкан?'

'Дело в испарениях. Они завораживают людей. Это химический дым. Тот, кто не знает правильных маршрутов, сходит с ума. Люди видят видения и кошмары, и они либо падают в расщелину, либо с криками бегут вниз, в предгорья. Даже последователи Темных Богов никогда не брали эту вершину, хотя пытались много раз'.

Готрек презрительно фыркнул. 'Значит, Истребители прячутся в тумане, так ты мне говоришь? Это то, к чему пришел мой народ?'

Адорах копался в своем мешке, проверяя целостность своих вещей, но на замечание Готрека он поднял глаза. 'Нет, по крайней мере, до недавнего времени. Раньше они проводили все свое время здесь, на побережье, сталкиваясь рогами со всеми, кого могли найти. Они очень воинственный народ. Только в последнее время они стали жить в Караг-Варре, своей крепости'. Он пожал плечами. 'Если они вообще там есть. Никто не знает, куда они ушли. Возможно, их крепость наконец-то захватили. А может быть, вулкан наконец устал от своих жильцов и утопил их в лаве?'

Готрек оглядел лежащих на берегу людей, его борода ошетинулась. 'Если они еще живы, то им есть за что ответить. Они потеряли доверие этих людей. Пусть они жалкое подобие дави, но они дави. И я не позволю им так позорить нас'.

'Нас?' - удивилась Маленет. 'Значит, ты считаешь себя одним из них?' Он выглядел так, словно попробовал что-то горькое. 'Мы - родичи. И я не буду стоять в стороне, когда гномы не выполняют свои клятвы'.

Адорах сузил глаза. 'Ты попытаешься взобраться на Дренг-Гунгрон?'

'Я не буду пытаться, человечек, я это сделаю. Я найду этот Караг-Варр и посмотрю, во что играют Истребители'.

Адорах поджал губы и выглядел задумчивым. Он посмотрел на механические устройства в своем мешке. 'Я могу пойти с тобой.'

Маленет подозрительно посмотрела на него. 'Ты сказал, что направляешься в Барак-Урбаз. Это совсем в другой стороне'.

'Но в этих предгорьях есть руды, которых больше нигде нет. Я не настолько глуп, чтобы пытаться подняться, но даже на нижних склонах можно найти сокровища. Возможно, мне удастся найти то, что долгое время ускользало от меня. Огнеубийцы обычно не рады гостям'. Он кивнул в сторону Готрека. 'Но если я путешествую с одним из их сородичей, то могу спокойно подойти хотя бы к вулкану. А мы уже совсем близко'. Он стал перечислять направления к крепости.

'Хорошо, - сказал Истребитель, когда Адорах закончил объяснять маршрут. 'Это полезно. Я позволю тебе дойти с нами до подножия горы. Потом ты сможешь уйти и играть со своими куклами, пока я буду стучать по головам'.

"А как же этот беспорядок?" - рассмеялась Маленет, махнув рукой в сторону людей, которые все еще дышали, безучастно глядя на волны.

Готрек нахмурился. 'Черт его знает. По-моему, они околдованы. Может, трусливые Истребители знают что-нибудь о русалках?

'Значит, ты просто оставишь их в таком виде, чтобы их забрал прилив?'

Она снова рассмеялась. 'Ты говоришь о чести и правильных поступках, но все равно подозрительно похож на того дикого убийцу, которого я встретила в Акши'.

Готрек подергал себя за бороду, прохаживаясь между лежащими на земле жителями. 'Заткнись и дай мне подумать'. Он перевел взгляд с фигур на берегу на дымящиеся руины деревни. Огонь не распространится. Мы можем вернуть живых в их дома'.

Маленет продолжала смеяться. 'Вернуть их в их дома? Для чего, собственно? Пялиться друг на друга? Может, уложить их в кровати? Или сложить их в кучу?'

Готрек направил на нее свой топор. 'Заканчивай, каналья, или останешься здесь с ними'.

'Ведьмин Клинок', - пробормотала она, но ей было слишком весело, чтобы злиться. Она не могла придумать ничего более нелепого, чем попытка Истребителя взять на себя роль доброго помощника.

'И ты тоже', - хмыкнул Готрек и повернулся к Адораху. Тот ничего не ответил. Его голова опустилась на землю, глаза закатились обратно в глазницы. Готрек бросился к нему и стал трясти его, а затем с яростным выражением лица посмотрел на Маленета. 'Он мертв!'

'Конечно, он мертв'. Маленет покачала головой. 'Посмотри на эти раны. Я убийца, а не чертов целитель. Я облегчила его боль. Чего еще ты от меня хочешь?'

'Ты сказала ему, что он будет жить'.

Она рассмеялась. 'Сколько информации мы бы из него вытянули, если бы я этого не сделала? Он был бы слишком занят криками и рыданиями. Благодаря мне ты теперь знаешь, где находятся твои друзья Огнеубийцы'.

Смех Маленет заглох в горле, когда она увидела безумный блеск в глазах Готрека. "Негодяй", - пробормотала она и направилась оттаскивать тела.

ГЛАВА 4

Уложив жителей в хижинах, они вернулись к прибрежной дороге и забрались в повозку. Готрек привел ее в движение, и они понеслись по предгорьям. Деревень больше не было, а когда солнце поднялось выше, показалась земля с зубчатыми мысами и скалистыми бухтами. У Готрека еще оставалось харадронское снаряжение, которое дал ему Солмунд, и он с помощью вычурного компаса прокладывал маршрут, сворачивая с дороги на грунтовые тропы, уходящие в сторону от моря. К северу от них возвышались Мрачные Пики - огромная стена гор, пронзающая облака, на плечах которых сверкали снег и металл.

Готрек пребывал в состоянии нетерпеливого ожидания, что особенно раздражало Маленет. Он мог неделями молчать, но в такие моменты, когда его охватывало наваждение, он беспрерывно болтал. Шли часы, он

рассказывал об очаговых залах своей родины, где история сливалась с современностью, а мудрость старины передавалась жаждущим молодым ученикам. Его голос смешивался с ворчанием железоспинов и скрипом колес по камням. Маленет отвлеклась, изучая покрывавшие Истребителя потные мускулы, пытаясь решить, в какое место лучше всего воткнуть лезвие, пропитанное токсинами. В ее голове разыгралась сложная фантазия, в которой она убила Истребителя и заслужила обожание богов. Сам Кхайн восхвалял ее за избавление королевства от столь утомительного реликта. За этим последовали власть и слава. Она как раз представляла себе тот момент, когда вознесется к богам, заняв место Сигмара во главе Пантеона, когда заметила что-то вдаль.

"Что это?" - спросила она, откинувшись на спинку тележки.

'Что?' - хмыкнул Истребитель, не поворачиваясь.

Был уже почти полдень, и холмы были залиты солнечным светом, но в сторону побережья, на горизонте, казалось, что кто-то вырвал полосу из дневного света. Кажется, надвигается гроза, - сказала она. Навстречу им неслись облака, и ее острое эльфийское зрение различило линии серебристого дождя, бегущие туда-сюда по скалам.

Готрек неопределенно хмыкнул и продолжил перечислять причины, по которым молодые должны уважать старых. Маленет старалась не слушать, но обрывки его разговора пробивались в ее мысли. 'Люди разучились слушать... Слишком молоды, чтобы понять свое место... Все сводится к уважению. Когда я был бородачонком, я делал то, что мне говорили... Вот где гниль... Однажды я целый год бил молотом по одной и той же наковальне, потому что так было надо...'

Колеса телеги грохотали по рыхлой осыпи, железоспины издавали ужасающий грохот своими ржавыми копытами, но, прислушавшись, Маленет услышала раскаты далекого грома.

'Помни', - сказала она, говоря достаточно громко, чтобы ее голос прозвучал громче лекции Готрека, - 'мы в Айаде. В Карик-а-Заме гроза, вероятно, означала лишь повод сложить ноги у костра и заплести бороду, но здесь - Владение Металла. Бури означают проблемы'.

'В Караз-а-Караке', - поправил Готрек, оглядываясь на побережье. 'До нее час пути. А может, и больше. Мы доберемся до Истребителей

раньше, чем ты успеешь намочить волосы". Несмотря на пренебрежительный тон, он внимательно изучал грозовые вершины, затем повернулся к железоспинам и натянул поводья. Звери жалобно заскулили, но тут же перешли на тяжелую рысь, раскалывая камни и топчя пни, и устремились вниз, в очередную крутую лощину.

Болото и кустарник вскоре сменились бесплодным пространством сверкающей, беспорядочной руды. Шахты с золотом и свинцом усеивали покрывало из зубчатого черного базальта. Чем выше они поднимались, тем труднее было видеть. Пыль и пепел наполняли воздух, оседая на скалах, и даже сидя в повозке, Маленет чувствовала жар, поднимающийся от земли. Лошадям было бы трудно подниматься по такой пересеченной местности, но железоспины легко справлялись с этой задачей. Они водились по всему Побережью Воспламенения, и их когти были снабжены железными наконечниками, которыми они цеплялись за камни при подъеме, разбрасывая искры и обломки.

Маленет пробормотала проклятие, когда угли попали ей на лицо, обжигая кожу. "Почему, - сказала она, смахнув их, - ты возлагаешь все свои надежды на этих дуардинов?"

Даже сейчас, когда дым становился все гуще и серный смрад наполнял воздух, волнение Готрека не угасало, а росло. Его лицо было необычайно оживленным, и он напевал себе под нос.

'А? Огнеубийц? Я ничего на них не возлагаю, девочка. Они - жалкое подобие дави. Но они могут стать тем камешком, с которого начнется оползень. Я покажу, как правильно разобраться в том бардаке, который устроил вам Сигмар. В этих Владениях есть как добро, так и зло. Теперь я это вижу. И собираюсь склонить чашу весов в правильную сторону".

'Добро и зло!' Маленет рассмеялась. 'Для такого старика ты говоришь удивительно похоже на дитя. Добро и зло? Кто использует эти термины? Это просто вопросы перспективы. Конечно, ты это знаешь. Ничто не бывает черным и белым. Спроси своих друзей-наемников, когда мы до них доберемся. Войны ведутся за территорию, богатство, власть или навязывание идеологии. В них никогда не бывает правых и виноватых". Она усмехнулась. 'Добро и зло. Seriously?"

Готрек бросил на нее жалостливый взгляд. 'Ты приняла слишком много яда. Это высушило твою душу. Есть добро и зло. А также правильное и

неправильное. Есть смелость и трусость. Есть успех и неудача. Все это существует. Твои аэльфы пытаются запутать истину загадками, но истина все равно остается. Некоторые вещи просто есть. Помогать людям, как тем жителям деревни, которых мы только что видели, - это добро, а дать им умереть - зло".

Удовлетворенная тем, что ей удалось испортить веселое настроение Истребителя, Маленет надавила еще сильнее. 'Ты даже не знаешь, кто напал на тех жителей. И не знаешь, почему. Что, если морские чудовища, убившие их, жили на этом побережье еще до появления людей? Вдруг они просто отбиваются, чтобы вернуть себе земли, которые были украдены у них в более раннюю эпоху? А что, если жители деревни не знают об этом? Итак, жители сражаются за земли, которые, по их мнению, принадлежат им по праву, а монстры делают то же самое. Кто в этом случае "добрый", Готрек? А кто "злой"?'

Готрек наставил на неё свой массивный палец. 'Вот! Неправильная чушь. Типичный аэльфийский бред. Людей убивают твари, выползающие из моря. Это плохо. И это нужно исправить. Не надо слишком много думать обо всем. Иногда ясно, что хорошо, а что плохо. И если на этой горе живут дави, они должны поднять свои задницы и что-то с этим сделать".

Он сделал паузу, и Маленет увидела, что в его глазах снова появилось страдающее, затуманенное выражение. 'Мы забыли об этом в прошлом, но не должны забывать снова. Вот почему пал Карак Унгор, и Карак Восемь Вершин, и все остальные наши крепости. Вот почему мы потеряли все, в конце концов. Нас ослепили другие вещи. Мелкие вещи. Вещи, которые заслонили от нас главное. Мы - Старшая Раса. Наследники Грунгни. Владыки Караз Анкора. Мы умеем добиваться своего. Но мы сбились с пути". Он изучал разрушенный склон горы, наблюдая за дымом, украшенным углями, его взгляд был отрешенным. 'И посмотрите, к чему это привело. Мы должны отстаивать правду. Или мы не будем отстаивать ничего".

Маленет понятия не имела, о чем он говорит, но с нее было достаточно. Теперь он погрузится в угрюмое молчание, которое она находила бесконечно предпочтительным по сравнению с лекциями о почтении и традициях. Она откинулась на спинку сиденья, покрутила в руках один из ножей, но покой был недолгим. Когда железоспины потащили их выше

по скалам, дым стал таким густым, что стало трудно дышать. Маленет кашляла и отплевывалась, и даже Готрек что-то бурчал в бороду.

"Что это там, впереди?" Маленет указала ножом на что-то в дыму. Там был участок темноты, еще более глубокий, чем остальные. Как будто кто-то открыл дверной проем. Подожди здесь", - сказала она и опустилась на камни, когда Готрек остановил повозку. Она с трудом приблизилась к темноте, скользя по толстому ковру пепла, покрывавшему все вокруг. Когда она приблизилась к предмету, то увидела, что он дергается и дрожит, и пригнулась, держа нож перед собой.

"Что ты нашла?" - буркнул Готрек, спустившись с телеги позади нее.

Даже приблизившись к фигуре, Маленет затруднилась с ответом, и Готрек направился в другую сторону, удивленно буркнув, когда заметил в дыму что-то еще. Маленет сделала еще несколько шагов и увидела, что на одном из камней кто-то сидит. Сначала она увидела лишь пару длинных, стройных ног, обутых в кожаные сапоги, но потом рассмеялась, увидев, что это ее мертвая госпожа, такая же красивая и жестокая, как всегда, изучающая ее тяжелым взглядом.

Ты выглядишь ужасно, - ухмыльнулась она, поднимаясь, чтобы поприветствовать Маленет.

Маленет фыркнула. Я убила тебя своими собственными руками. Вряд ли я поверю, что ты разгуливаешь по Айяде".

Если я мертва, - усмехнулась аэльфийская ведьма, подходя к Маленет, - *то нет нужды защищаться.* Одним плавным движением она выхватила с пояса Маленет пару ножей и бросилась в атаку.

Маленет попыталась уклониться, но тут же зашипела, когда из ее плеча брызнула кровь. Когда ее госпожа заговорила, слова исходили не только от стоящей перед ней фигуры, но и от пузырька с кровью, который обращался к ее разуму. Это было головокружительно и сбивало с толку. Но годы обучения в Храмах Убийств подсказали ей, что она сможет защитить себя от любого нападения, каким бы неожиданным оно ни было. Она перевернулась на камни, кувырком пролетела сквозь дым и снова бросилась на противника, делая выпад.

Ты еще медленнее, чем я помню, - рассмеялась ее госпожа, в дыму. *Вот к чему приводит время, проведенное с таким болваном, как Готрек?*

Маленет зашипела, когда по ее спине потекла кровь. Она обернулась, подняв ножи, и увидела, как ее хозяйка отступает назад с глазами, полными триумфа. Ты в моем уме, - прошипела Маленет. Человек предупреждал нас, что это случится".

Это боль в твоём сознании? А эта? Ведьма снова бросилась на нее.

На этот раз Маленет была быстрее. Она парировала и отбила удар ногой, попав сапогом в челюсть своей госпожи и отправив ее в дым. Маленет бросилась за ней и выхватила ножи для добивающего удара.

'Теперь ты решила напасть на меня?' - прорычал Готрек, поднимаясь из дыма. Он схватил свой топор и принял стойку, ухмыляясь.

Маленет в замешательстве отступила назад, опустив ножи. Ее госпожи не было видно. 'Глупец', - прошептала она, качая головой. 'Я не нападала на тебя. Это была она. Она была здесь'.

Готрек опустил топор, выглядя разочарованным. 'Она? О ком ты говоришь?'

'Ни о ком. Ни о ком.'

Скажи ему, - усмехнулся голос в ее голове. Расскажи ему, что ты делаешь со своими спутниками. Скажи ему, какую ошибку он совершает, держа тебя рядом с собой.

Ты здесь? подумала Маленет. Ты со мной на этом вулкане?

Я буду с тобой до конца, Ведьмин Клинок. И заставлю тебя заплатить.

Готрек посмотрел на Маленет. 'Ты упилаь этого чертова эля'. Он огляделся, пытаясь найти телегу. 'А я просто изнываю от жажды.'

'Я не пью, болван. Это воздух разыгрывает меня, как и говорил тот человек". Она напряженно вслушивалась, пытаясь уловить звук сапог своей госпожи, ступающих по камням, но ничего не было.

'Тогда не дыши так часто', - пробурчал Готрек, повернулся и полез вверх по склону, махнув ей рукой.

Они прошли всего несколько шагов, когда Маленет увидела во мраке еще несколько фигур, движущихся вокруг нее. Она прошептала молитву Кхайну, стараясь не обращать на них внимания. Ты видишь что-нибудь за нами?" - спросила она, бросив на Готрека косой взгляд. Фигуры

приблизилась, и она узнала их силуэты. Это были сгорбленные, больные несчастные, одетые в лохмотья. На лбу у них торчали клыки, и у каждого был один вздувшийся глаз. Демоны. Ей приходилось сталкиваться с ними в бою, и она слишком хорошо знала, какую заразу они несут в себе. Она сочилась из их зараженной кожи и капала с их ржавых клинков. Видишь это?" - прошипела она, махнув рукой в сторону фигур.

Готрек не удостоил фигуры даже взглядом. Я вижу камни, Ведьмин Клинок. И я вижу дым. Все остальное - чепуха". Он обернулся, его лицо было в нескольких дюймах от ее лица, взгляд был железным. 'Чепуха'.

Она кивнула, и, к своему удивлению, когда снова посмотрела на демонов, увидела, что они снова превратились в дым. Убеденность Готрека была столь велика, что вытеснила их из ее мыслей.

Готрек повернулся и зашагал дальше по скалам, насвистывая повторяющийся мотивчик. Он прошел всего несколько шагов, когда перед ним выросла тень - огромная студенистая куча. Она была такой же гнилой, как и те фигуры, которые Маленет видел ранее, но размером с холм, а ее голова была увенчана сломанными рогами. Когда оно пронеслось сквозь дым, Маленет почувствовал прилив паники. От него исходила аура сильной неправильности. Оно не должно было существовать на физическом плане. Это был ужас, порожденный в между мирами.

'Чушь', - пробормотал Готрек, проталкиваясь сквозь демона. Презрение в его голосе развеяло иллюзию. Демон скрылся в дыму.

Маленет в недоумении уставилась на него. 'Ты ведь видел это, не так ли? Ты просто проигнорировал это'.

'Я провел целую вечность во Владении Хаоса, девочка. Все там - ложь'. Он стукнул рукояткой топора по земле. Это научило меня разбираться в реальности. Он зашагал дальше.

Навстречу им то и дело попадались другие фигуры, но Маленет не сводила глаз с татуированных лопаток Готрека, не желая обращать внимания на голоса, которые звали ее сквозь дым, ворча, рыча и требуя остановиться. Время от времени одна из фигур бросалась на Готрека, но тот лишь бормотал слово "чушь" и с непоколебимой уверенностью разгонял фантомы, взбираясь по камням. Прилив видений становился

столь сильным, что Маленет могла бы закричать или упасть на землю и закрыть голову руками, но всякий раз, когда она чувствовала, что вот-вот сорвется, Готрек таким презрительным и бесстрастным голосом отгонял наваждения, что это придавало ей силы продолжать путь.

По мере подъема земля становилась все горячее. Сквозь трещины в скалах с шипением начал подниматься пар, присоединяясь к густеющему едкому дыму. Жара была слишком реальной, и Маленет приходилось уворачиваться от палящих гейзеров, следуя за Истребителем. Без ориентира в виде солнца ей вскоре стало трудно следить за временем. Выносливость Готрека была безгранична, но по мере того, как идти становилось все труднее, Маленет начала чувствовать усталость. Склон местами был настолько крут, что им приходилось подниматься по отвесным склонам и перепрыгивать узкие расщелины. Жара и дым затуманивали мысли Маленет, и там, где она обычно была проворна и быстра, она спотыкалась и обдирала кожу на голених.

Маленет ненавидела выглядеть слабой перед Истребителем, но он был неутомим, а ее мышцы кричали. Она уже собиралась предложить ему отдохнуть, когда услышала его удивленный смех. Он был на дюжину футов выше ее, стоял на узком выступе, выступавшем над обрывом.

'Что это?' - спросила она, ее голос странно отражался в дыму.

'Лжец', - прошипел Готрек.

'Хотелось бы мне', - пробормотала Маленет, поднимаясь ему навстречу, - 'чтобы хоть раз ты мог сказать что-нибудь вразумительное. Ты так много говоришь о том, как твой народ рассказывал великие саги и...'

Слова замерли у нее на губах, когда она добралась до уступа и встала рядом с Готреком. 'Кхайн', - прошептала она. Теперь она поняла причину ужасного жара, который обжигал ее лицо и заставлял глаза слезиться. Они подошли к краю вулканического кратера. Под ними расстилалась кальдера - озеро магмы, такое яркое, что Маленет показалось, будто она смотрит на солнце. Однако не лава вызвала у нее удивление. Из пламени поднимался бог.

'Это...?' - вскрикнула Маленет.

'Да', - прорычал Готрек. 'Гримнир. Лживый червь'.

ГЛАВА 5

В центре кальдеры возвышалась огромная крепость - магмохолд Огнеубийц, превосходящий по размерам все виденные Маленет прежде. Она была построена в форме верхней части тела Гримнира, так что казалось, что Бог-Истребитель поднимается из лавы, издавая боевой клич. Все сооружение было словно отлито из полированного золота, и когда вокруг него бурлила лава, извергая дым и пар, металл отражал свет так, что казалось, вся крепость горит. В крепость можно было попасть по двум мостам, которые подходили к ней с двух сторон, перекидываясь через лаву и соединяя крепость с кратером. Эти два моста были плечами Гримнира, а его борода спускалась с лица в лаву. Даже с расстояния в полмили Маленет могла видеть сверкающие металлические штандарты, поднятые на крепостные стены, и чашеобразные жаровни, торчащие из стен, огромные, как телеги, и наполненные пламенем. Это было похоже на огромный погребальный костер.

'Никудышная работа', - сказал Готрек, но говорил он без свойственной ему убежденности, и Маленет догадалась, почему. Как ни неприятно ей было это признавать, но магмохолд Огнеубийц представлял собой удивительное зрелище. Каждая его часть была построена с абсурдным размахом, а конструкция была настолько искусной, что действительно казалось, будто божество прорывается сквозь лаву и воет в аду.

'Никудышная?' - переспросила она, все еще пытаясь рассмотреть все детали. В стенах были прорезаны каналы, по которым лава стекала на грудь Гримнира, создавая впечатление, что он ранен, а в одной из рук он держал рога дракона или божественного зверя, заставляя его опускаться под поверхность горящего озера. Вглядываясь в дым и угли, она различила на стенах дозорных, державших в руках металлические значки, и, судя по размерам дуардина, поняла, что сооружение еще больше, чем ей показалось на первый взгляд. 'Я бы сказала, что это выглядит впечатляюще'.

Готрек презрительно хмыкнул. 'Издалека. Наполовину скрыта дымом. И посмотри на все это золото. Какая трата. Эти Истребители такие же позеры, как и небесные гномы'.

Маленет посмотрела на него, заметив, что голос его звучит странно жестко, словно он пытается что-то подавить. Он не смотрел ни на крепостные стены и дорожки, ни на заоблачные башни и лестницы; его взгляд был прикован к лицу Гримнира, и выражение его лица было еще более напряженным, чем обычно. Он так крепко сжимал свой топор из огнестали, что костяшки пальцев побелели.

'Ты - Истребитель, - сказала она, покачав головой. А Гримнир - бог Истребителей. Как ты можешь так ненавидеть его? Какое предательство могло заставить тебя оставить своего бога?'

Готрек некоторое время молчал, и выражение его лица стало еще более мрачным. Затем он наконец ответил, все еще глядя на подобие Гримнира. 'Он назвал меня своим наследником. Он сказал мне, что я приму его бремя и буду сдерживать приливы Хаоса". Он закрыл глаза и откинул голову на массивные плечи. 'Все это ложь. Если бы я проигнорировал его, я мог бы остаться с человечком. Я мог бы спасти свой мир, спасти свой народ, спасти своего друга. Или хотя бы попытаться".

Как и всегда, логика Готрека показалась Маленет озадачивающей. 'Ты сказал мне, что хочешь выступить против "слуг зла". А Гримнир дал тебе шанс сразиться с демонами Хаоса. Ведь это было именно то, чего ты хотел - шанс победить извечного врага?'

Готрек некоторое время молчал, и выражение его лица стало еще более мрачным. Затем он наконец ответил, все еще глядя на подобие Гримнира. 'Он назвал меня своим наследником. Он сказал мне, что я приму его мантию и буду сдерживать приливы Хаоса". Он закрыл глаза и откинул голову на массивные плечи. 'Все это ложь. Если бы я проигнорировал его, я мог бы остаться с человечком. Я мог бы спасти свой мир, спасти свой народ, спасти своего друга. Или хотя бы попытаться".

Как и всегда, логика Готрека показалась Маленет озадачивающей. 'Ты сказал мне, что хочешь выступить против "слуг зла". А Гримнир дал тебе шанс сразиться с демонами Хаоса. Ведь это было именно то, чего ты хотел - шанс победить извечного врага?'

Готрек обернулся к ней, его глаза горели. 'Я ничего не победил, аэльф. Разве ты не понимаешь? По слову Гримнира я пропустил последнюю

битву своего народа, и что из этого вышло? Он махнул топором в сторону склона. Пока я пропадал в их реальности, боги Хаоса захватили все остальные. Называйте эти Владения как хотите, но они принадлежат Гибельным Силам. Моя жертва ничего не значила. Хуже, чем ничего". Он снова уставился на подобие Гримнира. 'А теперь его нет. Я никогда не смогу призвать его к ответу. Я никогда не смогу...' Он зарычал и отпрянул от Маленет, ударив топором в скалу, отчего та раскололась, взметнув угли.

Маленет отступила назад. Если бы Готрек впал в состояние берсерка, он мог бы разрубить ее на две части, даже не подозревая об этом. Но его ярость угасла так же быстро, как и появилась. 'Неважно', - сказал он, оглядываясь в поисках пути к ближайшему из двух мостов. 'Так будет лучше. Я был дураком, но больше не буду. Я буду чтить своих предков так, как считаю нужным, и никогда не стану слушать другого бога". Он заметил тропинку, ведущую к кратеру, и стал спускаться по ней. 'Я бы посоветовал тебе сделать то же самое.'

Маленет поспешила за ним, но с трудом держалась на ногах. Жар проникал сквозь подошвы ее сапог, а воздух обжигал легкие. Ей приходилось отбиваться от углей, пока она спускалась к сердцу вулкана. Путь до моста занял около часа, и когда она, споткнувшись, вышла на тропу, Маленет уже не могла скрывать своего изнеможения. Она рухнула на горячий камень, задыхаясь, и схватила с пояса флягу с водой. Готрек заметил, что ей тяжело, и, к ее удивлению, остановился, чтобы дать ей отдохнуть, присев рядом с ней на невысокую стену, окаймлявшую тропинку. У входа на мост стояли две колоссальные статуи, похожие, на взгляд Маленет, на бескрылых драконов, на которых знать Огнеубийц ехала в бой, - их называли магмадротами, и они вызывали у нее тревожные чувства, возвышаясь над мостом и образуя арку, отлитую из того же металла, что и крепость на дальнем конце.

"Никаких часовых", - сказал Готрек, вставая и проходя мимо статуй на мост. Он находился всего в дюжине футов от Маленет, но жара была такой яростной, что, когда он отходил от нее, его лицо рябило от адской температуры. От лавового озера внизу постоянно поднималась стена огней, и когда Готрек шел по центру моста, казалось, что он входит в туннель из пламени. Мост был построен с таким же размахом, как и все остальное, достаточно широкий, чтобы по нему могли пройти бок о бок

пятьдесят Истребителей. 'Неужели этот народ не хочет защитить крепость своего бога?'

Маленет допила воду, устало поднялась на ноги и вышла вслед за ним на мост. Металл был еще горячее, чем камни, и на нем были выгравированы руны, которые светились от жара. Она пожала плечами. 'Возможно, им не нужны дозорные. Адорак сказал, что никто никогда не проходит мимо тех фантомов, которых ты только что проигнорировал. Мы, наверное, первые, кто пришел сюда за много веков'. Она прищурилась сквозь дым, пытаясь разглядеть противоположный конец моста. Воздух был жидким и подвижным, но она поняла, что некоторые движения были не просто тепловой дымкой. Кто-то идет, - сказала она, доставая ножи.

Готрек стукнул головкой топора по ладони. 'Хорошо. Пора получить ответы'. Он зашагал в дым. 'Не отставай, человечек'.

Готрек часто называл Маленет человечком, когда они только начали путешествовать вместе, путая ее с давно умершим другом, но вот уже несколько месяцев он этого не делал. Она догнала его и стала внимательно смотреть, как он идет. Сначала она не заметила ничего необычного, но потом удивленно нахмурилась. 'Посмотри на мастер руну'.

Готрек посмотрел на свою грудь и выругался. Она мерцала внутренним огнем. Руна была выкована так, что напоминала лицо - то самое лицо, которое украшало крепость впереди. 'Что происходит?' - сказал Готрек, постукивая по руне своим топором.

Маленет уставился на металл. Обычно она загоралась только тогда, когда Истребитель впадал в ярость. Она кивнула в сторону магмохолда. 'Ее выковали в одном из этих хранилищ Огнеубийц'.

Готрек бросил на руну подозрительный взгляд. Когда они впервые прибыли в Айаду, Готрек был полон решимости снять руну со своего тела, но с тех пор ему нелегко было примириться с этим. Он не доверял ничему, столь тесно связанному с Гримниром, и старался избегать использования его силы, но он пришел к выводу, что иногда это было полезно. "Если он начнет пытаться захватить меня, я окуну эту чертову штуку в лаву".

Готрек собирался разглагольствовать, но прежде чем он успел начать, воздух наполнился громким гудящим звуком. 'Молот Грунгни'. Он поморщился. - Что-то умирает?'

'Это боевые рога'. Маленет кивнула на стены магмохолда. "Посмотри на крепостные стены". Она видела на стенах крепости фигуры с изогнутыми трубами.

Готрек кивнул и ускорил шаг, размахивая топором из стороны в сторону, мчась по мосту.

'Готрек', - сказала Маленет, еле поспевая за ним, у нее кружилась голова от жары. 'Ты выглядишь так, будто собираешься выбить двери'.

'Ну и что?'

'Посмотри на размеры этого места. Там, должно быть, тысячи воинов. Даже ты не захочешь вступать в бой с целой армией'.

Готрек нахмурился, крепче сжимая топор, когда фигуры в дымке приблизились.

ГЛАВА 6

Первым до них добрался монстр: магмадрот, почти такой же большой, как статуи в начале моста, и вдвое более свирепый. Его чешуя пылала так же сильно, как лава внизу, и его окружала густая, серная вонь, от которой у Маленет запершило в горле, и она закашлялась и зашипела. Существо возвышалось над Готреком, топая к нему, отчего мост дрожал и стонал.

Готрек стоял на месте, глядя на всадника зверя - Огнеубийцу с посохом в виде жаровни и в богато украшенном шлеме в виде дракона с гребнем. Вокруг ног зверя собрались еще несколько десятки Огнеубийц. На взгляд Маленет, они были очень похожи на Готрека - возможно, чуть меньше, но с таким же приземистым, мускулистым телосложением - и хотя все они носили богато украшенные боевые шлемы с рунами, у них были высокие рыжие гребни волос, почти такие же, как у Готрека. Большинство из них выглядели такими же ненормальными, как и он. Огнеубийца на магмадроте был неподвижен и смотрел вниз с гордым, суровым выражением лица, но другие размахивали топорами, раскачивались из стороны в сторону и произносили лихорадочные молитвы. Они были на

расстоянии одной команды от того, чтобы броситься на Готрека. В тени зверя Маленет насчитал тридцать воинов, но сквозь дым к ним приближалось еще больше.

Истребитель на магмадроте остановил своего скакуна и наклонился вперед в своем замысловатом троне с высокой спинкой. Он направил свой посох на Готрека, рассыпая угли из жаровни на его вершине. 'Уходи'. Его голос прозвучал сквозь дым, наполненный властью и чем-то еще - чем-то неестественным, что заставило Маленет крепче сжать ножи.

'Будь осторожен', - предупредила она, бросив взгляд на Готрека.

Он повернулся к ней, приподняв бровь, затем снова посмотрел на Огнеубийцу, сидящего на магмадроте. 'Кто ты такой, - прорычал он, - чтобы отдавать мне приказы?'

Огнеубийца изучал Готрека. Его лицо выглядело слишком суровым, чтобы на нем могла появиться улыбка. Его брови были похожи на горный кряж, а вильчатая черная борода свисала до самых сапог. В его мускулы были вбиты золотые руны, и они мерцали, когда он смотрел на Готрека. Под глазами у него были черные полосы, похожие на угольные, и, оглядев других Огнеубийц, Маленет увидела, что все они носят такие же знаки. Она уже встречала многих Огнеубийц, но никогда не видела, чтобы они так раскрашивали свои лица.

'Я - Корган Вилобородый, - сказал наездник, едва шевеля губами, - сын Огвальда Мрачного, верховный жрец Храма-Кузни Варрух и рунный мастер Караг-Варра'. Он посмотрел на Готрека с холодным равнодушием. 'И ты должен покинуть это место, пока можешь'. Остальные Огнеубийцы стали еще более беспокойными, вскидывая головы и выкрикивая ругательства, разгоряченные словами своего предводителя.

Маленет ждала, что Готрек будет столь же взбудоражен, но тот лишь кивнул. 'Ты - позор, - спокойно сказал он, - для своих предков и своей веры. Ты должен стыдливо склонить голову. Я не подчиняюсь приказам клятвопреступника'.

В глазах Коргана мелькнуло что-то опасное, но он остался спокоен. 'Кто ты, незнакомец?'

'Готрек Гурниссон, сын Вечного Пика и заклятый враг богов'. Он махнул топором в сторону колоссального лица на магмохолде. 'В том числе и твоего'.

Корган поднял бровь. 'Значит, безумец.' Он опустил свой посох. 'Уходи, и я не буду обращать внимания на твои опрометчивые слова'.

Готрек нахмурил брови. Маленет пробормотала проклятие, видя, что он находится на грани своей ярости. 'Посмотри, сколько их!' - прошептала она.

Готрек, казалось, не слышал. "Еще до того, как я пришел сюда, - крикнул он, принявшись вышагивать и размахивать топором, - я слышал рассказы о твоей трусости. Даже заоблачные Харадроны говорят об этом. А теперь, когда я встретил тебя, я своими глазами вижу, какой ты позор. Мало того, что вы прячетесь здесь, считая свое золото, в то время как по всему побережью убивают людей, так вы еще и забыли, как приветствовать одного из своих родичей. Что за *дренги* отказывают путнику, ищущему отдыха? Вы - позор".

Толпа Истребителей ревела и плевалась, трясла головами, как гончие на поводке, готовые в любой момент напасть. Маленет с удивлением отметила, что Корган сохраняет спокойствие. Она никогда не видела, чтобы Огнеубийцы проявляли такое самообладание. По ее опыту, они всегда были на грани насилия. Корган медленно встал со своего трона и направил свой посох на Готрека, роняя пламя из жаровни. 'Вы все слышали. Я честно предупредил. Никто, кроме Варрухов, не может войти в Караг-Варр'. Магмадрот зарычал и топнул под ним, на его чешуе запылали руны. 'Этот чужак не хочет уходить по своей воле, - он откинул посох назад, словно собираясь бросить его, - поэтому я *заставлю* его уйти'. Рунный мастер выставил вперед свой посох и прорычал клятву.

Готрек бессвязно взвыл и кинулся в атаку.

"Чем я заслужила его?" - прошипела Маленет, бросившись за ним.

Они были еще в дюжине футов от шеренги Варрух, когда Маленет поняла, что происходит. Корган вызвал бурю огней и сформировал их в сверкающую массу, которая устремилась на Готрека. Водоворот вспыхивал, сворачивался и превращался в дракона из пламени, высотой

в пятьдесят футов и с размахом крыльев, расходящихся от моста, мерцающего в тепловой дымке.

‘Хазук!’ - прорычал Готрек, с хохотом прыгая на дракона и взмахивая топором над его головой.

Огненный дух врезался в Готрека, а остальные Истребители издали боевой клич, наступая на Маленет.

Топор Готрека вспыхнул белым светом, когда лезвие глубоко вонзилось в драконье плечо, рассыпая искры по стоящим внизу фигурам. Дракон отшатнулся назад, но в тот же момент разжал когти, ударив Готрека с такой силой, что тот кувыркнулся в воздухе и тяжело рухнул на мост.

Истребитель поднялся на ноги и рассмеялся, кровь прилила к его лицу. ‘Я убивал таких зверей, по сравнению с которыми ты словно птенец!’ - крикнул он и снова побежал по мосту, занося топор для новой атаки. Тот же свет, что горел на лезвии огнестали, лился как из его глаз, так и из руны на груди.

‘Стоять!’ - крикнул Корган, и его громовой голос заставил Огнеубийц остановиться.

Маленет уже собиралась метнуть отравленный клинок, но, когда истребители отступили от нее, она удержалась.

Корган наблюдал за тем, как Готрек атакует дракона. Он качался назад и вперед, рубя огненного духа, а руна в его груди рассыпала пламя и искры. Готрек научился контролировать её силу, чтобы руна не овладевала им, но она все равно пылала, когда он впадал в ярость. Свет руны вспыхнул на его груди в унисон со вспышками и шипением жаровни его огнесталевого топора, и, хотя дракон не имел настоящей плоти, удары Готрека приносили свои плоды, прорезая пылающую чешую и выбивая огенные струи из когтей. В гневе и шоке чудовище взревело, расправив крылья.

Корган прокричал еще одну клятву и ударил посохом по основанию своего трона. Дракон исчез, оставив после себя облако пепла, которое на мгновение закружилось вокруг Готрека, а затем унеслось вниз по мосту. Готрек упал вперед, потеряв равновесие от пропавшего противника, и врезался в стену на краю моста.

'Стоять!' - крикнул Корган, жестом приказав своим воинам отступить от Маленет.

Готрек пришел в себя и отшатнулся от стены, смахивая слюну с бороды и дрожа от ярости. Он растерянно огляделся по сторонам, пытаясь найти дракона.

Корган направил своего магмадрота по мосту к Готреку, уставившись на руну у него на груди. 'Кто ты?'

"Готрек!" - закричала Маленет, бросаясь к нему и пытаясь ухватить его за руку.

Истребитель надвигался на нее, отводя назад топор и сверкая глазом.

'Это я, черт тебя побери!' Она отступила назад, отмахиваясь от него своими ножами. 'Ведьмин Клинок'.

Его гримаса стала еще более свирепой, но затем ему удалось сосредоточиться на ней и выпрямить топор.

'Они не нападают, - сказала она, кивнув на Варрух. Так что тебе не нужно их убивать'. Она не питала особой любви к Огнеубийцам, но если Готрек возьмется за целую армию, это может плохо кончиться для нее. 'По крайней мере, пока.'

Корган подъехал ближе. Впервые он выглядел оживленным, наклонившись вперед в седле. Он посмотрел на руну Готрека, затем повернулся и взглянул на огромную крепость позади него. Обе они были подобием лица Гримнира и почти идентичны по исполнению.

Готрек кивнул Маленет и опустил топор. Она вздохнула с облегчением. Она успела вовремя.

'Твой топор', - сказал Корган, нахмурившись. 'Он разрубил дух вулкана'.

'Что?'

'Магмовую саламандру. Существо, которого не существует в физическом смысле. Ты смог ранить его'.

Готрек нахмурился. 'Кто ты такой? Какой-то колдун?'

'К какой ложе ты принадлежишь? Кто выковал эту руну?'

"Это выковал Круг Черный Молот", - сказала Маленет, чувствуя возможность предотвратить катастрофу. 'Он рунный мастер из...'

Я не принадлежу ни к одному из ваших жалких племен". Готрек стукнул топором по руне. 'Эту безделушку сделал Огнеубийца, но я не один из вас. И раньше эта штука не была похожа на вашего двуличного бога-идиота".

"Ты, бездомный *ваназ*", - прорычал другой Огнеубийца, бросаясь вперед. Он был одет так же, как и Корган: шлем с драконьим гребнем, набедренная повязка и почти ничего другого, но во всем остальном его внешность отличалась. Если Корган был худым и точеным, то этот дуардин был настолько широк, что казался почти шарообразным. Однако в его теле было больше мышц, чем жира, и когда он топал к Готреку, размахивая огнесталевыми топорами, то напомнил Маленету железоспинов, которые тащили их повозку. Он фыркал и дергался, глядя на Готрека. Лицо его было румяным и веснушчатым, а борода так буйно рыжела, что подбородок, казалось, горел. Глаза его закатывались, напоминая Маленету Готрека в момент его сильнейшей ярости. Но этот дуардин казался еще более психованным. Как и у большинства Огнеубийц, каждый сантиметр его кожи был испещрен старыми шрамами, а на шее была вытатуирована линия швов, создававшая впечатление, что его голова когда-то была отрублена и пришита обратно. Он врезался в Готрека грудью и заорал ему в лицо. 'Прояви! Немного! Гребаного! Уважения!'

'Скромм!' - сказал Корган, повышая голос. 'Стой'.

Скромм и Готрек хмуро уставились друг на друга, их лица исказились от гнева. Маленет предполагала, что Готрек обезглавит глупого Огнеубийцу, но когда Корган повторил команду, Скромм отступил, бормоча в свою огненную бороду и учащенно дыша, зашептал неистовые проклятия.

Готрек все еще выглядел одурманенным яростью, поэтому Маленет быстро заговорила. 'Это мастер-руна Круга Черного Молота. Она обладает уникальной силой".

Лицо Коргана оставалось бесстрастным. "Откуда аэльфу знать о рунах Огнеубийц?

Готрек рассмеялся. 'Да и вообще о чем-либо другом.'

Корган погладил черную, похожие на веревки косички своей бороды, и задумчиво взглянул на Готрека. 'А ты совершенно необычный.'

Готрек расправил плечи и поднял подбородок. 'Я пришел сюда не для того, чтобы на меня глазели. Я пришел сюда узнать, почему вы прячетесь'.

Скромм издал низкий воющий звук, и его голова резко дернулась в одну сторону. Пот струился по его мышцам, он дрожал, но Корган удержал его на месте предупреждающим взглядом.

Корган снова посмотрел на Готрека. Мы остаемся в Караг-Варре, потому что так хочет Гримнир".

'Разве Гримнир не умер?' - прошептала Маленет, искоса взглянув на Готрека. Она кивнула на его руну. 'Если только он действительно не находится в этой штуке.'

Корган услышал ее слова. 'Предок выше понимания для азльфа.'

'Гримнир хочет, чтобы вы спрятались здесь?' - спросил Готрек, опуская топор.

Корган оглянулся через плечо, и Маленет заметила, что к ним приближается еще больше неистово мчащихся по мосту Огнеубийц. Они были в более тяжелой броне, чем воины Коргана, и несли, похоже, толстые металлические пики.

Рунный мастер, казалось, удивился, увидев их, и послал одного из своих воинов навстречу. Затем он снова посмотрел на Готрека. 'Я не стану обсуждать эти вопросы с чужаком. Но я позволю тебе войти в Караг-Варр'.

'Разве в наши дни это считается вежливым приглашением?

Корган постучал по своему посоху. 'Саламандра была лишь проблеском того, чем я могу тебя поразить, Готрек Гурниссон. Если ты и войдешь в эту крепость, то сделаешь это на моих условиях'.

'И какие же это условия?'

'Ты расскажешь мне свою историю'.

'Попробуй остановить его', - пробормотала Маленет.

Готрек проигнорировал ее. 'Я буду говорить, если ты умеешь слушать.'

Корган был удивлен ответом. 'Даю слово'.

'А твой король?' - спросил Готрек. 'У тебя он есть? Ты говоришь от его имени?'

Выражение лица Коргана стало жестким. 'Наш рунный отец - Тургин-Гримнир. Готрек уже собирался заговорить, но Корган продолжил. 'Но пока что я и другие старейшины ложи управляем Караг-Варром'.

Даже Маленет понимала, что это странно. 'Ты правишь вместо своего короля?'

Корган уже собирался сказать что-то еще, когда к нему подошли остальные Огнеубийцы. Предводитель группы подозрительно посмотрел на Маленет, а затем ринулся к Коргану.

'Рунмастер!' - задыхаясь от бега по мосту, проговорил он. 'Оно вернулось. Направляется прямо к Зольным Вратам. Еще хуже, чем в прошлый раз'.

Корган закрыл глаза. Его стоицизм, казалось, пошатнулся, но затем он вернул себе самообладание и кивнул. Он повернул своего громоздкого скакуна и махнул своим воинам, чтобы они возвращались по мосту. Возвращаемся в крепость. И быстро. Возможно, мы успеем добраться до казарм Харулка'.

Раздался хор клятв и проклятий, когда Огнеубийцы повернулись и побежали обратно к своей крепости.

Готрек окликнул Коргана, когда тот начал отъезжать. 'От чего вы убегаете? На вас напали?'

'Не нападение, - ответил Корган через плечо. 'Это шторм. Следуй за мной назад в крепость. Мы должны попасть внутрь до того, как она разразится'.

Готрек рассмеялся. 'Ты бежишь от плохой погоды?'

Корган кивнул. 'Увидишь.' Он набрал скорость, пронесся с грохотом по мосту на своем магладроте мимо других Огнеубийц.

'Мы закончим с этим позже', - прорычал Скромм, бросив взгляд на Готрека, и побежал за другими дуардинами.

Готрек рассмеялся, а затем начал бежать за ним.

ГЛАВА 7

Маленет могла бы с легкостью настичь рунмастера, но она осталась рядом с Готреком, пока он, пыхтя и бормоча, бежал по мосту.

'Чертовски нелепо, - вздохнул он. Бежать от непогоды. Кто вообще о таком слышал?'

Вскоре из дыма впереди показались ворота магмохолда. Мост был образован из плеч Гримнира, а ворота были встроены в боковую часть его шлема, поэтому, когда Маленет бежала к ним, она видела свирепый взгляд бога, устремленный на другие горы, как бы размышляя, стоит ли подниматься из лавы и крушить их вершины.

'Этот чертов запах, - кашлянул Готрек, бежавший рядом. 'Такой же, как в рыбацкой деревне'.

Маленет принялась. Он был прав. Даже сернистая вонь вулкана не могла полностью скрыть другой запах, разливающийся по мосту, - резкий, солоноватый привкус, от которого, несмотря на яростный жар, поднимающийся снизу, Маленет почувствовала странную прохладу. 'Пахнет морем', - сказала она, нахмурившись. Готрек поморщился. 'Больше похоже на рыбы кишки'.

'Должно быть, это шторм, который я заметила, когда мы поднимались сюда. Я думала, что он здесь пройдет'.

Готрек махнул топором в сторону ворот, к которым они приближались. Они были высотой в сотни футов, а толщина металлических створок достигала дюжины футов. 'Какое им, черт возьми, дело? Посмотри на это место. Какая буря может его тронуть?'

Маленет вспомнила разрушенные хижины, которые они видели на берегу, и тела, разбросанные по камням. 'Если уж они беспокоятся, то и нам следовало бы'.

Они достигли ворот и вбежали в них, присоединившись к огромной толпе Огнеубийц, собравшихся на большой площади внутри стен крепости. Сотни дуардинов столпились вокруг магмадрота, взывая к рунному мастеру, и все говорили разом, но Маленет разом забыла о приближающейся буре, разглядывая архитектуру. На площади стояли огромные статуи. Все они были Огнеубийцами, со спутанными бородами, крутящимися топорами и гордыми гребнями волос, и все они были

запечатлены в момент атаки, рычали, делая выпады и нанося удары. Каждый из Истребителей сражался с каким-нибудь демоном: гниlostными чумоносцами или огненными козлоногими тварями с головами слюнявых гончих. Каким-то хитроумным дуардинским приемом магма из озера была направлена в топоры статуй так, что они горели и дымились. От этого площадь наполнилась зыбкими тенями, и казалось, что колоссальные фигуры движутся. Маленет смотрела на них, чувствуя себя так, словно попала на яростную битву богов. От всего этого места исходило сильное ощущение жестокости. Это было похоже на святилище битвы. Ощущение опасности было настолько реальным, настолько осязаемым, что Маленет с трудом удержалась от желания выхватить ножи и встать в боевую стойку.

"Рокгрон", - сказал Готрек, глядя на свирепого вида статуи. Его лицо имело гневный багровый оттенок, а с бороды капал пот.

'Рокгрон?'

'Да. Последняя битва, по словам этих фанатиков, жующих лаву. Солмунд рассказывал мне об этом еще в облачном городе Харадрон. Огнеубийцы считают, что однажды они будут сражаться вместе с Гримниром, когда он возродится, чтобы спасти Владения". В словах Готрека сквозила желчь. 'Было время, когда я считал, что они были правы, когда верили в него'.

'Посмотри туда', - сказала Маленет, указывая на дальнюю часть площади. 'Некоторые статуи упали. Кто-то использует осадные машины'.

Готрек хмурился. "Как использовать осадные машины на склоне вулкана?"

"Что-то их завалило. Смотри, там обломки, и половина зала обрушилась".

Готрек пожал плечами. 'Наверное, упало. Эти современные Истребители не могут гордиться своей работой. Они возводят здания в спешке, не тратя времени, чтобы сделать их прочными, а затем позволяют им разрушаться. Они не уважают ни честный труд, ни гордое мастерство каменщика, ни...'

'В казармы!' - крикнул Корган, проскакав через площадь. Остальные Огнеубийцы следовали за ним, направляясь мимо воинственных статуй к самому большому из зданий, окружавших площадь, - внушительному прямоугольному строению с широкими ступенями и рядами колонн, увенчанных наковальнями.

'Они не успеют', - сказала Маленет, указывая ножом на главную улицу,

отходящую от площади. По ней уже неслась стена тумана, накатываясь и вздымаясь, как волны, и наполняя воздух брызгами. Она должна была настигнуть Огнеубийи прежде, чем они успеют войти в казармы.

Готрек попытался ответить Маленет, но его слова заглушил оглушительный раскат грома. В глубине тумана сверкнула молния, и на короткую секунду в брызгах показалось нечто змеевидное, плывущее по воздуху. Вспышка света была слишком короткой, чтобы Маленет успела понять, что именно она увидела, - только то, что это нечто было огромным и направлялось в их сторону.

'Истребители не бегут от дождевых туч'. Готрек направился к стене тумана, подняв подбородок. 'Эти ребята вбили в себя слишком много металла. Им нужно получить несколько чертов...'.

Его слова оборвались, когда их поглотил туман. У Маленет возникло ощущение, что она тонет, что море вышло из берегов в огромном потоке и захлестнуло гору. Туман ударил с такой силой, что она попятилась назад, с трудом удержавшись на ногах и задыхаясь. Она быстро поняла, что может дышать и не находится под водой, но странное ощущение не покидало ее, когда она оглядывалась по сторонам, вглядываясь в клубящиеся брызги. В одно мгновение жар магмохолда сменился влажным, пронизывающим холодом, который пробирал до костей, и она задрожала, оглядываясь в поисках Готрека. Он был неподалеку, но туман был настолько плотным, что она едва могла его разглядеть. Он выглядел таким же растерянным, как и она, спотыкаясь и вглядываясь в туман.

'Подожди', - сказала она. Ее голос был приглушенным и странным, как будто она действительно находилась под водой, и Готрек не услышал. 'Готрек!' - крикнула она, подойдя к нему ближе. Он повернулся, наконец-то услышав, но тут же нахмурился и уставился на что-то позади нее. 'Что там?' - спросила она, оглядываясь. Затем она удивленно вскрикнула.

Навстречу им, плывя сквозь туман, двигалась медуза. Она смотрела, как она плывет сквозь туман, волоча за собой длинные, похожие на водоросли, конечности. Было что-то ужасно неправильное в том, что такое существо висит в воздухе. Наблюдая за ним, Маленет ощутила сокрушительное чувство безысходности.

Наконец, после всего, что она видела, после всего, что пережила, ее разум начал давать сбой и ее рассудок распадался на части.

ГЛАВА 8

'Что это за буря?' - прорычал Готрек. Она поняла, что он кричит, по его выражению лица, но слова были едва слышны, хотя он и находился совсем рядом с ней. Запах моря был уже непреодолим, и Маленет дышала короткими, быстрыми вдохами, все еще пытаясь убедить себя, что она на суше.

Снова сверкнула молния. Раскаты грома были далекими и слабыми, но свет был еще ярче, чем раньше, и Маленет вскрикнула от потрясения. Ее окружали морские существа. Прежде чем свет погас, она увидела еще медуз, косяки серебристых рыб и более крупные фигуры, извивающиеся в темноте. Одно из крупных существ напоминало сороконожку, но длиной в десятки футов и передвигалось с помощью плавников, а не ног. Оно извивалось и петляло во мраке, металось, словно атакуя что-то, чего она не могла разглядеть. "Вот что уничтожило рыбацкую деревню", - прошептала она, хотя ее никто не слышал.

Она увидела Огнеубийц - они все еще шли в направлении казарм, но вместо того, чтобы бежать, они медленно пробирались сквозь мрак, наклоняясь вперед, словно проталкивая свои конечности сквозь густую смолу. Их плечи опустились, а выражения лиц были мрачными, словно они пережили страшное поражение. Когда Маленет попыталась направиться в их сторону, она почувствовала то же сопротивление. Это было похоже на то, что она испытывала во сне, когда пыталась убежать от кошмаров, вызванных глубинами ее сознания.

'Готрек!' - завопила она. От пронизывающего холода ее охватил ужас. Подводные фантомы все еще мерцали в темноте, пуская по воздуху щупальца и плавники. Здесь мог действовать только могущественный колдун. И тут она вспомнила предупреждение Адораха. 'Это всего лишь гора', - воскликнула она. Эта мысль каким-то образом помогла побороть страдание, которое грозило захлестнуть ее. Ей удалось схватить Готрека за плечо. Она помахала рукой черепахе, которая плыла к ним. 'Это просто миражи. Это металл в земле'.

Готрек кивнул, отчего его борода опустилась на лицо. 'Фокусы разума. Мы можем игнорировать их, как и все остальные'. Он огляделся по сторонам. 'Где гном с бескрылым драконом? Он заметил вдалеке силуэт

магмадрота и бросился в ту сторону, двигаясь медленными, скованными движениями. 'Корган!' - прокричал он. 'Это все не настоящее!'

Маленет шла по пятам за Готреком, стараясь не обращать внимания на видения, как она делала, когда они поднимались на гору. По мере того как она двигалась, воздух становился все более темным и вязким. Над головой пронеслись огромные тени, она пригнулась, ожидая нападения, но когда подняла голову, то увидела, что это были листья ламинарии, размером с навесы деревьев. У нее возникло странное ощущение, что она путешествует по подводному лесу. "Что здесь творится?" - прокричала она, добравшись до стены бледных трубчатых сорняков, которые рябили, когда она продиралась сквозь них. Она глубоко и быстро вдохнула, с трудом веря, что ее все еще окружает воздух. Огненно-золотые и красные цвета магмохолда исчезли, сменившись зеленью и серостью, а когда она посмотрела вниз, то увидела, что камни скрыты под волнами колышущейся морской травы.

Пошатываясь, она выбралась из зарослей трубчатых водорослей, но тут же остановилась: боль пронзила правую сторону тела. Она вздрогнула, когда из ее руки хлынул свет, и, повернувшись, увидела, что вокруг ее бицепса обвилась черная извилистая фигура. Это был блестящий мускулистый угорь, и когда его челюсти сомкнулись вокруг ее запястья, все остальное тело заискрилось электричеством, пробежавшим по сухожилиям и костям, обжигая кожу.

'Мечи Кхайна!' - задыхаясь, проговорила она, хватаясь за существо другой рукой и пытаясь вырвать его. 'Ты не настоящий!' Боль разлилась по другой руке и пронзила горло, отбросив голову назад. Пошатываясь, она добралась до столба и принялась колотить угря о рифленый металл. Жгучая энергия рвала ее мышцы, но в конце концов тварь ослабила хватку настолько, что она смогла отбросить ее в тень. Она бросилась за Готреком, как и прежде, не обращая внимания на иллюзии.

Она уже почти догнала Истребителя, когда он остановился. Пробившись сквозь туман, Маленет увидела, что Готрек за что-то ухватился. Только когда она подошла к нему, то увидела, что это кальмар с перепончатой паутиной, соединяющей его щупальца. Пока Готрек боролся, существо сползло ему на голову, удушая его.

Готрек завывал и бился, но Маленет была слишком ошеломлена, чтобы помочь. Если морские существа могли причинить вред Готреку, то как они могли быть плодом ее воображения? Чувство безнадежности вернулось, и Маленет застонала от ужаса. Наблюдая за тем, как Истребитель бьет по поглощающему его мешку, она увидела, как что-то пробирается к ней сквозь тьму, двигаясь с ужасающей скоростью. Она разглядела серую кожу, покрытую шрамами, черные безглазые глаза, оскаленную зубастую пасть, которая была больше ее самой, а затем на нее набросилась акула, извиваясь и вращаясь в воздухе, пытаясь сомкнуть челюсти вокруг ее головы.

Маленет казалось, что она борется со смолой, но ей удалось вонзить нож в жабры существа. Кровь растеклась вокруг нее, а акула еще больше разъярилась, зарывав и врезавшись в нее, отчего она попятилась назад. Акула перевернулась через голову и бросилась на нее, закатив глаза.

Маленет вывернулась и метнула нож, пробив лезвием кожистую шкуру акулы. Акула дернулась в сторону, пуская струйки крови. Затем она покатила к земле, ее голова отделилась от тела, и топор Готрека разрубил ее на две части.

Истребитель перевернулся на спину, вздымая багровое облако. Кальмара не было видно, но его лицо было покрыто свежими шрамами, где колючки пытались закрепиться в его плоти.

'Они ранили тебя!' - крикнула Маленет, поднимаясь на ноги. 'Как это возможно? Это же галлюцинации!'

Он оглядел проносящиеся мимо фигуры. 'Только не эти'. Он поднял одну из своих рук. Она была покрыта кровавыми рубцами. 'У этих тварей есть зубы'.

'Кто-то, должно быть, вызвал их из моря, - сказала она, поднимая ножи и готовясь к новой атаке. Это неестественная непогода. Должно быть, колдун создал этот туман'.

'Ага', - сказал Готрек, пробираясь в направлении Огнеубийц. 'Классическая работа колдуна. Вероятно, кто-то из вашего рода. Помнишь доспехи, которые мы нашли на берегу? Эльги'. Он оскалился, когда перед его лицом проплыла толстая колючая рыба, уставившись на него безжизненными глазами.

Маленет больше не слушала его. Ее разум находился на грани безумия, и ей нужно было найти способ рационально объяснить происходящее. Она перебирала в памяти все, что касалось морских эльфов. В библиотеках и храмах Азира она изучала документы, в которых описывались многие расы, населявшие Владения Смертных. С годами многие знания ускользнули от нее, но она смутно помнила о слепых эльфах, обитавших в океане. На них висел какой-то позор, какая-то неудача. Она знала их имя, она была уверена в этом, но оно ускользало от нее. Град мелких рыбок забарабанил ей в лицо, заставив пошатнуться и закашляться.

'Готрек', - позвала она, увидев, что он почти скрылся из виду, а его татуированная фигура слилась с рыбьей массой, пробивающейся сквозь туман.

Когда она догнала его, то увидела, что он присоединился к другим Истребителям. Сотни воинов-дуардинов образовали защитный круг вокруг магмадрота Коргана, но сам повелитель рун выглядел преобразенным. Его гордая, стоическая манера поведения исчезла. Он уныло опустился на свой трон, опираясь лбом на посох, а огонь в жаровне едва горел. Казалось, он в любой момент может выпасть с седла. Остальные Огнеубийцы выглядели так, словно стояли на продуваемом ветром лугу. Вокруг них колыхалась пурпурная морская трава, травинки были высокими, а сквозь туман мерцали холодные огоньки, придавая картине жидкий, мечтательный вид. Позади них, там, где должны были находиться казармы, Маленет увидела обломки корабля, завалившегося на бок, его мачта повалилась и заросла сорняками.

"Что это за буря?" - прорычал Готрек, добравшись до магмадрота и глядя на рунмастера.

Корган смотрел мимо Готрека, его лицо было напряженным. 'Вот что случилось. Скромм, это должно быть именно то, что произошло. Когда буря обрушилась на нас в прошлый раз, это , должно быть, и было в ней. Должно быть, поэтому она причиняет столько вреда'.

Крепкий Огнеубийца по имени Скромм находился рядом с магмадротом, и он тоже выглядел разительно изменившимся. Из его глаз исчезла одержимость, он выглядел изможденным, словно едва мог найти в себе

силы взять в руки свои топоры. 'Но помнил ли ты что-нибудь из этого, рунмастер? До этого момента, я имею в виду.'

Корган покачал головой. 'Но теперь, когда я вижу это, я вспоминаю. Вот что произошло раньше. Вот почему наша магическая защита не выдерживает'. Он посмотрел на дрейфующую ламинарию, его лицо было пепельным. 'Этот фантомный прилив - то, что забрало рунных сыновей'.

'Кто?' - крикнул Готрек, переглядываясь с Коргана на Скрамма. 'Кто такие рунные сыновья? О чем вы говорите?'

'Там!' - крикнул Скрамм, указывая в уходящий мрак. 'Вы видели это?'

'Что видели?' Корган наклонился вперед в своем троне, глядя на движущиеся тени.

'Призрачные солдаты.' Скрамм снова выглядел разъяренным, вскидывая голову так, как Маленет видела это у Готрека. 'Как в прошлый раз. Вот что произошло'.

Готрек вышел в морскую траву и огляделся. 'Призрачные солдаты? О чем ты говоришь?'

Маленет последовала за ним, прокладывая себе путь сквозь туман. 'Готрек, мне кажется, я знаю, что происходит. Доспехи, которые мы нашли, были эльфийскими, но они не похожи на те, что я видела раньше, со всеми этими кораллами и оборками'.

'Ближе к делу'.

Она смотрела мимо него на косяки рыб и огромные, полупрозрачные фигуры, кружащие за ними. 'В мире существует множество различных видов эльфов, в том числе и те, что скрываются в морских глубинах. Проклятые эльфы, которые могут управлять приливами и отливами и вызывать бури'.

Готрек поморщился, когда угорь заглянул ему в глаза. 'Могу себе представить, как вы ладите с рыбами. Холодные, мертвые глаза, никакого чувства...'

Серебристые фигуры устремились к ним. Все остальное было погружено в сонное оцепенение, поэтому внезапная вспышка серебра была шокирующей. На мгновение Маленет подумала, что это очередной косяк

рыб, но потом увидела, что фигуры мчатся по земле, и у них есть конечности и оружие.

Огнеубийцы выкрикивали боевые кличи, Корган поднял посох, призывая к бою, но они были мучительно медлительны по сравнению со сверкающей фалангой, несущейся на них. Маленет увидела безглазые белые лица и длинные двуручные мечи - и тут ей пришлось сражаться за свою жизнь. Бледный эльфийский воин, окутанный туманом и ламинариями, бросился на нее.

Маленет подняла свои ножи, едва успев заблокировать удар. Вместо того чтобы быть замедленным морским туманом, нападавший получил от него силу, танцуя вокруг нее с плавной грацией. Маленет считала слишком неуклюжими большинство своих противников, и не более чем просто забавным развлечением, но этот аэльф заставил ее собраться, пытаясь уследить за его движениями. Там, где должны были находиться глаза эльфа, были гладкие участки кожи, но он, казалось, предугадывал каждое движение Маленет. Она уклонялась, изворачивалась, парировала, но, к своему негодованию, Маленет поняла, что ее противник играет с ней. Мимо проносились все новые фигуры, прорезая строй Огнеубийц, и Маленет застонала от разочарования, пытаясь нанести удар и не попадая. 'Бог Убийств!' - прошипела она, заставляя свои мышцы бороться с вялым воздухом.

'Слишком медленно, кхайнитка', - прошептал ей на ухо аэльф, улыбаясь, и скрылся в волнах.

Маленет повернулась на пятках и, споткнувшись, потеряла один из ножей и протянула руку, пытаясь его поймать.

Бледный эльф рассмеялся и бросился на нее, подняв меч для добивающего удара.

ГЛАВА 9

Маленет была готова. Падение было лишь уловкой. Она щелкнула одним из колец на пальцах, открывая его крышку, и когда эльф двинулся на добивание, Маленет сильно дунула, посылая порошок в лицо противнику. Тот попытался уклониться, но было уже поздно. Когда он потянулся, чтобы дотронуться до своего лица, кожа слезла с его пальцев, соскользнув с костей, как хорошо прожаренное мясо. Он задышался, пытаясь удержать лицо на месте. Маленет шагнула вперед, выхватила нож из морской травы и вонзила его в грудь. Хлынула кровь. Маленет почувствовала прилив энергии: дух Кхайна откликнулся на убийство, наполняя ее тело бодростью и разжигая жажду насилия. Отчаяние ушло, сменившись жадой убийств.

Когда аэльф рассыпался в тумане, другой бросился на Маленет, но сила Кроваворукого бога быстро росла, толчками отдаваясь в ее жилах. Она резко развернулась и подняла ножи, парируя удар меча. Затем она высыпала из кольца еще больше пороха. Эльф забился в конвульсиях, хватаясь за лицо. Маленет взмахнула клинками, выпустив еще одно багровое облако. Она быстро пьянела от своих убийств, разрывая аэльфов, двигаясь с возрастающей скоростью и мастерством, отражая изящество их ударов грациозным балетом из порезов и ударов ногами. Она забыла о страхе, который посеял в ее сознании туман. Она не думала ни о чем, кроме как о круговороте силы, проносящейся сквозь нее. С каждым убийством она посылала жизненную силу Кроваворукому богу. И с каждой кровавой жертвой Кхайн отплачивал ей, наполняя ее мышцы чудесной силой. Смятение исчезло, и она обрела чистую, жестокую ясность цели. Через насилие и кровь она поклонялась своему повелителю. Что бы она ни думала в более спокойные моменты, теперь она помнила правду. Бог-убийца станет ее спасением. Верховный оракул Морати пророчила возвращение Кхайна, и, убивая эльфов, Маленет чувствовала истинность этого предсказания. Она почувствовала силу своего бога. Она закружилась и повернулась, отдаваясь во славу резни.

'Аэльф' - крикнул Готрек. Маленет не сразу смогла успокоить дыхание и вспомнить, где она находится. Она отпихнула только что убитого аэльфа и отступила от места схватки, вытирая кровь с лица и оглядываясь в поисках Истребителя. Вокруг царил хаос. Огнеубийцы были окружены

сотнями быстрых аэльфов с мечами, и они плохо защищались, нападая неуклюжими выпадами. В воздухе висели клубы крови и осколки оружия. Повелитель рун, Корган, все еще сидел на своем магмадроте, а тварь рвалась к эльфам, нанося им удары своими огромными когтями и смыкая челюсти. Но Корган смотрел на свой посох. Пламя в его мангале мерцало неровно и слабо, и Корган выглядел озадаченным.

"Где ты?" - крикнула Маленет, оглядываясь по сторонам в поисках Готрека, но не видя его. Все время прибывали новые аэльфы, и из-за мерцающего, текучего света трудно было разглядеть что-либо отчетливо. Некоторые аэльфы были лучниками, обстреливающими осажденных Огнеубийц, другие - пехотинцами с мечами, третьи - на огромных угрях, которые проносились над битвой, позволяя всадникам метать копья в бойню. Наездники угрей были одеты в доспехи сложнойковки, такие же изящные, как и те, что Маленет видела в Азире, и выкованные из странного перламутрового металла, который переливался, как внутренняя поверхность раковины. Это были знатные вельможи, гордо восседавшие в седлах, и когда угри проносились по воздуху, то в наконечниках их копий вспыхивало электричество, заряженное движением их коней.

Маленет отразила удар, убила еще одного мечника, а затем прыгнула на одного из наездников на угрях, сбросила его с седла в надежде получить более выгодное положение. Она предполагала, что сможет ездить на нем, как на лошади, но как только коснулась существа, поняла свою ошибку. Агония пронзила ее, когда энергия, вырвавшись из чешуи угря, пронеслась по ее костям. Маленет завывала, и угорь, извернувшись, бросился на нее, раскрыв пасть и обнажив зубы, похожие на кинжалы. Маленет выругалась и подпрыгнула в воздух. Но вместо того, чтобы шлепнуться на землю, она с необыкновенным спокойствием полетела к морским зарослям. Угорь скрылся в темноте, пустив дуги электричества, и, когда он упал, Маленет вздрогнула и выругалась, ослабнув от удара током.

Вдалеке, там, где виднелось затонувшее судно, Маленет увидела приближающуюся крупную фигуру. Сначала она подумала, что это еще один угорь, но потом разглядела, что у этого существа мощные когтистые передние конечности и почти лошадиная голова с длинным спиральным клыком, торчащим из надбровья. Благородный всадник выглядел еще

более величественно, чем наездники на угрях. Он нес изогнутый, похожий на раковину щит, переливающийся на свету, и носил богато украшенный шлем с широким гребнем кораллового цвета. Он держал копье наперевес, а его конь нес его вперед с величественным спокойствием, и Маленет догадалась, что это, должно быть, король или правитель аэльфов. За ним из темноты выплывали другие, гораздо более крупные фигуры, сопровождаемые всадниками на угрях, и Маленет поняла, что Огнеубийцы сражаются только с авангардом - вся мощь сил аэльфов еще не дошла до них.

Вот где будет этот болван, - сказала госпожа Маленет, и слова ее сочились ядом. *Он направится к самому большому противнику, которого сможет найти.*

'Верно', - сказала Маленет, наконец-то приземлившись на землю. Один из аэльвенских лучников попытался прицелиться в нее, но она перекаtilась в сторону, вскочила на ноги и отбросила его назад, обдав алыми брызгами. Она помчалась дальше, направляясь к приближающейся армии, вглядываясь в мечущиеся тени, пыталась разглядеть Готрека. Мимо пронеслись стрелы с оперением кораллового цвета, и она нырнула в укрытие. Только поднявшись на ноги, она поняла, что находится внутри затонувшего корабля. Даже по меркам Хамона было что-то сюрреалистическое в том, чтобы пробираться сквозь остов корабля. Однако времени на осмотр не было. Сквозь пелену донесся отчетливый голос Готрека, выкрикивавшего боевой клич дуардинов, который она уже слышала: "Казук-ха!"

Что бы ты ни думала о нем, - сказала госпожа, - *даже ему не под силу справиться с целой армией Идонет. Там должна быть тысяча этих жалких намарти. А этот напыщенный осел на морском драконе должно быть король. Он будет под надежной защитой.*

Маленет приостановилась. *Идонет? Намарти? Что это за названия? Ты знаешь, что это за существа? Почему, во имя Бога Убийств, ты ничего не говорила?*

О, так теперь ты хочешь моей помощи. Теперь ты хочешь, чтобы я поделилась с тобой своими знаниями. Я бы поделилась с тобой всеми своими знаниями, Ведьмин Клинок, если бы ты не предала меня.

Ты собиралась искупаться в моей крови.

И какую еще большую жертву ты могла принести? Какая Дочь Кхайна могла бы бросить такой вызов своей госпоже? Ты должна была отдать свою жизнь добровольно. После всего, что я для тебя сделала, ты должна была быть польщена тем, что...

Сейчас на это нет времени. Что это за аэльфы? Ты назвала их Идонет и Намарти. Что это значит? Скажи мне, что ты знаешь. Мне нужно сохранить жизнь Истребителю.

Ответа не последовало.

'Говори, черт тебя побери!' - прошипела Маленет, хватаясь за амулет на груди.

В воздухе раздался знакомый боевой клич Готрека. Шум был настолько громким, что Маленет почти не заметила движения слева от себя. Она отпрыгнула назад как раз вовремя, чтобы увернуться от удара копья одного из рыцарей, проносящегося мимо на угрях.

Выпрямившись, она вскарабкалась на сломанную опору и посмотрела на сражающихся. Она без труда различила четкую фигуру Готрека, который пробирался сквозь эльфов, нанося удары своим топором. Его окружили кровь и огонь, и он исчез из виду, поглощенный полчищами быстродвигающихся воинов.

Ты возлагаешь все свои надежды на этого идиота. Если он умрет, у вас не будет возможности выжить в этой битве. Тебе нужно что-то делать.

Маленет прижалась к остоу, задумавшись. Ее госпожа была права, но она ничего не добьется, просто стоя на стороне Готрека. Спрыгнув с обломков, она побежала прочь от Готрека, обратно к осажденным Огнеубийцам, уворачиваясь от копий и стрел, направляясь к рунмастеру Коргану. Она перепрыгивала через аэльфов и дуардинов, пока не добралась до его разъяренного магмадрота. Чудовище было похоже на живую магму, оно било хвостом и плевалось лавой во встречных эльфов. Маленет попыталась подойти к нему, но от его чешуи исходило столько жара, что она не могла приблизиться к нему ближе, чем на несколько футов.

'Корган!' - крикнула она.

Рунмастер не услышал. Он все еще был сосредоточен на своем посохе, рывая на него молитвы, но ему удалось лишь разжечь несколько углей в жаровне.

"Рунмастер Корган!" - закричала Маленет, перелезая через мертвых Огнеубийц, чтобы подобраться поближе.

Корган наконец поднял голову. Он уставился на нее, выставив вперед свой посох, похожий на топор.

'Я не одна из них!' - закричала она. 'Я Готрека под...' - Она запнулась, поняв, что собиралась сказать "подруга". 'Я Маленет! Спутница Готрека. Ты должен помочь ему'.

Корган покачал головой и выглядел ошеломленным. 'Они часть шторма'.

"Где ваши проклятые армии?" - прорычал Готрек, пробираясь к ним сквозь давку. Его лицо было забрызгано кровью, а из топора вырывались языки пламени. Руна на его груди яростно пылала.

Вид Готрека произвел на Коргана заметное впечатление. Он сел прямо и попытался сбросить с себя оцепенение. 'Фирды?' Он говорил невнятно, как будто выходя из глубокого сна. Они внутри, в безопасности от бури.'

Готрек махнул топором в сторону сражающихся. 'Они не в безопасности! Это вторжение. Собирайте свои чертовы армии'.

Корган оглядел сражение и медленно кивнул, осознание осенило его лицо. Из нескольких сотен Огнеубийц, стоявших вместе с ним, на ногах оставалось менее сотни. Почти все обнаженные воины с топорами пали. Из дуардинов остались только тяжелобронированные солдаты с извергающими магму пушками.

'Призови свои войска!' - прокричала Маленет. 'Делай, как он говорит! Или потеряете свой дом'.

Корган глубоко вздохнул и кивнул. 'Скромм!' - проревел он, вставая со своего трона, когда магмадрот затрясся под ним. 'Он прав! Призови фирды! Призови Варрух! Нас обманули. На нас напали!'

Скромм сорвал со спины рог и подул в него, издав оглушительный вой. Тут же раздались десятки других рогов, на которые откликнулись остальные Огнеубийцы.

Корган повел своего магмадрота, разбрасывая воинов и оглядывая мерцающий мрак, и глаза его прояснились. Он поднял свой посох. 'Ко мне!' Наконец свет в его жаровне разгорелся, и все оставшиеся в живых Огнеубийцы сомкнулись вокруг него, и он направил посох на приближающихся аэльфов. Из его посоха вырвались красные и золотые вспышки. Похожие на драконов из пламени, они ринулись в бой, поглощая аэльфийских воинов.

Рога зазвучали громче, и в бой устремились другие фигуры. Это были уже не огненные духи, вызванные Корганом, а живые Огнеубийцы, с топорами и магмапиками наперевес они хлынули из арок, которых не было видно несколько мгновений назад. Корган с каждой минутой становился все увереннее в себе и скакал навстречу новым бойцам, выкрикивая команды, пока воины стекались к его пылающему посоху.

'Да!' - прорычал Готрек. 'Вот так, черт возьми! Покажи им настоящую бурю!' Удовлетворенный тем, что сделал достаточно, Истребитель вновь ринулся в бой. Маленет попыталась последовать за ним, но, к ее негодованию, вновь прибывшие Огнеубийцы не видели различий между ней и Идонет. Мимо с шипением проносились струи расплавленной лавы, когда Варрухи прицеливались в нее. Ей удалось увернуться от выстрелов, но вскоре она потеряла Готрека из виду.

Маленет поборола желание зарубить дуардина и побежала обратно к рядам аэльфов. Теперь в бою было два очага. Вокруг Коргана, который гнал вперед своего магмадрота, собиралось все больше Огнеубийц, и возле короля аэльфов - эпицентр сражения.

'Готрек', - пробормотала Маленет, догадавшись о причине последнего. Она пробежала по одному из корабельных шпангоутов и перепрыгнула через головы ближайших аэльфов. Липкий мрак, нависший над магмохолдом, рассеивался. По мере того как Корган вызывал духов лавы, а толпы Огнеубийц высыпали из окрестных зданий, эфирное море стало отступать. Воздух стал теплее, туман поредел. Аэльфы были потрясены неудачей своего колдовства, а Огнеубийцы наращивали свое преимущество, выпуская шквалы лавы и устремляясь вперед с боевыми кличами.

Тяжесть свалилась с ног Маленет, и она обнаружила, что снова может бегать.

Она пронеслась мимо барахтающихся аэльфов и направилась к их королю. Идонет пытались перегруппироваться, но Огнеубийцы рвались к ним со всех сторон, и Маленет воспользовалась их замешательством, чтобы приблизиться к Истребителю.

Готрека отделяли от Огнеубийц сотни аэльфов. Вокруг него кружили рыцари на угрях, оцетинившиеся копьями, пока он пытался добраться до их короля. Каждый раз, когда Готрек сбивал одного, другой наседали на него, заставляя его реветь и отбиваться. Наряду с угрями Идонет на Готрека набросились и другие твари - рыбы, акулы и кальмары в бешенстве металась вокруг него, вцепляясь в руки и раздирая ноги. Кровь струилась вокруг Истребителя, его крики звучали безумно, но Маленет заметила, что руна на его груди горит лишь слабым светом. Готрек утверждал, что научится использовать руну, овладеть ею, но Маленет понимала, что происходит. Если руна начнет пылать, есть все шансы, что Готрек потеряет над ней контроль. А если это произойдет, то неизвестно, что может случиться.

"Сражайся со мной, трус!" - прорычал Готрек, пытаясь дотянуться до короля.

Но вокруг него была слишком большая толпа.

Они сдерживаются, - сказала ее госпожа. Они не пытаются его убить. У них какие-то причины заманить его в ловушку.

Маленет сменила позицию, пытаясь получше разглядеть короля Идонет. Он был удивительно напыщенным, с презрением разглядывал Готрека, небрежно болтая с другим аэльфом, который дрейфовал в тени рядом с ним. Маленет снова сменила позицию, но все еще не могла разглядеть спутника короля. Он парил над землей, и воздух вихрился вокруг него, скрывая лицо. Казалось, что все окружающие потоки исходят от этой фигуры, словно от центра бури. В одной руке он держал посох, в другой - что-то поменьше. Руна, выкованная из металла или, возможно, вырезанная из кости.

Это тот, кто призвал призрачное море. Останови его, и ты остановишь все это.

Маленет почувствовала истину в словах своей госпожи. Когда она посмотрела на неясную фигуру, ее охватило чувство сокрушительного

отчаяния, но когда она обернулась к Коргану и истребителям фейров, оно исчезло. 'Он колдун'.

Очевидно, простофиля. Но не такой, как колдуны, с которыми ты когда-либо сталкивалась. Идонет развращены. Их души сломаны. Ты ничего не читала в Азире?

Маленет уже собиралась ответить, когда увидела, что колдун направил свою руну на Готрека.

Готрек тут же споткнулся, опустив топор. Он открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба, и хватался за горло, слабо отмахиваясь от аэльфов.

Пока Готрек боролся, и лицо его темнело, все больше и больше армии Идонет выплывали на свет. По бокам от наездников на угрях плыла акула, достаточно большая, чтобы нести двух идонетских дворян. Тот, что был впереди, сжимал поводья, направляя акулу на Готрека. Другой держал в руках оружие, похожее на гарпун. Орудие было обмотано сетью.

Надо что-то делать и быстро.

Готрек упал на колени, держась за горло и не замечая плывущей к нему акулы. Угри и другие существа отступили, освобождая акуле путь, но Готрек ничего не замечал, хватаясь за воздух и тряся головой.

'Казук! Казук! Казук-ха!' - проревел Корган, ведя в бой Огнеубийц. Они обрушились на аэльфов, как лавина, и Маленет рассмеялась, увидев, как их много. Их было, наверное, тысяча, а может, и больше - и все еще продолжали наводнять окружающие здания. Их рога гудели, когда они выстреливали магмой в Идонет, разрывая угрей на части и сбрасывая всадников с лошадей. Лицо Коргана было таким же пылало яростью, как и его жаровня, и он вырвал лаву из воздуха и швырнул ее в акулу, отбросив тварь назад в потоке углей и горящего мяса.

В тот момент, когда Огнеубийцы атаковали, призрачное море отступило, сорвав с Идонетского колдуна мрачную пелену и окутав его огненным сиянием магмохолда. Чародей упал на землю и, пошатываясь, отошел от короля, выронив руну. Последние остатки морского тумана рассеялись, открыв взору статуи дуардинов во всем их великолепии.

Когда его солдаты бросились врассыпную, король Идонет поскакал на Готрека, занося меч, чтобы разрубить Истребителя.

Когда темнота рассеялась, Готрек глубоко вздохнул, огляделся и пришел в себя как раз в тот момент, когда на него несли змеиный конь короля. Засмеявшись, он выхватил из земли свой топор и, пронзив им шею твари, отправил ее голову в полет. Безголовое чудовище шлепнулось к его ногам, и Готрек с ухмылкой посмотрел на короля, пока тот катился по камням, звеня доспехами. 'Наконец-то я вижу твое белоснежное лицо'. Он поднял над головой свой топор и проревел. 'Приди к Готреку!'

Боевые барабаны забили, и дуардины-берсеркеры бросились мимо Готрека, метая топоры и щиты, а Истребитель ринулся на коленопреклоненного короля.

Готрек!" - крикнула Маленет, видя, как колдун Идонет поднимается на ноги и направляет свой посох на Истребителя.

Готрек ничего не заметил. Он бросился вперед и ударил короля своим топором, расколов его доспехи и наполнив воздух кровью.

Король отшатнулся назад, не обращая внимания на раны, и бросился на Готрека, размахивая мечом и нанося удары, целясь в голову Истребителя.

Колдун завывал заклинание, и буря вернулась, ударив с еще большей силой, чем прежде. Темные волны захлестнули сражающихся, подбрасывая воинов в воздух. Маленет вскрикнула, когда ее оторвали от земли и бросили назад. Она врезалась во что-то, и боль пронзила ее голову. Затем тьма поглотила ее.

ГЛАВА 10

Эорна остановилась на пороге, наслаждаясь беззвучной темнотой. Холодная черная тяжесть давила на нее, очищая разум и успокаивая сердце. Снаружи, за железными стенами палаты, высились шпили и спирали города. Снаружи царили шум, политика, игры разума, которые сокрушали ее дух. Там она играла роль спасительницы и героя, охотницы за душами, а здесь, в ее покоях, был только океан.

Курайм был лишь отголоском великой тьмы за пределами города, но все же это была одна из самых больших комнат ее дворца - настолько большая, что она не видела ни крыши, ни стен, и каждый раз, входя в нее, она испытывала прилив эмоций. В этих свернутых, камерных залах она воссоздала бездонную ночь. Здесь она ощущала безграничную мощь моря. На несколько мгновений здесь остались только она и темнота. Она вдыхала ее, напитываясь пустотой. Затем на нее медленно обрушился шквал голубых огней. Это был холодный свет рыбы-фонаря, движущийся хрупкими хлопьями, похожими на снежинки. Достигнув ее, они осветили землю, выхватывая из темноты другие фигуры. Она улыбнулась и подняла руки. Трубчатые черви облепили ее ноги, угри дрожали на поверхности ее простых кожаных сапог в стиле намарти. Казалось, что она стоит в поле лунной травы, но фигуры у ее ног были похожи на конечности морских звезд, тысячами разбросанные по полу камеры. Они подергивались и копошились вокруг нее, чувствуя ее присутствие. Вокруг нее медленно поворачивался косяк глассфинов, звеня и мигая своими светящимися сердцами. Ни одно из этих существ не было связанным зверем. Эорна не ослепила их и не сломала их волю. Она не запугивала их заклинаниями Ишаранна. Они были ею, а она - ими. Их голод был ее собственным.

'Он вернулся'. Голос Торвена был безошибочно узнаваем, звучен и бесстрастен, но Эорне потребовалось мгновение, чтобы определить его местонахождение. Сначала он был просто более темным пятном в полумраке, медленно скользящим к ней, но потом он вошел в круг фонарных рыб, и она увидела его отчетливо: бледная спираль раковины, выше ее самой и покрытая сложными отметинами, напоминающими коралловые листья. Она никогда не видела такого существа, как Торвен, но он напоминал наутилусов, плавающих в верхних слоях моря, только

был гораздо крупнее и обладал глубоким, странным интеллектом. Когда он говорил, вокруг его клюва шевелились щупальца, распускаясь, как ленты на ветру. 'Всего за несколько часов до вас'.

У Торвена было два глаза, но полностью виден был только один - чернильно-черная лужа размером с кулак, выступавшая из глазницы так далеко, что казалась едва прикрепленной. Второй глаз был гораздо меньше и утопал под бледной кожей. Иногда он был виден - подкожная тень, похожая на синяк, расширяющаяся и сжимающаяся в зависимости от изменения освещенности, - но именно этот второй глаз сделал Торвена самым ценным слугой Эорны. Торвен мог видеть дальше и четче, чем любой из королевских душеловов. Его глубокое зрение не имело себе равных. Всем, чего достигла Эорна, она была обязана Торвену.

Она сбросила мешок, который несла, и стала его расстегивать. "Кто вернулся?"

'Король Диолан, ваше высочество'.

Тон Торвена был непоколебим. В его голосе не было и намека на эмоции. Она была уверена, что он чувствует эмоции, но они были запряты слишком глубоко, чтобы окрасить его речь. За долгие годы общения с ним Эорна научилась хотя бы чувствовать, когда он пытается подчеркнуть важность происходящего. Между словами "король Диолан" и "ваше высочество" возникла едва заметная пауза, заставившая ее взглянуть на него.

'Мой брат вернулся откуда?'

'Король Диолан во главе нескольких батальонов выступил против Караг-Варра.'

Хорошее настроение Эорны ускользало от нее. Она почувствовала вспышку раздражения на Торвена. Он знал, что она приехала сюда в поисках передышки, чтобы скрыться от придворных интриг и мыслей о брате. Она высыпала содержимое мешка на землю. Из мешка вывалилось множество частей тел, человеческих и дуардинских, отрубленных голов и сломанных конечностей, привезенных с недавней охоты. Воздух вокруг взорвался жизнью. Звери, извиваясь в воздухе, падали на мясо, размахивая щупальцами и зубами. Кровь растеклась по трупам, и Эорна отступила назад. Она знала, что Торвен голоден не

меньше остальных, и человеческое мясо ему особенно нравится, но он продолжал дрейфовать рядом с ней, глядя на нее своим огромным пустым глазом.

"И что с того?" - спросила она, не в силах скрыть своего раздражения. 'Мой брат - король. Он имеет полное право вести свои армии в бой. И он делает только то, что я ему приказала. Чем крепче мы сожжем Варрух, тем скорее вытащим Готрека. Сокрушение Караг-Варра - вот приманка. Диолан делает все возможное, чтобы следовать плану. Я скоро отправлюсь ко двору и позволю ему похвастаться своим триумфом, а пока мне нужно отдохнуть".

Торвен продолжал смотреть на нее.

Она вздохнула и постаралась подавить свой гнев. Она провела несколько недель в путешествии по Мирвею, она устала, и скоро ей придется терпеть общество своего брата, но Торвен ни в чем не виноват. 'Я чувствую, что ты хочешь мне что-то рассказать', - сказала она. 'Что-то о последней битве моего брата. Что именно? Пожалуйста, говори четко и быстро, Торвен, мне нужно поспать".

Щупальца Торвена завибрировали вокруг его клюва, как это часто случалось, когда он был взволнован. 'Фаланга была отброшена назад. Король ранен".

'Идиот. Как ему это удалось? Мы уже разбили короля Огнеубийц. Он обезумел от горя, а дуардины готовы пасть. Мы могли бы покончить с ними раньше, если бы не ждали прибытия Готрека".

'Готрек уже там'.

Эорна наблюдала за кормлением, и ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что сказал Торвен. 'Он уже там? В Караг-Варре?'

'Да.'

Эорна больше не могла сдерживать свою ярость. Она выхватила из ножен свои хельсабли и набросилась на темноту. 'И мой коварный брат ничего мне не сказал! Червь! Он ушел без меня! После того, как я - после того, как мы - рассказали ему о душе Готрека". Она вздохнула. 'И теперь он будет утверждать, что все это была его идея. Он ведет себя так благочестиво, а потом наносит мне удар в спину. Он называет меня непригодной для правления. Он низвел меня до ранга траллмастера. А потом он ведет себя как самый дурно воспитанный ублюдок намарти. Где

же его честь?" Она оглянулась на Торвена, задыхаясь от гнева. 'Ты сказал, что он ранен? Надеюсь, достаточно серьезно. Это не больше, чем он заслуживает за то, что захватил Готрека без меня'.

'Его ранения были серьезными, но не угрожают жизни. И он не захватил Готрека'.

Она остановилась и опустила свои сабли, ее ярость немного утихла. Что бы она ни думала о своем брате, ей не нравилось, что он сильно пострадал. 'Он не поймал Истребителя?' - спросила она. 'Почему?'

Торвен на мгновение замолчал, а затем ответил. 'Я не мог видеть. Что-то случилось. Готрек - не такой, как мы думали'.

'Не такой, как мы думали? О чем ты говоришь? Его душа не так сильна, как мы думали? Ударные волны, которые он создал в Разливе Обломков, были огромны. '

'Его душа сильна. В этом отношении мы были правы. Но когда ваш брат попытался захватить его, он...'

"Что?

'Это трудно объяснить. Готрек сопротивлялся'.

'Сопротивлялся чему? Заклинаниям Ишаранн?'

'И мощи всей фаланги'.

'Один Огнеубийца противостоял целой армии?'

'Что-то случилось с моим зрением, ваше высочество. Я был ослеплен. Что-то, что пришло от Готрека. Я не могу сказать вам, что именно произошло, только то, что король не смог схватить его, даже когда за ним стояла вся фаланга. А когда Огнеубийца стал сопротивляться, я почувствовал еще одну ударную волну, похожую на ту, что исходила от Разлива Обломков, когда Готрек сражался с Лунными кланами'.

Эорна принялась расхаживать взад-вперед, снова размахивая саблями. 'Итак, мой брат-идиот пытается взять приз без меня и устраивает беспорядок. Тем лучше. Это играет мне на руку. Все знают, что это я открыла силу Готрека'. Она положила руку на холодный панцирь Торвена. 'Благодаря твоей проницательности, старый друг. И теперь они увидят, что только я способна поймать Огнеубийцу. Я не знаю, как Диолан умудрился все испортить, но в следующий раз, когда он нападет на Караг-Варр, я буду рядом и прослежу, чтобы он все сделал как надо'.

Она бросила на Торвена косой взгляд. "И чтобы показать людям, кто на самом деле должен быть правителем Дхруим-Урлара".

'Король не будет атаковать еще долгое время. Его раны будут долго заживать. Дни, возможно, недели. Тру'хеа лечат его, но я чувствую их беспокойство. Они решили, что король должен отдохнуть".

"Покой? усмехнулась Эрна. 'Нет, если я могу помочь. Я отправляюсь во дворец".

Торвен не ответил. Его молчание было напряженным.

'Что?' спросила Эорна. 'Что-то еще?'

'Когда Готрек противостоял вашему брату, я не мог уследить за тем, что происходит. Но жрецы Ишаранна что-то увидели. И то, что они увидели, их очень взволновало".

"Что-то о Готреке?

'Возможно. Что-то связанное с его душой. И с руной в его груди. Этим они хотели поделиться с королем, как только он поправится и сможет говорить. Таллакром, похоже, знает больше всех".

Эрна кивнула при упоминании главного дошелова своего брата. 'Таллакром поговорит со мной. Не мог же мой брат полностью настроить его против меня".

'Эорна, я встревожен', - сказал Торвен.

Эорна и Торвен были друзьями на протяжении многих лет. Он хранил ей верность и решил остаться на ее службе даже в самый темный час, когда она думала, что брат может убить ее, чтобы обеспечить себе место на троне. Они многое пережили вместе, но это был первый раз, когда он назвал себя беспокойным.

Она сохраняла спокойствие в голосе, стараясь не выдать своего волнения. 'Мой брат хочет занять свое место на троне. Он всегда стремился к этой цели. Но когда он сделал меня траллмастером, он дал мне шанс на жизнь. Он знает, что я представляю угрозу, но он не пытался меня убить. Что бы он ни делал сейчас, это лишь еще больше укрепит его власть над Дхруим-Урларом. Это не хуже, чем его предыдущие игры".

'Это нечто большее, Эорна. Я видел что-то в его лице. И в лице Таллакрома и других жрецов. Происходит что-то еще. Дело не только в том, чтобы удержаться на троне. Я чувствую предательство".

'Предательство? Кого?

'Всех нас. Я вижу его лишь наполовину, но я уверен, что оно есть. 'Ваш брат хочет предать Дромлех".

'Нет. Я могу поверить во многое, что касается моего брата, но не в это. Он предан сохранению Дхруим-Урлар. Он никогда не жаждал власти ради нее самой. Он жаждет ее, потому что не доверяет никому другому. Бывает, что он ошибается, но он не предатель".

'Тем не менее, я чувствую, что скоро произойдет великое предательство, если мы не сможем его остановить. Позвольте мне дать вам кое-что". Щупальца Торвена завибрировали вокруг его клюва, и из раковины выплыла крошечная фигурка.

Эрна протянула руку, чтобы взять ее. Сначала она подумала, что это камень или яйцо, но потом, повертев его в пальцах, увидела, что это крошечное подобие Торвена - бледный гладкий завиток раковины, размером не больше одной костяшки пальца. 'Зачем мне это?'

'Таллакром и остальные жрецы умеют хранить свои тайны. Мое глубокое зрение не проникает в их храмы. Но если вы пронесете это в их внутренние покои, я буду видеть так же ясно, как если бы я был там. Тогда мы сможем узнать, что задумал ваш брат".

Эрна кивнула. 'Очень хорошо. Я не верю, что он нас предаст, но мне нравится идея выяснить, что он задумал". Она спрятала раковину в мешочек на поясе. 'Может быть, брат и лишил меня титула, но он не может отказать мне в доступе во дворец. Если только он не хочет открытой гражданской войны. Я спрячу это рядом с его жрецами". Она оглянулась на принесенную еду. Кости были вычищены, и ее дети снова кружились вокруг нее. Жаль, что я не могу остаться, чтобы покормить вас еще. Я не хочу ничего больше, чем быть здесь, отдыхать в темноте, но я не смогу уснуть после того, что ты мне рассказал. Я должна немедленно идти во дворец".

Она направилась обратно к двустворчатым дверям зала. 'Я вернусь, как только смогу,' - сказала она, оглядываясь на Торвена. Он все еще висел в тени, не двигаясь, его бездонный взгляд был прикован к ней.

'Будьте осторожны", - сказал он.

Она кивнула и вышла.

ГЛАВА 11

Намарты текли потоком вокруг Эорны, пока она поднималась на верхние уровни своего дворца. Слуги сутились вокруг, а гордые воины Ахелианской гвардии, сидящие на клыкастых угрях, выстраивались в шеренги и плыли перед ней, пока она проходила через вестибюли и выходила в город. Эльфы анклава Дромлех называли свой дом городом, но на самом деле Дхруим-Урлар представлял собой древний ламинариевый лес. Он простирался на многие мили по морскому дну и поднимался на сотни футов в темноту, но если бы путешественнику удалось выжить в сокрушительных глубинах и проплыть над головой, он увидел бы лишь спутанный полог из темно-зеленых листьев. Ламинарии, росшие на Дхруим-Урлар, были так плотно связаны друг с другом, что скрывали чудеса под собой.

Когда Эорна, взобравшись на своего глубоководного, скользила по ступеням своего дворца, она проносилась мимо бассейнов бирюзового света. Светящиеся ветви спиралью обвивали здания города, и архитектура была настолько извилистой, что во многих местах невозможно было отличить постройки от окружающей флоры. Эфирные песни чароплетов Хорралус формировали из ламинарии храмы и городские дома, создавая паутину балконов и пешеходных дорожек, которые обвивались друг вокруг друга, словно листья, органично сливаясь с первозданным лесом. Некоторые из дорог были широкими и стабильными, но более мелкие маршруты были непредсказуемы, и доверять им не стоило. Лес так и не удалось полностью приручить, и даже самые старые горожане избегали темных переулков и закоулков внешних полей. Как и все города Идонет, Дхруим-Урлар не был наполнен ни водой, ни воздухом, но третьим элементом, называемым эфирным морем. Благодаря могущественному колдовству жречества Ишаранна в залах Дромлеха одинаково хорошо работали легкие и жабры. Когда аэльфийские траллы проходили сквозь смещающиеся огни, таща за собой телеги и неся огромные раковины, над их головами проплывали акулы с плюмажами, волоча за собой хвосты, похожие на вымпелы. Еще выше плавали колокола медуз размером с кита - настоящие чудовища глубин, пульсирующие между шпилями храмов Ишаранна, раздувающиеся и вспыхивающие, как гроззовые тучи.

Эорна не отрывалась от созерцания величественного лесного города. Гнев все еще пульсировал в ее жилах, когда она вспоминала о предательстве брата. Именно она поняла, насколько важен Готрек Гурниссон. И именно она придумала план, как заманить его в Караг-Варр. Были бы и другие призывы; Эорна умела охотиться за душами лучше, чем кто-либо другой в анклав. Но душа Огнеубийцы изменит траллов Дхруим-Урлара, продлив их жизнь на многие годы. И будь она проклята, если позволит Диолану присвоить себе эту заслугу.

Ярость Эорны была столь велика, что она проехала несколько рощ, прежде чем поняла, что происходит что-то странное. Она ехала по большой городской дороге с востока на запад, Даббарлок-сур, - дороге настолько широкой, что она редко выглядела оживленной. Но сегодня здесь было многолюдно. Ее траллам приходилось расчищать ей путь, и даже боковые улицы были заполнены траллами намарти и изысканно одетыми вельможами. 'Что здесь происходит?' спросила она. Она уже несколько недель не была в городе, охотясь вдоль Побережья Воспламенения. Неужели она забыла о каком-то празднике?

'Ты!' - окликнула она стоящую неподалеку полудушу.

Тралл повернул к ней свое безглазое лицо. Несмотря на слепоту, намарти воспринимали окружающий мир с абсолютной ясностью. 'Ваше высочество', - произнес тралл, узнав ее. Все ближайшие траллы, заметившие эту беседу, были не менее взволнованы ее присутствием. При обычных обстоятельствах Эорна была бы рада такому вниманию, но у нее не было времени на их обожание. 'Куда все идут? Что за суматоха? Это посланцы из другого анклава?

Тралл выглядел потрясенным. 'Разве вы не знали, ваше высочество?'

'О чем?'

'О собрании. Король созвал верховных жрецов и королевские семьи. Но, конечно, вы были приглашены?'

Еще одно оскорбление. Эорне хотелось завывать, но она лишь покачала головой. 'Конечно, я приглашена'. Она попыталась придумать оправдание своему вопросу. 'Я хочу сказать, куда все эти траллы идут? Аллмарах огромен, но это всего лишь один дворец. Он не может

вместить весь анклав. Почему так много народа направляется на собрание?'

Полудуша просиял. 'Жрецы Хорралуса собираются передать слова короля Диолана в дворцовые сады. Его высочество желает обратиться ко всему анклаву".

Когда тралл обратился к ней, еще больше намарти узнали Эорну и стали протискиваться через дорогу, пытаясь разглядеть ее получше. "Вперед!" - приказала она, направляя своего скакуна сквозь толпу и махая своим траллам, чтобы они сделали то же самое.

Дворец короля Диолана, Аллмарах, находился на противоположном конце города от дома Эорны, и даже в самый обычный день дорога могла занять час. Эорна не знала, во сколько брат назначил время, но была полна решимости не оставаться на улице с полудушами. Когда она мчалась по городу, то заметила знакомое лицо, сидящее в паланкине левиадона, который только что выплыл на главную улицу. Огромное черепахоподобное существо было облачено в цвета Дома Деох, и в нем Эорна узнала принцессу Араинн Деох. Заметив Эорну, Араинн приказала левиадону направиться в ее сторону. Огромное чудовище ударило своими крючковатыми плавниками, отбрасывая тень на улицу.

Араинн была одета как всегда великолепно: в одеяния цвета индиго, раздувающиеся, словно чернильные облака, и корону из узелкового коралла. Ее лицо было так сильно напудрено, что напоминало костяную маску, а сама она была так стройна, что казалось, будто ее может подкосить сильный ветер. Но она была самой старой и могущественной из всех придворных вельмож. Она порождала новую моду каждый раз, когда надевала новую мантию, а ее одобрение считалось величайшим благом, на которое мог претендовать придворный. До того как Диолан занял трон, королем был отец Араинн, и она все еще оставалась фигурой для высокородных, тоскующих по старому режиму. В паланкине с ней находились многие из ее преданных последователей: древние, гордые лорды Дхруим-Урлара, столь отрешенные, что их взгляды были привычно устремлены на славные перспективы, которые могли видеть только они.

'Траллмастер', - произнесла принцесса Араинн глубоким, музыкальным голосом. Она сочувственно улыбнулась, подчеркивая уменьшительный

титул Эорны. 'Как я рада видеть вас! Она посмотрела на потертые кожаные сапоги Эорны с выражением легкого разочарования, как будто приветствовала ласкового, но своенравного ребенка. Вы недавно вернулись из одного из своих путешествий?'

Эорна не стала показывать, как она раздражена, и милостиво кивнула головой. 'Принцесса. Я как раз на днях думала о вас. О том, как вы были преданы моему брату, предлагая ему свою помощь на каждом шагу. Вы - образцовый подданный". Она понизила голос, когда левиадон подошел ближе. 'Что бы ни случилось в будущем, что бы ни стало с нашим анклавом, я всегда буду помнить, как вы были преданы королю'.

Рот принцессы Араинн сжался в линию. Она поняла скрытую колкость в словах Эорны. Диолан был королем, но Араинн должна была заметить, насколько популярной стала Эорна. Возможно, даже более популярной, чем свита самой Араинн. Полудуши обожали Эорну за ее успехи в охоте на души, и многие из младших членов знати относились к ней с тем же почтением. Трон Дхруим-Урлар, как известно, трудно удержать, и принцесса Араинн слишком хорошо знала, как легко может поменяться власть.

'Я лишь сделала то, что сделал бы любой другой на моем месте', - сказала Араинн. Она сохранила радушный тон, но улыбка не вернулась на ее уста. 'Мой долг - служить королю Диолану'.

Обе аристократки молча смотрели друг на друга, а свита принцессы изображала незаинтересованность, устремив свои царственные взгляды на горизонт. Эорна пожала плечами. У нее не было сил на придворные тонкости и эти тяжелые, колкие разговоры. Она посмотрела вниз, на толпу. 'Я никогда не видела такого сбора. Здесь, наверное, весь город'.

Араинн не была готова оставить этот вопрос. 'Я не предлагала делать вас траллмастером. Без вас двор стал беднее. Я так и сказала вашему брату. Я сказала, что для него будет лучше, если вы останетесь здесь, в Дхруим-Урларе'.

"Держать меня здесь? Эорна посмотрела на красивые, нелепые одежды Араинн. 'Держать меня при дворе, когда есть океан, который нужно исследовать, и анимус, на который нужно охотиться?' Она покачала головой. 'Вы поступили бы со мной весьма жестоко'.

Араинн вновь улыбнулась своей властной улыбкой. 'Вы всегда были гораздо более дикой, чем ваш брат'. Ее подхалимы тихонько засмеялись и забормотали в знак согласия. Эорна кивнула на толпы, спешащие во дворец. 'Что происходит? Знаете ли вы, что мой брат считает настолько важным, что это заставило весь город затаить дыхание?'

'Он вернулся с победой из битвы в горах. Полагаю, суть дела именно в этом. Он добыл большую партию душ и хочет поделиться вестью о победе. Это будет славное событие, за которым последует грандиозный бал".

"Победа?" - спросила Эрна, вспомнив совсем другую версию событий, предложенную Торвенном. 'Вы уверены?'

'Конечно, дитя. Иначе зачем бы он нас всех созвал? Вряд ли он стал бы созывать собрание, чтобы похвастаться неудачным набегом". Она подняла бровь на своих последователей. 'И даже я не одобрила бы балы в честь поражений".

Они фыркнули и ухмыльнулись в знак согласия.

Эорна пожала плечами, продолжая управлять своим глубоководным над толпой траллов. 'Я бы не оставляла такую вероятность. С тех пор как он обрел религиозность, я не могу понять его решений. Он потерял здравомыслие".

'Он воздает должное Великому Просветителю. С величайшим уважением, Эорна, в этом нет ничего плохого".

'Ничего плохого? Я не уверена. Он молится богу, который нас презирает. Это в лучшем случае идиотизм. Если Теклис вообще помнит о нас, он бы посмеялся над преданностью моего брата".

Не успели они договорить, как свернули за поворот дороги и увидели раскинувшийся перед ними королевский дворец. Аллмарах был самым величественным строением во всем Дхруим-Урларе - круг шпилей, возвышавшийся над лесом, словно корона. Ворота дворца были достаточно широки, чтобы впустить сотни аэльфов одновременно, но во дворец стремилось попасть так много людей, что снаружи собралось целое море траллов, которые толкались и пытались протиснуться вперед. Шум стоял неимоверный. Помимо шума толпы, со стен дворца доносился

грохот барабанов и звонкие завывания охотничьих рогов, которые походили на песнь кита.

Эорна и другие вельможи направили своих скакунов над головами намарти, ехавших на целом зверинце великолепно бронированных морских существ. Рыцари и принцы приветствовали Эорну и Араинн, когда они проезжали через ворота и коралловые сады короля. Эорна кивнула со всей возможной грацией. Она не помнила, когда последний раз спала, и это было последнее место, где она хотела бы оказаться, но это были те аэльфы, которые однажды помогут ей взойти на трон Диолана. Они верили в нее, и она не собиралась их подводить.

"Ваше высочество!" - крикнул один из вельмож, скача на своем клыкастом угре навстречу ей.

'Урдах'. Она улыбнулась, когда к ней подошел молодой рыцарь, довольный тем, что кто-то смотрит на нее не так снисходительно, как Араинн. У него было светлое, открытое лицо, но Эорна не обманулась. По-своему Урдах был очень опасен. Он был остроумен и обаятелен, а значит, имел большие связи при дворе. Он был похож на освещенный солнцем ручей со скрытыми, неожиданными глубинами. К счастью для Эорны, он был ей безоговорочно предан.

'Я не видел вас в битве', - сказал он, стараясь, чтобы его услышали в толпе. 'Вы были там?'

'Нет', - ответила она, гордо восседая в седле и понимая, что Араинн все еще рядом и может услышать этот разговор. 'Я ничего не знала о нападении'.

Он помрачнел. 'Я так и думал. Ну, вы не так уж много пропустили. Это был фарс'.

Она придвинулась к нему поближе, и они поскакали к центральному замку, не отставая от Араинн и других дворян. 'Но как? Огнеубийцы лишены лидера. И они приняли историю о проклятии. Даже мой брат должен был справиться с ними'. Она заметила, что пластины доспехов Урдаха повреждены. 'Ты ранен?'

'Только моя гордость. Мой батальон напал одним из первых. Я потерял несколько хороших воинов. Хорошо, что вас там не было, чтобы увидеть, какой беспорядок я устроил'.

'Что пошло не так?'

'Поначалу ничего. В первых волнах атаки все шло по плану. Король забрал с собой половину фаланги. Траллы с легкостью прорубались сквозь горцев, а жрецы собирали большую жатву душ. Но потом, когда мы нашли Готрека Гурниссона, все рухнуло. Он невосприимчив к эфирному морю. Он видел его насквозь. Даже Таллакром ничего не смог сделать, чтобы остановить его. Готрек прошел сквозь волны и начал рубить нас. Его ничего не остановило". Он покачал головой. 'А сражается он, как зефирная акула. Диолан выехал навстречу ему, но даже он не смог до него дотронуться. Готрек избил его так, как будто он был низшей полудушой".

Как бы ни хотелось Эорне радоваться поражению брата, она должна была признать, что это было необычно. При всех своих недостатках Диолан был великим воином. Он захватил трон в результате кровавого переворота и считался одним из величайших фехтовальщиков, когда-либо рожденных анклавом Дромлех. Она уже собиралась расспросить Урдаха о подробностях, когда разговор стал невозможен. Их скакуны пронеслись через парящую арку в Большой зал Аллмараха.

ГЛАВА 12

По стенам, на балконах в форме улиток, расположились сотни флейтистов и горнистов, и шум стоял оглушительный. Сиденья внизу были заполнены нарядно одетыми вельможами и их слугами, а из различных арок, расположенных по периметру, в зал вливалось еще больше народу. По мнению Эорны, в зале собралось три или четыре тысячи азльфов, и все они стремились попасть к сцене, расположенной в дальнем конце зала. Толпы обожателей теснились вокруг Араинн, пока ее не скрыла целая роща платьев и сверкающих доспехов, а все больше друзей Эорны заметили ее и собрались рядом. Она почувствовала прилив гордости. Было время, когда столь заметное присутствие рядом с ней считалось риском. Но с тех пор, как она стала траллмастером, она привела анклав Дромлех к небывалому притоку душ - городам и побережьям, которые настолько созрели, что продлили жизнь дромлехских полудуш на многие годы. Благодаря ей их батальоны

увеличились почти вдвое. Она была героем и для намарти, и для благородных, а ее брат не смел и пальцем тронуть ее.

Музыка то нарастала, то затихала, когда на сцену выходила группа чародеев Ишаранн с исхудавшими лицами, украшенными богатыми воротниками, в церемониальных одеждах, которые развевались вокруг них, когда они занимали свои места. Под рев аплодисментов на сцену, прихрамывая, поднялся король Диолан. Его окружили ишаранские лекари, пытавшиеся помочь ему идти, но он отгонял их сердитым пожиманием плеч, выходя из тени, выпрямляя спину и поднимая подбородок. Он был одет по-военному, в толстые пластинчатые доспехи с гребешками. Шлем с замысловатой гравировкой был увенчан поперечным гребнем из кораллов медового цвета, а носовая защита была выкована в форме головы морского змея. Выйдя на авансцену, он на мгновение застыл в молчании, давая аплодисментам утихнуть, его лицо было мрачным и решительным. Затем он поднял руку, призывая к молчанию.

'Дети Дхруим-Урлар'. Его голос был негромким, но слова гулко отдавались в зале и эхом разносились по улицам. Слева от него стоял самый старший жрец: Таллакром, душенавигатор, который вел королевские батальоны по Мирвею и выявлял самые сильные души во вражеских армиях. Таллакром был мощной смесью душелова и заклинателя приливов, а также духовным лидером анклава. Это был худощавый, сурового вида дворянин, служивший анклаву Дромлех на протяжении стольких поколений, что некоторые утверждали, будто он был даже старше, чем Дхруим-Урлар. Его длинное, угловатое лицо было испещрено рунами, а левая бровь была изогнута дугой в привычном выражении неодобрения. В его глазах таился яростный ум. О нем ходило множество легенд, в том числе и слухи о том, что когда-то он служил верховному королю Волтурносу, старейшему из всех идонетских правителей. Однако, несмотря на свой возраст, он считался обладателем самого острого ума в Дхруим-Урларе. Пока король Диолан говорил, Тхаллакром опирался на посох, сделанный из верхушки бивня нарвала, и, закрыв глаза, что-то горячо шептал. Наверное, эфирная магия Тхаллакрома усиливает голос короля Диолана, подумала Эорна, заметив свет, мерцающий между пальцами священника.

"Мы подошли к перекрестку", - продолжал король, оглядывая толпу с видом триумфатора.

"Он проиграл битву", - прошептала Эрна, взглянув на Урдах. "Разве не так ты сказал? И выглядит он так, будто в любой момент может потерять сознание. Почему же он так доволен собой?"

Урдах покачал головой. "Его пришлось тащить обратно в Мирвей. Он потерял много крови".

На мгновение в Большом зале воцарилась тишина: собравшиеся гадали, что имеет в виду их король.

"Все эти долгие века мы были рабами, - продолжил король. От высокородных Ахелиан до низайших полукровок - все мы".

Большинство вельмож в зале не обратили внимания на это замечание, Они переглядывались между собой и неодобрительно бормотали.

"Что он делает?" - прошептала Эорна. Если ее брат продолжит в том же духе, он оттолкнет от себя всех чистокровных Ахелиан в зале. Он сделает всю работу за нее.

"Мы - рабы нашего прошлого", - продолжал Диолан. Его лицо напряглось от боли, и он не мог стоять прямо, но все же отказался от помощи слуг, устремив взгляд на толпу. "Мы связаны древним проклятием, мы питаемся анимусом низших рас, в то время как должны быть хозяевами своих собственных душ".

По толпе пронеслось неуверенное одобрение, когда дворяне поняли, что он действительно не считает дворян сравнимыми с одушевленными рабами.

"Мы - перворожденные!" Когда Диолан повысил голос, он пронесся по залу, заставив некоторых вельмож вздрогнуть. "Когда Великий Просветитель привел наших предков в мир, он преследовал благородную цель. Мы были созданы не для того, чтобы ютиться в своих залах. Не для того, чтобы мы питались объедками". Он сошел со сцены и уставился на толпу лихорадочными глазами. "Мы созданы, чтобы править!"

Аплодисменты стали искренними, и Эорна покачала головой. "О чем он говорит?"

'Демоны ползают там, где мы должны стоять. Орруки разрушают там, где мы должны строить. Владения Смертных - наши по праву рождения!' Он позволил аплодисментам захлестнуть себя, но выглядел страдающим и раздраженным, и затем жестом подозвал одного из своих слуг. Слуга бросился к нему с кубком вина, и Диолан тяжело выпил. Затем он на мгновение замолчал, закрыв глаза.

"Он сейчас упадет в обморок", - удивленно сказала Эорна. 'На глазах у всего анклава.'

Аплодисменты стихли, а Диолан оставался неподвижным. Наконец он кивнул, вернул рабу чашу и снова обратился к залу. Но все эти годы мы были скованы Великой Охотой. Мы скованы этим бесконечным поиском анимуса". Он махнул рукой в сторону стоящего рядом раба. 'Мы были опозорены нашим искалеченным потомством. Но не более! Он взглянул на старого ишараннского жреца, Таллакрома, который с готовностью кивнул. 'В вулканических пещерах низших рас я нашел ответ. Я нашел ключ, который избавит нас от оков. Этот день будут помнить в веках. Ваши потомки будут петь баллады об этом моменте. В Караг-Варре я нашел душу, которая завершит то, что начал Теклис много веков назад. Душу, которая несет в себе искру божественности. Душу бога! И с ее силой мы наконец-то родимся по-настоящему. Наконец-то мы станем свободными. Мы примем мантию, которую предназначил нам Великий Просветитель. Когда мы соберем эту душу, Дромлех станет первым анклавом в истории всех Идонет, избавившимся от проклятия души!'

Несколько секунд стояла ошеломленная тишина, пока все переглядывались между собой, пытаясь осознать услышанное. Король был известен своей эксцентричностью, но такого никто не ожидал.

'Его обезглавят', - прошептала Эорна. 'Будет революция'.

Но, к ее изумлению, некоторые из дворян начали подниматься на ноги и радостно кричать, поднимая оружие и издавая боевые кличи. По залу пронесся торжествующий рев, настолько громкий, что даже слова короля, усиленные магией, были заглушены. Это была не более чем половина зала, но и этого было достаточно, чтобы встревожить Эорну.

'Он сошел с ума', - сказала она. 'Что он несет о спасении от проклятия души? Это безумие. Мы не прокляты, мы благословлены. Великая Охота

- это то, ради чего мы живем. Это то, кем мы являемся. Без этого мы не были бы Идонет".

Когда аплодисменты стихли, король продолжил говорить, объясняя, что Готрек уникален. Что его душа - это приз, который анклав Идонета ищут с древнейших времен. Но Эорна почти не слушала. Все, о чем она могла думать, - это о том, какие разрушения принесет ее брат, если она не остановит его. До этого момента она была уверена, что должна править вместо него, но теперь это было нечто большее. Если она не остановит безумие брата, он уничтожит все, что было ей дорого. Все, что имело значение. Когда король закончил свою речь, снова зазвучала музыка, и стражники стали выпроваживать толпу из зала. Некоторые из приближенных вельмож с восторгом обсуждали грандиозную идею короля, говорили о том, как славно будет, когда Дромлех вырвется из морского изгнания и станут повелителями Владений. Но многие собрались вокруг Эорны, обеспокоенные сказанным и желая услышать ее ответ.

'Он не может просто разрушить наши традиции', - сказал Урдах, глядя на нее. Он не может утащить нас в верхние земли, чтобы мы жили в пустыне и пыли".

'Наш дом здесь', - согласился другой дворянин. 'Мы из моря. И кем бы мы были без Великой Охоты?'

Эорна кивнула, но была слишком разъярена, чтобы говорить, пока не подошли дворцовые стражники и не попытались вывести ее из зала. 'Сейчас я поговорю со своим братом', - сказала она, глядя на них.

Несмотря на ее королевскую кровь, стражники, казалось, были готовы спорить с ней, нервно хватаясь за свои трезубцы и переглядываясь между собой. Но тут толпа окружающих дворян потребовала пропустить ее, возмущенная тем, что простые солдаты пытаются бросить вызов члену королевской семьи. На мгновение показалось, что может вспыхнуть драка, но потом солдаты одумались и отступили, позволив Эорне беспрепятственно пересечь зал. Она быстро проскакала на своем глубоководном сквозь расступающуюся толпу, кивая тем, кто обращался к ней, - как чистым душам, так и полудушам. Доехав до пустой сцены, она взошла на нее. 'Подожди меня здесь', - сказала она Урдаху, который следовал за ней сквозь толпу. Она передала поводья стоявшему рядом рабу и прошла в дверной проем.

ГЛАВА 13

В прихожей, куда вошла Эорна, толпились писцы, переписывавшие речь короля на раковины. При ее появлении они удивленно переглянулись. После того как король понизил ее статус до траллмастера, многие не знали, как к ней обращаться, не желая обидеть, но и понимая, что могут разгневать Диолана, используя ее прежний титул принцессы. Один из писцов предпочел нейтральное "ваше высочество", и остальные последовали его примеру. Она проигнорировала их и прошла в следующую комнату. Это был бальный зал с широким сводчатым куполом, напоминающим внутреннюю поверхность ребристой раковины. Стены были увешаны доспехами, а в центре зала сгрудились фигуры. Эорна различала Таллакрома и некоторых других приближенных советников брата, сгрудившихся вокруг короля, упавшего на колени. Здесь же находилась принцесса Араинн и несколько ее великолепно одетых последователей. Принцесса выглядела обеспокоенной и что-то срочно шептала одному из своих друзей. Вокруг короля Диолана растекалась лужа крови, он пытался отмахнуться от людей, пытавшихся оказать ему помощь. 'Оставьте меня!' - прорычал он. 'Я вполне могу идти'.

Диолан поднялся на ноги и, пошатываясь, пошел по бальному залу, оставляя за собой кровавые следы на полированном полу. Прислуга и жрецы Ишаранна бросились за ним, держа в руках чашки и припарки, но он не обращал на них внимания, пьяной походкой ковыляя к двери. Несмотря на свой гнев, Эорна почувствовала к нему прилив жалости. С детства Диолан был одержим идеей, что Дромлех - самый великий из всех анклавов Идонет. Временами его одержимость казалась талисманом, придававшим ему силы и цель, когда другие сбивались с пути, но иногда это было своего рода безумием. Он не мог успокоиться до тех пор, пока Дромлех не возвысится над своими сородичами. Он мечтал о прошлом, которого, вероятно, никогда не было, и о будущем, которого не может быть. И сейчас, когда он метался по залу, и кровь хлестала из его доспехов, он был как никогда близок к тому, чтобы погубить себя. Тут Эорна вспомнила, что он только что сказал в своей речи, и ее жалость испарилась. 'Ты уничтожишь нас', - прошипела она. Он остановился, не оглядываясь. 'Кто впустил этого траллмастера?'

Жрецы и советники короля растерянно переглядывались, произнося извинения, но только у одного хватило смелости бросить ей вызов. Таллакром медленно шел по бальному залу к ней. Вблизи его огромный возраст был еще более заметен. Его кожа напоминала посеребренную кору, а единственным цветом лица были синеватые зубы, которые он задумчиво облизывал, приближаясь. Он был настолько хрупким, что, казалось, едва мог выдержать вес своей мантии, но Эрна знала, что недооценивать его нельзя. Он был самым могущественным колдуном во всех храмах Ишаранн. И его способности не ограничивались одной дисциплиной. В отличие от большинства жрецов, он использовал любую форму магии по своему усмотрению. 'В этом нет необходимости, ваше высочество', - сказал он. Его голос был твердым, но добрым, как в детстве, когда он учил ее.

"Я скажу тебе, что может нас погубить", - сказал король, не обращая внимания на Таллакрома, и, прихрамывая, повернулся к Эорне, в его глазах сверкала ярость. 'Слепые, отсталые традиции. Такие, как ты, настолько очарованы славной охотой, что забыли, что она значит. Это всего лишь поводок, Эорна. Поводок, который удерживает нас на месте, пока наш враг приближается. И я больше не буду этого терпеть".

Она никогда не видела его таким невменяемым. Она пришла сюда, чтобы попытаться образумить его, но теперь, увидев его, подумала, не ошиблась ли. Он выглядел диким, как будто находился в разгаре битвы и собирался нанести смертельный удар. 'Наш враг?' Она покачала головой. 'Какой именно враг? Во Владениях Смертных полно врагов".

'Ты знаешь, о чем я. Великий Вирм. Змей, что жаждет. Повелитель излишеств. Слаанеш". Он, пошатываясь, приблизился к ней. "Неужели ты думаешь, что достаточно охотиться за душами и вытягивать из наших траллов побольше жизни? Думаешь, достаточно ждать в глубинах, пока Хаос готовится выследить нас? Думаешь, мы сможем избежать судьбы, постигшей суши? Конечно, нет. Это вопрос времени. Но мы не созданы для того, чтобы ждать. Мы созданы, чтобы возвышаться. Сражаться. Править.' Он сплевывал и дергался, пока говорил, его мощный корпус сотрясала дрожь. 'А такие глупцы, как ты, думают, что мы можем оставаться такими, какими были всегда, потерянными в охоте, рыскать по пляжам в поисках искр жизни. Жить, питаясь объедками".

"Каждая найденная душа делает нас сильнее", - огрызнулась она, не желая поддаваться на его уговоры. 'Сейчас наши траллы более могущественны, чем когда-либо в прошлом. И это моя заслуга, ты же знаешь. Полудуши в наших батальонах лучше, чем...'

"Они прокляты!" - прорычал король, выглядевший так, словно он мог выхватить меч и зарубить ее. 'Все остальное не имеет значения. Остальные твои слова бессмысленны. Они - позорный провал. Именно из-за них Великий Просветитель изгнал нас из своего света".

'Ты не знаешь своей проклятой истории. Боги не изгоняли нас из своего света. Наши предки бежали. Теклис хотел нас уничтожить. Боги презирают нас".

'Возможно', - прорычал Диолан. 'Но все изменится, когда мы поднимемся из глубин и вернем себе Владения от их имени. Тогда они поймут, что мы есть - и всегда были, их самым совершенным оружием".

'Восстанем из глубин?' - спросила принцесса Араинн. Она стояла в нескольких футах от него и выглядела все более встревоженной. 'Что вы имеете в виду?'

'Ты бредишь, брат', - сказал Эорна, прежде чем Диолан успел ответить. 'Глубины - вот наше место, а не сухая, лишаящая жизни жара суши. Мы - Дромлех, и мы...'

'Мы - Дромлех!" - выпалил Диолан. 'Точно! И мы лучше. Лучше, чем Наутилар, или Дхом-Хаин, или Ионрах, или любой другой анклав. Мы - избранные". Он посмотрел на принцессу Араинн, а затем на Эорну. 'Мы можем больше, чем просто охотиться из теней. Нам суждено нанести ответный удар. Мы не будем прятаться, мы будем наступать и сокрушим последователей Слаанеш целой фалангой чистых душ - аэльфов, которые живут, думают и сражаются со всем совершенством, задуманным богами.

'Из-за одной-единственной души?' - спросила Эорна. Из-за этого Огнеубийцы? Неужели ты не слышишь, какое безумие ты говоришь?'

Король глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и взглянул на Таллакрома, его глаза были полны триумфа. 'Это - не безумие'. Он положил руку ей на плечо и заговорил более мягким тоном. 'Я благодарен тебе за то, что ты нашла его, Эорна, правда, благодарен. Но ты не знала. Ты думала, что это руна в его груди вызвала ту эфирную бурю, но это было не так. Дело

в нем. Он не такой, как мы думали. Он не обычное существо. Его плоть временна, но его душа... Его душа - это что-то другое. Не так ли, Таллакром?'

Таллакром внимательно наблюдал за ней. 'Нет необходимости в этом споре, Эорна. Ты злишься, потому что видишь лишь фрагменты картины. Когда ты увидишь все...'

'Не читай мне нотаций! Эорна схватилась за рукоятки своих хелсабель. 'Я уже не ребенок, Таллакром. Я...'

'Ты - траллмастер', - предупреждающе сказал ее брат. 'И ты оставишь меня сейчас. Лекари говорят, что мне нужно отдохнуть, прежде чем мы сможем предпринять новую атаку'.

Эорна уже собиралась возразить, как вдруг заметила, что в зал, пока она разговаривала с братом, вошли стражники. Теперь десятки полудуш нацелились на нее длинными луками.

Брат, казалось, успокоился и заговорил с ней более добрым тоном. 'Тебе лучше уйти, Эорна. События развиваются быстро, и они тебя не касаются. Я говорю это не со зла. Ты не веришь в это дело, и я не позволю тебе мешать мне. Ты должна вернуться к своим охотам. Грядут перемены, и ты обязана подготовиться к новому образу жизни'.

Она хотела ударить его. 'Ты наполовину мертв. И, как я слышала, Готрек превратил Огнеубийц в нечто грозное. Если ты снова нападешь на него, то только выступишь себя на посмешище'.

Ее слова не произвели на короля никакого впечатления. Его гнев угас. Он еще раз торжествующе взглянул на Таллакрома, кивнул принцессе Араинн и повернулся, чтобы уйти.

'Иди домой, Эорна', - сказал Таллакром, ласково улыбнувшись ей. 'Дело сделано. Колеса в движении. А тебе нужно отдохнуть'.

Его мягкий тон только раззадорил Эорну, и она уже собиралась последовать за ним, когда перед ней возникла шеренга лучников с поднятыми луками и наложенными стрелами.

Таллакром облизнул зубы и улыбнулся ей, отступая в сторону. 'Не беспокойся о короле, траллмастер. Я позабочусь о нем'.

Эорна бросила взгляд на лучников, готовая устроить сцену, но потом поняла, что для раскрытия деталей плана брата ей придется прибегнуть

к более тонким методам. Она повернулась и выбежала из бального зала, направляясь обратно в холл. Когда она снова вышла на сцену, ее уже ждал Урдах. Она села на своего скакуна и, махнув ему рукой, направилась к выходу. Большая часть публики уже ушла, но принцесса Араинн и ее вельможи последовали за ней в зал, и некоторые из них смотрели в ее сторону, поэтому Эорна выехала в сад и нашла тихую беседку, где можно было поговорить.

'Он что-то замышляет с Таллакромом', - сказала она, убедившись, что они остались одни.

Урдах кивнул. 'Им нужен лучший способ победить Огнеубийц, если они собираются добыть душу Готрека. Иначе они рискуют потерпеть еще одно нелепое поражение. Уверен, у Таллакрома и его жрецов есть идеи".

'Этого *не* должно случиться'. Эорна схватила Урдаха за руку. Мы должны узнать, что они задумали, и положить этому конец. Я проклиная тот день, когда рассказала брату о Готреке Гурниссоне". Она покачала головой. 'Я знала, что он необычный, но не представляла, что это приведет к такому. Мой брат собирается уничтожить нас". Она притянула его к себе. У тебя все еще есть доступ к внутренним храмам Аллмараха?'

Он нахмурился. 'Они видели, как я разговаривал с вами сегодня, и знают, что мы по-прежнему друзья. Но мне еще никогда не отказывали в доступе. Думаю, король все еще доверяет мне".

Эорна вспомнила о маленькой раковине, которую дал ей Торвен, и достала ее. Клешни моллюска коротко зашевелились на ее ладони, как будто ему не терпелось приступить к выполнению своего задания. Вид рачка напомнил ей о Торвене, и это воспоминание успокоило ее. Она глубоко вздохнула и передала его Урдаху. 'Подойди как можно ближе к покоям жрецов, а это существо оставь в укромном месте. Это шпион. Оно разыщет Диолана и покажет мне, что он замышляет. План, предложенный моим братом, потребует ритуала, не похожего ни на один из тех, что Ишаранн проводил раньше. Как он мог подумать, что сможет использовать душу Готрека, чтобы изменить весь анклав? Переписать всю нашу историю? Должно быть, он задумал что-то безумное. Выясним это. Тогда мы сможем убедиться, что у него ничего не получится".

Урдах спрятал панцирь в доспехи и поцеловал руку Этрены. 'Я не подведу вас, принцесса'.

ГЛАВА 14

Урдах знал, что лучше не прятаться. Ничто не выглядело бы более подозрительно, чем крадущийся ахелианский дворянин. Он шел, гордо выпрямив спину, по гребешкообразным залам Аллмараха. Рабы Намарти сутились в комнатах, готовясь к победному балу, неся подносы с едой, вином и инструментами, сделанными из раковин каури, таких больших, что для их переноски требовались целые группы аэльфов. Он не успел починить свои доспехи, но они были чистыми и отполированными, а самые серьезные вмятины он задрапировал поясом, так что, кивая разным вельможам, он выглядел вполне презентабельно. В воздухе витало оживление. Все, мимо кого он проходил, задыхаясь, говорили о речи короля Диолана. Пьянящая смесь страха и возбуждения овладела Дхруим-Урларом.

Дойдя до парадного бального зала, где уже собирались гости, нарядно одетые и жаждущие обсудить события дня, он ускорил шаг и направился к противоположной двери, давая понять, что пришел по делу, а не в поисках партнерши для танца. Он уже почти дошел до двери, когда его окликнул вкрадчивый голос.

'Лорд Урдах', - позвала Араинн, скользнув через всю комнату к нему и взяв его за руку. 'Разве это не чудесно?' - сказала она нейтральным тоном.

Он кивнул, стараясь скрыть раздражение от задержки. 'Что именно чудесно, леди Араинн?

'План короля Диолана. Его желание поднять нас из глубин'.

Изучая ее лицо, Урдах, к своему удивлению, понял, что она боится. Ему было нетрудно догадаться, почему. Ее жизнь была построена на уверенности. Она знала, что ее место при дворе неприкосновенно. Но теперь король говорил о том, что все изменится, и вся уверенность Араинн могла быть разрушена.

'Это просто невероятная новость', - сказал он, подбирая ровный тон.

Она пристально посмотрела на него. 'Да, потому что, если мы сможем изменить природу намарти...' - она посмотрела на стоящих рядом рабов.

'Если мы сможем возвысить их, стряхнув с них проклятие души, то нас ничто не сможет остановить'.

Урдах кивнул.

'И тогда', - продолжила Араинн, - 'мы сможем стать теми, кем нас задумал Великий Просветитель. Мы сможем вернуть себе сушу', - она поморщилась при этом слове, - "и занять место главного анклава".

'Похоже, что так. А теперь, если вы меня извините, у меня есть дела'.

Араинн не ослабила хватку на его руке. Она посмотрела на дверь, к которой он направлялся. 'Дела с королем Диоланом?'

'Да. Я должен передать послание его высочеству'.

'Отлично', - сказала Араинн, направляясь к двери. 'Мне и самой нужно поговорить с королем. Я хочу услышать больше подробностей о его замечательной идее'.

Урдах пробормотал проклятие, когда она вышла в коридор в шлейфе развевающихся одежд. Меньше всего ему нужен был кто-то рядом, когда он пытался установить раковину Эорны.

'Араинн', - сказал он, поспешив за ней. 'Скоро начнется бал. Вас будет очень не хватать. Я думаю, многие пришли сюда специально, чтобы потанцевать с вами'.

Она подняла бровь. 'Я слишком стара для твоей лести, дитя. Кроме того, пройдет не меньше часа, прежде чем все будет готово. А утром бал будет еще в самом разгаре. В любом случае, я всегда найду время для аудиенции с королем'.

Они шли молча, пока Урдах пытался придумать, как избавиться от своей непрошеной спутницы, а Араинн приветливо махала рукой проходившим мимо гостям. Затем, пересекая многочисленные покои, они стали оставлять позади шум бального зала и входить в помещения дворца, посвященные храмам Ишаранн. Стены были расписаны изображениями отца ишараннской веры, падшего бога, известного как Матланн. Матланн был изображен с могучим копьём-фуаттар наперевес, сражающимся с главным врагом Идонет - богом хаоса Слаанеш.

Урдах видел эти фрески много раз, но они не переставали его умилять. Матланн был символом всего, к чему стремились Идонет: чистой,

величественной гордости, подобной благородству набегавшей волны. Картина за картиной изображала последнюю битву Матланна со Слаанешем, в которой он пытался спасти своих поклонников от хищников Хаоса. Его линии были совершенны, лик божественен, и все это контрастировало с ужасающей природой его врага. Слаанеш был извилистой мешаниной, ярким вихрем нежизни, ласкающим Матланна острыми как бритва пальцами и колючими блестящими хвостами.

Это была битва между благородством и развратом, и даже на последней панели, когда Слаанеш наконец поглотил Матланна, было ясно, что эльфийский бог одержал неожиданный триумф. Когда Матланн погибал, выражение его лица было победным, что заставило Змея Удовольствия нахмуриться в замешательстве. Художник, нарисовавший фреску, уловил сомнение в мыслях Слаанеш: бог хаоса почувствовал, что что-то упустил. В рядах жрецов Ишаранн Урдах не раз слышал о тайном триумфе Матланна. Аэльфский бог глубин никогда не умрет по-настоящему, пока память о нем живет в душах его последователей. Его сила не уменьшилась, а рассеялась. Слаанеш думал, что наелся досыта, но на самом деле он хрустел пустой оболочкой. Некоторые Дромлеи воспринимали эту историю как метафору, показывающую, что, сохраняя память о Матланне, они могут воплотить его величие; другие же видели в ней совершенно буквальный смысл, полагая, что Матланн посеял свою божественную сущность в душах своих поклонников, сделав каждого из них, даже самого ничтожного намарти, сосудом для своей прославленной силы.

Жрецы оглядывались, когда Урдах и принцесса Араинн проходили мимо святилищ и алтарей, как и вооруженные стражники, ожидавшие у дверей, но никто из них не становился на пути вельмож, поскольку не раз видели их в беседах с Диоланом. Принцесса, в частности, была почти на равных с королем, так высоко ее ценили. Вскоре они стали приближаться к личным покоям короля. Урдаху не хотелось разговаривать с правителем, и он был уверен, что уже достаточно близок к тому, чтобы отпустить раковину, но ничего не мог поделать, пока рядом с ним была Араинн, которая думала, что он разыскивает короля. Ему пришла в голову идея, когда он заметил пустое место у одной из выходивших в коридор прихожих. 'Проклятье', - пробормотал он, останавливаясь и держась за бок.

'Ты нездоров?' - спросила Араинн.

'Ранен. В Караг-Варре'. Он старался говорить, как будто ему больно. 'Ничего страшного. Мы можем продолжать'.

В ее глазах мелькнуло разочарование, но она покачала головой. 'Нет, ты должен отдохнуть. Смотри, вот стул'. Она взяла его за руку и подвела к креслу. 'Отдохни. Я подожду.'

'Нет, продолжайте без меня', - сказал он. 'Я боюсь, что мне придется подождать здесь некоторое время. И если вы не найдете короля быстро, он отправится на бал, и вы упустите свой шанс'.

'Нет', - настаивала она, натянуто улыбаясь, - 'я не оставлю тебя'. Но по ее взгляду, устремленному в коридор, было ясно, что она отчаянно хочет продолжения.

'Пожалуйста', - сказал он. 'У меня будет много случаев поговорить с его величеством. Я сражаюсь на его стороне в каждой кампании. Но для вас, возможно, такая возможность представится ещё не скоро'.

Она тихонько хмыкнула - он и раньше видел, как она это делала, когда размышляла. Затем она кивнула. 'Если ты уверен'. Она огляделась вокруг. 'Я позову раба, чтобы он помог тебе'.

'Нет', - сказал он чуть громче, чем собирался, потом мягче, - нет, не нужно. Я просто забыл, какая у меня нежная рана. 'Если я немного посижу здесь, то все будет в порядке, уверяю вас, а если мне понадобится слуга, я смогу позвать'.

Она кивнула и собралась уходить, но заколебалась. 'Возможно, мы увидимся позже, в покоях короля. Вы знаете, как он ненавидит балы'. Она одарила его жесткой улыбкой и поспешила дальше по коридору. 'Он будет откладывать поездку так долго, как только сможет.'

Урдах еще некоторое время посидел, слушая ее мягкие затихающие шаги. Убедившись, что она не возвращается, он встал и заглянул в прихожую, расположенную позади него. Это была небольшая комната, пустая, если не считать статуи Матланна в нише, но с противоположной стороны имелся дверной проем, завешенный тяжелыми шторами.

Прихожая казалась идеальным местом для оставления раковины, но сначала он хотел посмотреть, что скрыто за шторами. Не поддаваясь

желанию подкрасться, он уверенно прошел через комнату, откинул занавески и шагнул в дверной проем.

В следующей комнате было темно. Лишь несколько прожилок голубого света пробивались сквозь стены, и он с трудом разглядел, что это за помещение. Через незаметный дверной проем доносились звуки песнопений, и, когда глаза привыкли к полумраку, он понял, что в центре комнаты собрались жрецы в рясах, стоящие на коленях в молитве. Из тени вышел стражник и с суровым выражением лица подошел к нему. 'Мой господин. Простите меня. Никого не впускать'.

Урдаху так хотелось, чтобы его присутствие не вызывало сомнений, что он заговорил не задумываясь. 'Я - принц Урдах', - прорычал он. 'Как вы смеее обращаться со мной как с обычной полудушой! Я здесь по прямому приказу короля Диолана. Хотите, я скажу ему, что вы пытались запретить мне вход?'

Стражник побледнел и посмотрел на одного из своих товарищей, который подошел на шум голосов.

"Конечно, вы можете пройти", - быстро ответил второй стражник. 'Прошу простить ошибку, принц. Лорд Тхаллакром долго подчеркивал важность осторожности в этом вопросе. Я уверен, что вы понимаете'.

'Конечно, понимаю', - ответил Урдах, несколько не понимая. 'Я прощаю за твою наглость на этот раз'. Прежде чем стражники успели задать ему еще какой-нибудь вопрос, он направился в другой конец комнаты. Происходило что-то странное. Он слышал молитвы ишараннских жрецов каждый день своей жизни, но песнопение, разносившееся по залу, было необычным и совершенно не похожим на то, с чем он сталкивался раньше. В нем звучали настоятельная просьба и мольба, и, когда он вошел в соседнюю комнату, у него возникло странное ощущение, что слова влекут за собой, вытягивая из него энергию.

Он отмахнулся от новой группы стражников, пытавшихся встать на пути, и теперь говорил еще более уверенно, проходя мимо еще одной группы коленопреклоненных жрецов. Эта комната была такой же мрачной, как и предыдущая, но сквозь пальцы жрецов пробивались отблески света, как будто они держали в руках фонарных рыб. У всех в руках были куски кораллов, и их очертания напоминали что-то знакомое. Урдах вошел в первую прихожую только в поисках места, где можно было бы оставить

раковину, но теперь ему было интересно узнать, что происходит. Все охранники были начеку, хотя многие из них знали его в лицо, и по мере того, как он проходил комнату за комнатой, песнопения становились все более пылкими и громкими.

Около часа он бродил по десяткам комнат, многие из которых были заполнены жрецами, сжимавшими в руках кусочки кораллов, и его начало одолевало беспокойство. В коралле было что-то важное, но он не мог понять, что именно. Он добрался до комнаты, которая охранялась так тщательно, что пришлось прибегнуть к хитрости: спуститься по ступенькам и пройти через другую дверь внутрь, прокрасться за ряд статуй и проскочить внутрь, пока охранники смотрели в другую сторону.

В следующей комнате стоял длинный каменный стол, заваленный кусками кораллов. Вереница жрецов входила в комнату с одной стороны и выходила с другой, каждый из них, проходя мимо стола, брал кусочек коралла. Охраны в комнате не было, и Урдах с холодком осознания подошел к столу и уставился на кораллы. 'Это кусочки хоррилеума', - прошептал он, настолько потрясенный, что ему пришлось схватиться за край стола, чтобы удержаться на ногах. Хоррилеум был местом упокоения Дромлех. Когда они умирали, их души погребались в хорриуме жрецами Ишаранн. Вера Дромлех гласила, что любая душа, не связанная с хорриумом, будет поглощена Слаанеш. Это было сердце Дхруим-Урлара - и вот большая его часть, разобранная на части, лежит на столе в Алмарахе. Бесчисленные души подвергались риску. Король Диолан, должно быть, санкционировал это, понял он, тяжело опираясь на стол. Должно быть, таким образом он намеревался завладеть душой Готрека. Идея была настолько ужасной, что Урдах едва мог дышать. Хоррилеум был самым священным объектом во всем Дхруим-Урларе. Хранить его было святой обязанностью короля. 'Я должен сказать Эорне', - прошептал он, собираясь уходить.

'Подождите', - раздался голос с другого конца комнаты, и новоприбывший торопливо направился к нему из темноты.

Внезапное предчувствие опасности пронзило Урдаха, и, не дождавшись встречи, он взял раковину Эорны и положил ее на стол вместе с кучей кораллов.

'Принц!' - прошептал Таллакром, выходя из тени и обнажая чернильные зубы. В полумраке палаты он выглядел еще более трупом, чем обычно, но, похоже, был рад видеть Урдаха. 'Вы пришли в благоприятный момент'.

Урдах поклонился. "Я?"

Таллакром кивнул, внимательно изучая Урдаха и продолжая ухмыляться. 'Позвольте мне показать вам. Он махнул клыком нарвала в сторону двери, через которую уходили жрецы.'

Урдах не смог отделаться от ощущения опасности, но он не хотел выглядеть перед жрецом нерешительным, поэтому шел через зал с поднятым подбородком, размышляя, как лучше объяснить свое присутствие.

'Король Диолан поручил мне великое дело', - сказал жрец, когда они направились в длинную галерею. 'Возможно, величайшее из тех, что когда-либо выполнялись храмом Ишаранн. Я и мои...'

Урдах внезапно почувствовал сильную боль, разливавшуюся по спине. Обернувшись, он увидел, что Тхаллакром поднял свой посох и напирал на него. Воздух между аэльфами мерцал, как поверхность звездной воды, и от острия бивня нарвала исходили волны силы. В том месте, где они омывали Урдаха, он почувствовал жесточайшую агонию. Боль была настолько сильной, что он споткнулся и упал на колени, сию секунду сказать хоть слово. Падая, он потянулся за мечом, но его рука была охвачена тем же воздействием, которое исказило воздух. Там, где должны были быть доспехи, появилась серебристая рябь.

'Прискорбно, что вы решили войти именно в эти покои', - сказал Таллакром, разом смахнув с лица улыбку. Он медленно подошел к Урдахе, держа бивень нарвала поднятым. 'Мы не готовы делиться своими методами'.

Урдах пытался ответить, но комната покрылась рябью, как будто он смотрел на нее из-за водопада. Он понял, что не может втянуть воздух в легкие. Собственно, легких у него больше не было. Затем мир уплыл от него, и он прекратил своё существование.

ГЛАВА 15

Маленет задыхалась, впиваясь ногтями в горло, ее легкие горели, когда тьма сдавила ее. В ее голове мелькали воспоминания об учиненном насилии, видения каждого её сражения, каждого убийства, каждой принесенной ею кровавой жертвы - и за всем этим маячило лицо Кхайна Кроваворукого, повелителя убийств и вершителя ее судьбы. Сердце ее заколотилось от осознания того, что он наблюдает за ней, а затем ужас охватил ее, когда она увидела, что Бог Убийств изучает ее с разочарованным выражением лица. Он придвинулся ближе, кровь и огонь залили его идеальные черты. 'Посмотри на себя', - произнес он неожиданно грубым голосом. 'Бездельничаешь, словно тебе нечем заняться. Типичный чертов аэльф'.

Как только Маленет узнала грозный голос Готрека, все вокруг встало на свои места. Истребитель стоял над ней, опираясь на свой топор, с выражением полнейшего презрения на лице. Его татуированные мышцы были облеплены водорослями и забрызганы кровью. В его бороде что-то шевелилось, ерзало и подергивалось. Готрек нахмурился и вытащил это нечто, вглядываясь в него. Это была маленькая рыбка, которая затрепетала между большим и указательным пальцами. Затем она исчезла, превратившись в крошечное облачко тумана, которое поплыло прочь сквозь мерцающий свет. Проследив за исчезновением тумана, Маленет увидела, что площадь выглядит почти так же, как и тогда, когда она только вошла в хранилище Огнеубийц: вдоль нее выстроились статуи героических дуардинов, сражающихся с демонами, и она была освещена адским светом. Однако все было не совсем так, как раньше. Некоторые статуи были повреждены и теперь лишены оружия или конечностей, а на камнях лежали груды обломков. Кое-где были пробиты стены, из которых вырывались клубы дыма и угли вулкана.

Куда бы она ни посмотрела, повсюду лежали раненые Огнеубийцы. Благодаря Готреку многие сотни из них выбежали из зданий, окаймлявших площадь, и теперь многие из них были мертвы или умирали, свалившись в кучу вместе с разрушенной каменной кладкой. Другие дуардины метались между ними, обрабатывая раны и поднося воду. Все они носили одинаковые темные отметины на щеках и вели себя

необычно для Огнеубийц. Они выглядели мрачными и угрюмыми вместо привычной свирепости и ярости.

'Какой шторм может разрушить такие стены?' - сказала она, оглядываясь окружающее побоище.

Готрек уже собирался идти дальше, но ее слова остановили его. Он нахмурился, глядя на неё. 'Шторм? О чем ты говоришь?'

Как только он ответил, Маленет почувствовала необъяснимое чувство ужаса, как будто она теряет рассудок. "Шторм, который преследовал нас от побережья". Она махнула рукой на обломки корабля на площади. 'Погода, которая сделала все это'.

'Погода? Что творится с теми, кто во всем винят погоду? Не туман же разрушил стены? Не туман вонзил копья в этих людей. Не пытайся выдать вероломство элги за плохую, чертову погоду". Его губы скривились от отвращения. 'Если есть что-то, на что ты можешь положиться, что, черт возьми, никогда не изменится, так это то, что аэльфы тебя подведут. Все ваши разговоры о верности и силах "Порядка", но посмотрите, что происходит, когда кто-то на мгновение отвлекается от вас - вы приезжаете на рыбьих конях и убиваете тех, на чьей стороне должны были быть".

Маленет схватила за голову, чувствуя себя еще более обеспокоенной. Готрек часто говорил всякую ерунду, и она давно научилась не обращать внимания на большинство его слов. Но когда он заговорил о том, что аэльфы ездят на рыбах, это вызвало у нее воспоминания: мелькнули аэльфы в перламутровых нагрудниках, с бледной кожей и знаменами кораллового цвета. Однако ухватить эти воспоминания было невозможно. Как только она пыталась сфокусироваться на них, они ускользали. Были ли эльфы в шторме?" - спросила она. У нее возникло неприятное ощущение, что их роли поменялись местами. Обычно это Готрек пытался выйти из ступора, когда она напоминала ему о том, что произошло накануне.

Готрек уставился на нее с еще более недоверчивым видом, чем обычно. 'Невероятно, черт возьми, невероятно'. Затем он зашагал по камням. Где Корган?" - крикнул он, и кто-то направил его к огромному сводчатому portalу на противоположной стороне площади, где сквозь дым виднелся магмадрот Коргана.

'Подожди', - простонала Маленет, поднимаясь на ноги. Боль пронзила живот, и она перевернулась на спину, выплевывая проклятия. Это была старая рана, полученная во время их с Готреком битвы с племенами Лунных кланов. Она думала, что рана зажила, но теперь, прижав руку к животу, почувствовала под кожей скрученные и уродливые мышцы, все еще поврежденные. 'Будь ты проклят', - пробормотала она, виня Готрека в своем увечье, пока шла за ним, спотыкаясь. Должно быть, она сильно ударилась во время шторма. Болел не только живот. Все конечности были в синяках и затекли, и она трясла ими на ходу, пытаясь разогнать кровь.

Если хочешь, чтобы Кхайн помог тебе, тебе придется сделать нечто большее.

Что ты предлагаешь?" - прошептала Маленет. Может, мне начать атаковать этих Огнеубийц? Я в некотором роде в меньшинстве". Она знала, что ее госпожа права. Единственный способ восстановить силы - это принести кровь в жертву Богу Убийств.

Не стоит беспокоиться, Готрек умеет превращать союзников во врагов. Тебе не придется ждать долго.

'Что бы я без тебя такой делала, которая на каждом шагу указывает на очевидное?' усмехнулась Маленет.

'Аэльфы!' - прорычал Готрек, когда Маленет настигла его. Он злобно смотрел на Коргана, который все еще сидел на магмадроте. 'Салатоядные элги!' Он махнул рукой на Маленет. 'Как этот маленькая молокососка'.

По выражению лица Коргана Маленет поняла, что он в таком же замешательстве, как и она. 'Это была буря,' - сказал он, но в его голосе слышалось сомнение, когда он оглядел стоящих неподалеку Огнеубийц. Вы видели эльфов?

Остальные Огнеубийцы покачали головами, но выглядели обеспокоенными и быстро нашли себе другое занятие.

Лицо Готрека стало багровым. 'Вы все чертовски поломанные. Здесь были аэльфы. Верхом на угрях и акулах. Сотни этих чертовых тварей. И они напали на тебя. Меньше десяти минут назад. Почему вы все время болтаете о штормах?'

Рунмастер покачал головой и вновь обрел спокойный вид. Он махнул посохом в сторону поврежденных стен, заставив вспыхнуть жаровню на его наверху. 'Это приговор Гримнира, чужеземец. И теперь, когда ты вошел в Караг-Варр, ты можешь обнаружить, что проклят так же, как и мы'.

Готрек усмехнулся. 'Возможно, когда-то я и был проклят, но я оставил эту затею. Это просто еще одно проклятое оправдание, чтобы не доводить дело до конца. Что ты имеешь в виду под приговором Гримнира? Вы ведь его народ, не так ли? Вы выполняете его приказы, знает он об этом или нет. Зачем ему проклинать вас?'

Рядом с мамадротом стояла группа Огнеубийц, одетых так же, как и Корган, - в высоких драконьих шлемах с плюмажами и с жаровнями на шестах. Корган взглянул на них, словно не зная, что сказать. Они мрачно переглянулись и ничего не сказали. 'Никто не в силах объяснить разум богов', - сказал он, вызываясь глядя на Готрека. 'Да и не стоит пытаться. Все, что мы знаем, - это то, что Гримнир счел нас неудобными и обратил свой гнев против нас. Буря, которую ты видел, была лишь отблеском того, на что он способен'.

Готрек покачал головой. "Разве вы не верите, что Гримнир умер на заре этих Владений? Разве я не это слышу в немелодичных панихидах, которые вы называете песнями?"

Рунмастер уже собирался ответить, но Готрек поднял руку, останавливая его. 'Это не имеет значения. Просто скажи мне, почему ты сидишь здесь, потупив взор, и дуешься, в то время как элги свободно приходят и уходят, когда им заблагорассудится, убивая каждую невинную душу отсюда и до Спирального Круга. Как служители Бога-Истребителя стали трусами?'

'Трусами?' Корган сжал посох обеими руками, и угли посыпались с его наверху, вспыхивая в его вытаращенных глазах. 'Ты оскорбляешь Варрух в их собственной крепости?'

'Если бы я не взял на себя ответственность, не осталось бы ни одного чертова Варрух, которого можно было бы оскорбить. Вы бы все стали кормом для угрей'.

Сомнение вернулось на лицо Коргана. 'Угри, - пробормотал он, нахмурившись и оглядывая груды тел.

Трон Кхайна, это может продолжаться вечно. Неужели ты не можешь образумить их?

'Вот почему вы застряли здесь?' - спросила Маленет, возвращая внимание Коргана к мертвецам. 'Из-за этих штормов?'

Готрек неопределенно кивнул. 'Именно. По моему опыту, Гримнир был лжецом и обманщиком, но он никогда не уклонялся от боя'.

'По твоему опыту?' Корган покачал головой. Что значит "по твоему опыту"?

'Древняя история, парень. Ответ на вопрос аэльфа. Вы укрываетесь здесь, сидящие, потому что думаете, что Гримнир хочет, чтобы вы были трусами. Скажи мне, почему ты так думаешь, и я скажу тебе, почему ты ведешь себя как идиот. Тогда мы все сможем вернуться к более полезному времяпрепровождению'.

Корган перевел взгляд с последствий битвы на Готрека. 'Ты сделал кое-что. Ты помог мне.

'Ага, я говорил тебе, чтобы ты вынул голову из задницы и привел сюда свои фирды. А потом, что удивительно, аэльфы не смогли так-то легко тебя убить'.

Корган покачал головой. 'Ты обратил бурю вспять'. Он указал посохом на металлическую пластину в груди Готрека. 'Это было что-то связанное с твоей руной. Она дала тебе силу сдерживать бурю Гримнира. И то же самое было, когда я собирался напасть на тебя на мосту'. Он коснулся бока магмадрота, и тот упал на колени, отчего земля вздрогнула, и Корган спустился на землю и подошел к Готреку, все еще глядя на руны. 'Я думаю, что ты был послан к нам по какой-то причине'. Теперь он снова говорил уверенно. 'Я обсужу это со старейшинами ложи. Возможно, это что-то важное'.

Корган отдал распоряжения другим Огнеубийцам, велел им привести еще людей для работы с ранеными. Затем, удовлетворившись этим, он зашагал вниз по портику, жестом приглашая Готрека и Маленет следовать за ним.

'Ты слышишь, что я говорю?' - спросил Готрек, взглянув на Маленет. 'У меня такое ощущение, что я разговариваю сам с собой. Кто-нибудь меня слышит?'

'Я всегда тебя слышу', - грустно ответила Маленет.

Готрек кивнул. 'Тогда почему этот болтливый осел все еще болтает о бурях от Гримнира?' Он внимательно смотрел на Маленет, пока они шли по аллее металлических колонн, каждая из которых была отлита в виде дуардина с огненной бородой, поддерживающего крышу портика. 'Ты ведь действительно помнишь тот бой, правда? Ты ведь помнишь всех этих морских аэльфов?'

Маленет снова увидела разрозненные воспоминания, но они были уже слабее. Она видела лишь бледные лица аэльфов и извилистый изгиб морского существа, мерцающий в темных водах. "Я что-то видела", - сказала она, - 'но это так смутно, что я с трудом могу это вспомнить'. Она посмотрела на суровое лицо Истребителя. При всех недостатках Готрека, он не был лжецом. Происходило что-то очень странное. 'Расскажи мне, что ты видел.'

'Эльги, сотни аэльфов, в доспехах из раковин. И они плыли по воздуху, как по воде, верхом на акулах и черепахах. На площади была битва. И довольно приличная, когда я вынудил Огнеубийц поднять свои задницы. Но все же это было странно. Рыбы, плавающие в тумане. Кальмары дрейфовали над головой'. Он сердито посмотрел на Маленет, словно ожидая, что она будет насмехаться над ним.

'Есть аэльфы, которые связаны с морем', - сказала она. 'Их называют Идонет. Они упоминаются в культурах многих Владений, но обычно только в народных сказках и легендах. Когда я была в Азире, я немного узнала о них, но в основном - название. Они живут в подводных городах и скрытны - кроме этого, я ничего не знаю. Они прокляты, или изгнаны, или что-то ещё. Какова бы ни была причина, они держатся особняком'.

Готрек покачал головой. 'Все напились? Ты уже говорила мне об этом'.

Она нахмурилась. 'Почему все забыли о случившемся, кроме тебя? Интересно, это как-то связано с руной?'

Готрек посмотрел на металл в своей груди. 'Огнеубийцы напичканы такими штуками. Похоже, для них это не имело никак не повлияло.'

'Тогда, может быть, дело в том, что ты родился не во Владениях Смертных? Если это были Идонет, то, возможно, они используют какое-то колдовство, к которому у тебя иммунитет'.

Готрек уже собирался ответить, когда они достигли конца колоннады и подошли к паре огромных дверей, ведущих внутрь вулкана. Двери были отлиты из блестящего металла и по форме напоминали ревушую пасть саламандры. Масштаб был таким же грандиозным, как и все остальное в магмахолде, и они оба приостановились, чтобы рассмотреть металлическую конструкцию. 'Досадно', - пробормотал Готрек, когда двери с гулким лязгом распахнулись внутрь. Он подошел к дверной раме и похлопал по металлу, покрытому рунами. 'Здесь есть мастерство. И амбиции. Но нет дисциплины. Они не гордятся этим. Все так торопливо'. Он провел пальцем по металлической конструкции. 'Посмотри на это. Это неплохая идея. Концепция здравая. Но она лишь наполовину закончена. Такое впечатление, что все здесь было построено в спешке. Если бы они потратили еще несколько десятилетий на эти двери, они могли бы чего-то стоить'.

'Десятилетий? Чтобы построить дверь?'

'Если работа стоит того, чтобы ее делать, она *должна* быть сделана как следует. Кузнецы, которые делали это место, явно знали, как *должна* выглядеть хорошо сделанная дверь, просто им не хватало времени'.

"Они - Огнеубийцы", - сказал Маленет, когда их провели через ворота в горный зал. 'Они не любят ничего, что мешает сражаться или зарабатывать. Удивительно, что они вообще побеспокоились о дверях. И они явно не беспокоятся об одежде'.

Некоторые из окружающих Огнеубийц уловили ее слова и забормотали в бороды. 'Они так похожи на тебя, - рассмеялась она. 'Эго как яичная скорлупа. Несколько крепких слов, и я могу заставить их вскипеть'.

Группа остановилась перед входом в зал, к Коргану подбежали жрецы Огнеубийц и начали что-то говорить, то и дело поглядывая на Готрека и Маленет, явно обеспокоенные присутствием в горе чужаков. Десятки других дуардинов устремились в противоположном направлении, к дверям, неся бинты и воду, и в зал из дверных проемов и с лестниц вливалось все больше новых и новых Огнеубийц, спешаших на помощь. Это была весьма хаотичная сцена, и Маленет с Готреком отошли в сторону, чтобы осмотреть зал. Он был вырублен в естественной пещере, с неровными, грубо отесанными стенами, но вокруг него стояли те же гигантские статуи, которые они видели на площади у входа, и каждая из

них держала в руках жаровню, наполняя зал дымом и пламенем. Внутри пещеры было еще жарче, и Маленет почувствовала головокружение от высокой температуры.

После нескольких минут нетерпеливого ожидания Готрек, бормоча проклятия, промаршировал по огромному залу, пробиваясь сквозь толпы кричащих Огнеубийц, и направился к Коргану и остальным жрецам. 'Кто здесь главный?' - рявкнул он, глядя на их удивленные лица.

Корган раздул ноздри и поднял подбородок. Редко кого из Обездоленных, таких как ты, пускают в Караг-Варр. Ты не можешь бродить здесь по своему усмотрению". Он кивнул в сторону нескольких Огнеубийц с магмапиками. Стражи Очага проводят вас в казармы, где вы сможете отдохнуть. Вы можете оставаться здесь столько, сколько потребуется. Пусть не говорят, что Варрух не проявляют милосердия к своим родичам". Он взглянул на руну. 'Я разыщу тебя, как только переговорю со старейшинами ложи'.

'Ты собираешься устроить совет?' Готрек рассмеялся в неверии. Единственный совет, который вам нужен, - военный. Почему вы возвращаетесь в свои залы, когда на вас напали?'

Скром был рядом с Корганом, и у него был такой вид, словно он собирался наброситься на Готрека, но мастер рун остановил его предупреждающим взглядом. 'Шторм не повторится еще несколько недель,' - сказал Корган. "Это случилось уже много раз и раньше'.

Готрек направил свой топор на Коргана. 'Ты же знаешь, что это была не просто буря. Это были аэльфы.' Он посмотрел на Маленет. 'Как ты их назвала? Идонет?' Маленет кивнула.

Корган нахмурился. 'Идонет? Те самые *Вонгалл-варр*?' Он посмотрел на Скромма.

Скромм все еще был красный и подергивался от гнева. Казалось, он пребывал в состоянии постоянной ярости. 'Это могло бы объяснить то, что случилось с рунными сынами,' прорычал он. 'Если *Вонгалл-варр* были здесь во время штормов, возможно, они и отравили их.'

Корган покачал головой. 'Сейчас не время обсуждать это, Скромм.'

'*Вонгалл-варр* - это ваше имя для Идонет?' - спросила Маленет.

Корган подозрительно посмотрел на нее, затем повернулся к Готреку. 'Мне нужно поговорить с другими старейшинами ложи.' Он смягчил свой тон. 'Моя память затуманена, но я чувствую, что ты оказал мне там большую услугу, Готрек, сын Гурни. И я этого не забуду'.

Только не снова, подумала Маленет, почувствовав, что Корган вот-вот присоединится к длинной череде приверженцев Готрека. Она подавила желание закатить глаза.

Корган положил руку Готреку на плечо. 'Хотя я и не понимаю, как именно, но я чувствую, что у тебя в долгу. И твой рассказ о Вонгалл-варр может помочь понять проклятие, которое настигло нас.'

"*Мой* рассказ о Вонгалл-варре", - сказала Маленет, но Корган не сводил глаз с Готрека.

'Иди со Скроммом', - сказал Корган. 'Позволь ему показать тебе гостеприимство Варрух. Я найду тебя сегодня вечером, и мы сможем еще поговорить.' Он взглянул на руны на груди Готрека. 'Мне кажется важным, что ты прибыл сюда именно сейчас, когда у нас такой упадок. Мне интересно послушать твою историю.'

К удивлению Маленет, Готрек кивнул почти дружелюбно. 'Гостеприимство звучит как хорошая идея.' Он посмотрел на Скромма. 'Я полагаю, в крепости такого размера у вас есть что-то вроде пивоварен и складов эля?'

Скромм уставился на Готрека, его губы скривились в ухмылке.

ГЛАВА 16

Скромм, топая, повел их через зал к еще одной паре огромных дверей. Двери выходили на дорожку, уставленную статуями, которая тянулась через море сердито шипящего пара. Ступив на металлическую конструкцию, Маленет поморщилась, почувствовав сильный жар через подошвы своих сапог. 'Вы что, никогда не чувствуете жара?' - спросила она у Скромма. Он пожал плечами, и она заметила, как покраснела его кожа. Казалось, что его зажарили заживо. На каждом его бицепсе были вбиты золотые руны, похожие на маленьких двоюродных братьев руны на груди Готрека, они были такими округлыми и блестящими, что напоминали сгустки лавы, кипящей в его разъяренной плоти. 'Да, я чувствую это, - проорчал он. 'Приятно. Напоминает, что я не аэльф'.

Готрек одобрительно рассмеялся.

Проход, описывая ленивую дугу, петлял среди испарений и уводил глубоко в знойные глубины трюма, направляясь вниз по ряду широких стремительных лестниц, вырубленных внутри вулкана. В некоторых нишах горели лампы, но большую часть освещения создавали потоки магмы, стекавшие по каналам, вырубленным в стенах. В действительности, лава должна была разрушить все постройки, через которые она проходила, но Огнеубийцы использовали свои непонятные кузнечные навыки, чтобы сдержать жизненную силу вулкана. Чем глубже они забирались, тем больше Маленет осознавала масштабы этого места. В своем роде этот магдахолд впечатлял не меньше, чем небесный порт Харадрон, который она покинула несколько недель назад. Она видела литейные и кузнечные цеха, где над огромными печами трудились огромные команды Огнеубийц. Здесь были и оружейные, заполненные сверкающим оружием, и бесчисленные святилища Гримнира - одни не более чем ниши в стене, в которых горел огонь, другие - огромные дворцы, возведенные вокруг огромных статуй дуардинского бога войны. Однако большинство палат уже опустели: мимо них, направляясь на верхние уровни, с мрачными выражениями лиц спешили дуардины, узнавшие о нападении.

Наконец, к явному восторгу Готрека, они прошли через оживленные, наполненные паром кухни и кладовые, заставленные развесными кусками мяса, пекарнями и головками сыра. Маленет всегда считала

дуардинскую пищу настолько затхлой и безвкусной, почти несъедобной, но запах свежего хлеба и вяленого мяса напомнил ей, что она не ела уже целый день.

Скромм провел их в прямоугольный пиршественный зал. По всей длине зала стоял один-единственный украшенный рунами стол, заваленный едой, оставленной дуардинами, спешившими на площадь.

'Откуда все это?' - спросила Маленет. 'У вас ведь нет ферм? Даже полей нет?'

Скромм похлопал себя по огромному животу и кивнул. Одержимость исчезла из его глаз, и на мгновение он выглядел спокойным. 'Мы обмениваемся всем, что нам нужно. Мы имеем дело с торговцами со всего Владения'.

Готрек грузно уселся за стол и принялся за еду, попутно потянувшись к кувшину с элем. Присев рядом с ним, Маленет заметила, что ничего из еды не было свежим. Кроме хлеба, все было высушено, засолено или каким-то образом законсервировано. Когда вы последний раз торговали?' - спросила она.

Лицо Скромма приобрело еще более гневный оттенок красного, он присоединился к Готреку за столом и взял солонку с холодным мясом. 'Мы уже несколько недель не выходили из крепости. Это запрещено'. Он запихнул в рот кусок толстого хлеба с маслом и продолжая говорить, осыпал Готрека и Маленет крошками.

'Почему?' - спросил Маленет.

Скромм нахмурился и продолжил запихивать еду в рот, не желая больше ничего говорить на эту тему. Готрек бросил на Маленет взгляд, который она не смогла прочесть, и пододвинул к Скромму кувшин с элем. 'Это лучшее, что у вас есть?'

Скромм взял кувшин, наполнил кубок и начал пить. Кубок был очень большой, и ему потребовалось некоторое время, чтобы опустошить его, но он упорно продолжал это делать; затем, закончив, он хлопнул пустой кубок обратно на стол. 'Нет'. Он налил себе еще одну порцию и снова выпил ее, не задерживая дыхания.

'Это Лучшее Одгерское'. Он смахнул пену с бороды и кивнул. 'Худшее пиво в Аяде. Хуже даже, чем другие сорта пива Одгера'.

Он налил себе третью кружку и уже собирался выпить ее, когда Готрек сказал: "Там, откуда я родом, варили эль, который не был похож на козью мочу. Багманское Особое пиво. Дургрундский Адский огонь. Настоящее пиво. Никто из вас, Огнеубийц, не способен приготовить ничего с подобным вкусом".

Лицо Скрамма стало багровым, и на мгновение он потерял дар речи. Он откинулся на спинку скамьи и издал странный скулящий звук, как раненая собака. Маленет поняла, что он старается сохранить спокойствие. Когда он закончил выть, то наклонился ближе к Готреку и ткнул в него пальцем. 'Такому бесприютному скитальцу, как ты, никогда не постичь пути Варрух'.

Готрек поднял бровь. 'У меня начинается рождаться идея'.

На мгновение Маленет подумала, что Готрек затевает ссору, потому что ему скучно, что она не раз видела, как он делал, но потом заметила, насколько спокойной была его манера поведения. Он что-то задумал. При всей своей неуклюжести Истребитель был способен действовать удивительно тонко.

'Я покажу тебе, каков на вкус настоящий напиток', - сказал Скрамм, встал и пошел вдоль стола, глядя на различные кувшины. 'Вот!' - сказал он, схватил один из них и, принеся обратно, поставил его перед Готреком, расплескав пену по бокам. Не успел Готрек прикоснуться к нему, как Скрамм налил себе чашку и выпил, закрыв глаза и вздохнув от удовольствия. 'Попробуй!' - сказал он, глядя на Готрека, и пиво заблестело в его бороде. Он наполнил кружку Готрека и свою собственную и кивнул Готреку, чтобы тот выпил.

'Лучше', - сказал Готрек, когда закончил пить, и пока Маленет ела, оба дуардина выпили уже несколько кружек подряд. 'Правда, мне хотелось чего-нибудь потемнее', - сказал Готрек, когда они допили кувшин. 'Чего-нибудь более существенного.'

Яростный взгляд постепенно исчезал из глаз Скрамма, и он снова откинулся на спинку скамьи, в задумчивости подергивая свою буйную бороду. 'Темнее, да... Может быть, Резерв Олфссона'. Он вылез из-за стола и снова побрел по коридору. Не найдя того, что хотел, он исчез в дверном проеме, бормоча про себя и окликая слуг, оставшихся в зале.

"Что ты задумал?" - прошептала Маленет, проталкивая в себя еду и гримасничая.

Готрек пожал плечами. 'Есть только один способ узнать что-нибудь о гноме. Он постучал по пустому кувшину'. Он пожал плечами. 'Я не виню Коргана за то, что он хочет хранить секреты. Мы здесь чужаки. Почему он должен делиться с нами личными делами? Он же не какой-нибудь безмозглый бородач. Но я чувствую, что вот этого здоровяка можно переубедить. Думаю, у него такой язык, который можно развязать".

Скромм, вернувшись в зал с подносом, уставленным четырьмя большими кувшинами пива, звучал почти весело. 'Вкус - дело наживное', - сказал он, наливая им обоим густой темный эль. Его настроение настолько поднялось, что он даже предложил кувшин Маленет. Она подняла бровь, он пожал плечами и снова опустил его. 'Нужно выпить несколько пинт, чтобы почувствовать вкус", - сказал он, звонко ударив свою кружку о кружку Готрека.

Маленет продолжала осматривать свою еду, довольная тем, что поняла план Готрека. Она и раньше видела, как он его применяет. Даже по сравнению с другими дуардинами у него было железное телосложение, поэтому, когда он хотел выведать секреты, он просто спаивал собеседников до оцепенения. Однако из-за громоздкого телосложения Скромма уловка Готрека заняла несколько больше времени, чем обычно. Они пили эль почти два часа, прежде чем Огнеубийца начал путать слова и терять бдительность.

'Если бы не чертово проклятие, я мог бы угостить тебя "Шейным маслом Фэллмана". А теперь только такое пиво". Он снова принял свирепый вид и издал странный воющий звук. 'Но если мы не сможем покинуть Караг-Варр, то не сможем больше передать Феллману ни одного приказа.'

'Проклятие?' - сказала Маленет. Она лежала дальше на скамье, стараясь отгородиться от нудной болтовни дуардинов, но это слово заставило ее подняться. Они были единственными, кто остался в зале, и ее голос прозвучал в полумраке.

Скромм проигнорировал ее замечание, но Готрек тоже обратил внимание на это слово.

'Ты не проклят'. Он похлопал Скрамма по спине. 'Этот эль заставил меня посмотреть на вас в лучшем свете. Вы - дави. Это значит, вы благословенны. Почему же считаете себя проклятыми?'

Скрамм упал лбом на стол, ударившись о дерево с такой силой, что зазвенели тарелки. На мгновение он так и остался лежать, прижавшись лицом к столу, и Маленет подумала, не потерял ли он сознание. Затем он снова поднялся, вытирая пиво с лица и громко фыркая. 'Я тоже не думаю, что мы прокляты. Но Узкал думает, что да. А это главное. Особенно теперь, когда с ним согласны остальные старейшины ложи'.

Готрек наполнил кубок Скрамма. 'Узкал?'

'Златой Хранитель Пламени!' - буркнул Скрамм, окинув Готрека недоверчивым взглядом, как будто было абсурдно, что Готрек не знает, кого он имеет в виду. 'Узкал сказал, что мы прокляты, пока он не получит в свои руки тела рунсынов'.

Маленет села и придвинулась ближе к скамье, заинтригованная. 'Рунсыны? Они наследники вашего трона, не так ли? Они будут править, когда ваш рунный отец умрет?'

'Очевидно, да, - сказал Скрамм. 'Почему ты продолжаешь говорить об очевидном?' Его тон стал мрачным. 'Или, по крайней мере, они были наследниками рунного отца, если бы их не убили'.

Маленет мало что знала о религии и политике Огнеубийц, но она понимала, что отсутствие наследников было бы катастрофой для любого правителя.

Скрамм, казалось, был слишком зол даже для того, чтобы пить, он смотрел на свое отражение в пиве и тряс головой. 'Все сыновья Тургина-Гримнира мертвы. Все погибли во время шторма. А теперь Узкал убедил всех, что мы прокляты'.

Готрек осторожно поднес кубок Скрамма к его рту, и Огнеубийца продолжил пить. 'Почему кто-то поверил в такую нелепость? Короли теряли своих сыновей в битвах еще до моего рождения'.

Голос Скрамма был сбивчивым бормотанием, а голова свободно болталась на плечах. 'Это не потому, что они мертвы. Проблема не в этом. Погибнуть, защищая магмохолд, - это отнюдь не повод для стыда. Даже Узкал не стал бы так утверждать'.

'Тогда почему ты считаешь себя проклятым?' - прорычал Готрек, теряя терпение.

'Проще... - пробормотал Скрамм, пытаясь оттолкнуться животом от стола, - ...показать тебе'. Ему удалось встать со скамьи, но он упал бы, если бы Готрек не схватил его за руку и не удержал на ногах. 'Сюда!' - рявкнул Скрамм, спотыкаясь, Готрек помог ему, а Маленет последовала за ними. Он бросил на них преувеличенно предупреждающий взгляд. 'Тронный зал. Не говорите Коргану. Он очень чувствителен... к...этому'.

ГЛАВА 17

В пиршественном зале было пусто, но когда Скрамм вывел их в коридор, им пришлось остановиться, чтобы пропустить группу вооруженных пиками Огнеубийц. Все воины почтительно кивали Скрамму, проходя мимо, и Маленет поняла, что, как бы невероятно это ни казалось, он, должно быть, значимая персона в ложе Варрух. Скрамм подождал, пока воины почти скроются из виду, сделал вид, что входит в комнату на противоположной стороне коридора, а затем поспешил в другую сторону, к солдатам, все еще держа в руках кружку с элем. Он провел их по ряду коридоров, они пересекли перекидной мост через очередную дымящуюся пропасть, затем позади остались основные пути и повел их по более скромному проходу. Они вошли в него через маленькую, неприметную дверь, и стены оказались гораздо более простыми, чем в остальной части крепости. В камне не было высечено ни одной руны, пол был немощеным, покрытым рыхлой осыпью.

"Это путь в тронный зал?" - хмыкнул Готрек, потягивая пиво и разглядывая грубо вырезанные стены.

'Доступ для слуг', - ответил Скрамм с заговорщицким видом. 'Все парадные пути охраняются. Корган и Узкал не хотят, чтобы кто-то видел...' Он замолчал, и лицо его опустилось. 'Недалеко', - сказал он и повел их по еще более узкому проходу. Лава по стенам не текла, и единственное освещение исходило от жаровен, висевших по обе стороны. Свет был неровным и слабым, но время от времени они проходили мимо отверстия в стене и попадали в огненное сияние от печи или лавового потока.

Маленет находила эту атмосферу гнетущей и жалела, что не вернулась на верхние уровни крепости, но она видела, что на Готрека она оказывает обратное воздействие. Чем глубже они спускались, тем счастливее он казался. С его плеч свалилась тяжесть, а привычная хмурость начала смягчаться.

'Тебе ведь нравится здесь, да?' - сказала она. 'Глубоко под землей, в этой потной печи'.

Он глубоко вдохнул спертый, серный воздух и вздохнул. 'Напоминает мне дом'.

'Тогда почему бы тебе не проводить больше времени в подобных местах?'

Его глаза остекленели, и он снова заговорил мрачным голосом. 'Напоминает мне о доме'.

'Придержите языки', - прошептал Скрамм, слегка покачиваясь, и предостерегающе поднял палец. 'Уже недалеко.' Он провел их еще через несколько поворотов и спустил по узким, высеченным ступеням. Затем он погасил свет жаровни и погрузил их в темноту.

Даже аэльфийские чувства Маленет с трудом справлялись с абсолютной темнотой, и ей пришлось упираться руками в стены, следуя за тяжелой поступью сапог дуардина. Камень обжигал ладони, но вскоре по коридору, ведущему к очередному повороту, разлился румянец света.

Скрамм жестом показал, чтобы они осторожно крались, и повел их за поворот и на свет. Они подошли к металлической решетке, вделанной в стену, площадью около шести футов. Подкравшись к решетке, Маленет увидела, что из нее открывается вид на еще один зал, уставленный статуями. Это было круглое помещение, в центре которого находился большой круглый помост, поддерживающий группу из шести тронов. Все троны были отлиты из золота и напоминали зияющие пасти драконов. Статуи подняли руки и прижали ладони к куполообразному потолку, как бы удерживая его. По их угловатым мышцам пробежали линии магмы, а свет отражался от тронов, наполняя зал движением и тенями. Мерцающее освещение создавало иллюзию, что они движутся в такт звукам, наполнявшим зал, - быстрое, отрывистое бормотание, похожее на молитву, эхом отдавалось в тенях, создавая жуткую, похожую на сон атмосферу.

По периметру зала стояло несколько стражников - Маленет насчитала десять - все в драконьих шлемах и с магмапиками в руках, но ее внимание привлекли фигуры на помосте. На камнях перед тронами лежали пять закутанных фигур, а на самом большом из тронов скорчился шестой. 'Трупы?' - прошептала она. Они были так высоко, что стражники вряд ли услышат ее, но в залах Огнеубийц голос имел обыкновение звучать неожиданно. 'Они мертвы? Это мертвые сыновья?'

Скромм кивнул, и, как ни странно, Маленет увидела, что в его глазах блеснули слезы. Она в недоумении покачала головой. Дуардин бесконечно хвастался тем, что может выпить целую телегу эля, но Скромм был настолько пьян, что казалось, он вот-вот начнет рыдать. Пятеро на полу - это рунсыны, - сказал он. Тот, что на троне, - Тургин-Гримнир, Рунный Отец Караг-Варра".

'Ваш король мертв?' Маленет покачала головой. 'Корган говорил другое'. 'Он не мертв', - пробормотал Готрек. 'Я вижу, как шевелится его борода.'

Маленет внимательно вгляделась в фигуру на троне. Он был ужасно истощен, его драконий шлем был сдвинут на одну сторону, а голова свисала на бороду, но самым странным в нем была его кожа. На нем не было ни одного свободного от металла места. В его мышцы были вбиты десятки золотых рун - гораздо больше, чем Маленет видел даже у самого рьяного берсерка Огнеубийц. Он был почти похож на одну из металлических статуй, стоявших в зале. На его груди, конечностях и даже горле были вбиты руны. Казалось, что его до смерти забил рунный кузнец. Готрек был прав: изучая его, она видела, как почти незаметно поднимается и опускается его грудь.

'Как он еще жив?' - прошептала она. 'Он похож на скелет. Скелет, который был разбит золотыми побрякушками'.

'Побрякушками?' - зашипел Скромм, глядя на нее и хватая ее за руку. 'Ты знаешь, что такое ур-золото, аэльф?'

'Не очень', - сказала она, вскинув нож к его горлу.

Глаза Скромма расширились, и он уже собирался закричать, но потом, похоже, передумал и отпустил ее руку, отвернувшись и бормоча в бороду. 'Рунный отец рун все еще жив', - сказал он в конце концов. 'Но из-за рунного безумия он не может ни двигаться, ни даже говорить'.

"Рунное безумие?" - спросил Готрек.

'Ага. Слишком много рун сделают это с тобой. Но никто не мог вразумить его. Все началось с того, что пал его первый сын. Тургин пришел к Коргану и потребовал, чтобы мы наполнили его тело самыми мощными рунами. Он был слишком взбешен, чтобы прислушаться к предупреждениям, и мы выполнили его просьбу". Теперь он говорил быстро, совершенно пьяный. 'Потом он потерял еще одного сына, потом еще одного, каждого из которых унесли шторма. Рунный отец требовал больше мощи, больше рун, и он не слышал доводов против". Скромм уставился на изломанную фигуру в троне. 'Никто не может выдержать такую силу и сохранить разум. Но с каждым потерянным сыном разум отца рун ускользал от него все дальше". Скромм повернулся к ним, и его широкое лицо озарилось сиянием статуй. В его глазах был такой ужас, что Маленет оглянулась через плечо, наполовину ожидая увидеть демона, мчащегося к ним. 'Потом мы все стали его слышать. В обломках после шторма, когда мы ухаживали за ранеными и пытались чинить стены, мы услышали Его голос".

'Чей голос?' - спросил Готрек.

'Истребителя. Гримнира. Он сказал, что рунный отец проклял нас всех".

"Потому что он оплакивал своих сыновей? Готрек посмотрел на тела на помосте. 'Даже Гримнир не смог бы ему в этом отказать'.

'Нет, ты не понимаешь'. Скромм кивнул в сторону запеленутых трупов. 'Он не скорбел так, как надо'. Боль воспоминаний, казалось, отрезвила Огнеубийцу. Его слова все так же налетали друг на друга, но он уже не раскачивался при разговоре. 'Когда приходят шторма, каждый раз кто-то гибнет, но это не всё. Мы всегда остаемся с воинами, которые не живы и не мертвы, а находятся где-то между. Так было и с рунсынами. Каждый раз, когда приходил шторм, очередной рунсын оставался в полусне. Их глаза были открыты, они дышали, но не могли ни двигаться, ни говорить". Он подергал себя за бороду. 'Это было ужасно. Король пытался сохранить жизнь своим сыновьям. Он делал все возможное, чтобы разбудить их, требовал, чтобы Корган использовал все возможные рунические чары, но ничего не помогало. Тургин пытался влить сыновьям воду в горло, но они не глотали. Вода просто вытекала у них изо рта. Многих постигла та же страшная участь, но видеть, как рунсыны страдают таким образом, было ужасно. Когда его сыновья наконец умерли, отец рун отказался признать правду. Он сказал, что его сыновья

все еще находятся под действием какого-то заклинания. Даже когда они начали...' - он поморщился. 'Даже когда тела начали разлагаться, он не прислушался к голосу разума. Жарргрим пытались читать старые саги и рассказывать старые легенды, но все это осталось без внимания. Тургин изгнал всех из тронного зала и пригрозил убить любого, кто войдет туда без его разрешения".

Маленет подошла ближе, пытаясь получше разглядеть рунного отца. 'Так он просто сидит там? Каждый день? Ничего не делает?'

'Он разговаривает со своими сыновьями', - сказал Скромм, и его голос был мрачен.

Маленет поняла, что бормочущий звук доносится из-под матовой бороды отца рун. Она покачала головой и посмотрела на Готрека. 'Ты ничего не можешь сделать для того, кто проводит время, разговаривая с трупами. Я видела, как ты делал много такого, чего я не ожидала, но ты не тот человек, который может утешить скорбящего родителя".

Готрек нахмурился. 'Я все еще не понимаю, почему вы должны считать себя проклятыми. Отец скорбит о своих погибших сыновьях. В этом нет ничего постыдного".

'Проблема не в скорби', - сказал Скромм. 'Это нарушение традиций. Рунные отцы никогда не избегали кремации своих павших сыновей. Их тела не были отнесены на костер. Их вечная искра не долетела до залов наших предков". Его голос был жестким от эмоций. 'Они никогда не будут судимы. Они никогда не возродятся. Они не присоединятся к нам в последней битве". Он понизил голос до шепота и уставился на саваны. 'Из огня мы рождаемся, в огонь мы возвращаемся". Он посмотрел на Готрека. 'Ты понимаешь? Рунный отец лишил их места в Роктроне. Это было бы трагедией для любого воина, но когда такое случилось с нашими рунсынами - это что-то за гранью".

'Но ты не веришь, что ты проклят', - сказал Готрек. 'Ты сам сказал это в трапезном зале'.

'Нет, не верю. Я вижу, что это трагедия. Наш рунный отец сошел с ума. И он лишил своих сыновей будущего. Но когда Узкал говорит, что мы должны стыдливо прятаться, я не могу поверить, что это так. Я не могу поверить, что Гримнир хотел бы этого от нас".

Готрек покачал головой. 'Гримнир был лжецом, но он бы не хотел, чтобы ты вот так трусил здесь. Он тут ни при чем. Голос, который ты слышал после бури и который говорил тебе, что ты проклят, - это был не Гримнир. Даже я достаточно знаю о вашей кривой религии, чтобы понять, что это бессмыслица. Это проклятые аэльфы". Он хмуро посмотрел на Маленет. 'Если речь идет о предательстве и обмане, то это всегда чертовы элги. Они бьют тебя, как пса, а ты даже не помнишь их. Колдовство и ложь, как и всегда". Готрек указал на рунного отца. 'И я скажу тебе самую большую ложь из всех - что его не спасти. Это горе. Ни больше, ни меньше. Его сердце разбито. Я видел это дюжину раз, и есть только один способ его вылечить. Неужели вы думаете, что разговоры и пение что-то дадут? Вы забыли, кто вы такие. Вы - воины".

Скромм с готовностью кивнул. 'Да, это имеет смысл'. Затем он привалился спиной к стене и снова принял удрученный вид. 'Но ничего не поделаешь. Узкал сказал, что мы прокляты, и никто не слушает, если я пытаюсь возразить".

'Они бы послушали своего короля, - хмыкнул Готрек.

'Но посмотри на него. Тургин разбит".

'И что же предлагает сделать этот Узкал, чтобы избавиться от проклятия?" - спросил Готрек.

'Он говорит, что мы должны сдерживать свой позор здесь, на вершине Дренг-Гунгрона, пока проклятие не будет снято, иначе мы можем распространить его на других. Корган и другие старейшины согласны с ним. Так что все наши форпосты были потеряны. У нас было еще три крепости: Караг-Агриль, Караг-Дуриль и Караг-Выр, но все они были захвачены зеленокожими с тех пор, как мы перестали приходить к ним на помощь. Это горький удар. Они были меньше Караг-Варра, но все равно оставались гордыми цитаделями. Достойные святыни Гримнира".

Готрек выглядел разъяренным. 'Значит, до недавнего времени эти крепости все еще были в ваших руках? '

'Всего несколько недель прошло с тех пор, как мы их потеряли. А до этого они принадлежали нам на протяжении столетий".

Готрек скривил губы. 'Вам нужен король, чтобы вести вас, а не священник, одурманенный верой'. Он посмотрел на Тургина. 'Ему нужно вспомнить, кто он такой.'

Скромм покачал головой. 'Ничто его не разбудит'. Он хотел отпить, но Готрек положил руку ему на плечо и остановил.

'Я же говорил тебе, - сказал Готрек. 'Я видел такое раньше. Я могу напомнить твоему королю кто он такой'.

'Правда?' Глаза Скромма расширились, и он опустил свой кубок. 'Ты думаешь, что сможешь вернуть его?'

'Я не думаю. Я знаю.' Готрек повернулся к Маленет и кивнул на подсумки у нее на поясе. 'У тебя есть что-нибудь, что может его вырубить, а не сварить внутренности?'

Маленет пожала плечами. 'Есть. Но какая от этого польза? От того, что рунный отец уснет, он не станет менее безумным'.

Готрек кивнул и прислонился спиной к стене прохода. 'Не убивай стражей'.

Маленет покачала головой. 'О чем ты говоришь? Почему я должна это делать? Они не...'

Прижавшись спиной к противоположной стене, Готрек ударил сапогами по металлической решетке, отчего она, вращаясь, вылетела в сторону тронного зала. Пыль наполнила воздух, и Маленет отступила назад, закрывая лицо и кашляя. Затем, убирая обломки с лица, она услышала, как решетка с лязгом упала на пол, а стражники закричали в тревоге.

"Во имя Кхайна, зачем ты это сделал?" - задыхаясь, спросила Маленет, но когда воздух рассеялся, она увидела, что Готрек больше не прячется в проходе. Она осталась наедине со Скроммом. 'Где он?' - спросила она.

Скромм с ошеломленным выражением лица уставился на пролом.

Маленет протиснулась мимо него и увидела, что в то время как охранники Огнеубийц мчатся к помосту, подняв магматическое оружие, Готрек карабкается вниз по одной из статуй, перекинув топор через спину.

'Что ты делаешь?' - крикнула она, осторожно переступая через отверстие.

Готрек осторожно пролез в отверстие и высунулся в тронный зал, держась за стену и глядя вниз на головокружительный обрыв.

'Стража!' - проревел Готрек, быстро спускаясь со статуи. 'Разберитесь с ними!'

'Он безумен', - прошептал Скромм, с ужасом глядя на Маленет.

Та кивнула. Выкрикнув проклятие, она подпрыгнула в воздух и, легко приземлившись на поднятую руку статуи, поспешила вниз по полированному металлу.

'Не приближайся к трону!' - крикнул один из стражников Огнеубийц, поднимая на бегу пику и целясь в Готрека.

Готрек проигнорировал его, опустил на пол и стал топтать к помосту в центре зала. 'Разберись с ними, аэльф!'

Страж привел в действие свое оружие, выпустив в воздух ослепительную дугу магмы.

Готрек шел, не обращая внимания.

"Защищайте рунного отца!" - крикнул стражник, и остальные Огнеубийцы открыли огонь, наполнив зал светом и жаром.

Маленет остановилась на полпути вниз по статуе, достала из мешочка на поясе горсть камней и бросила их в приближающихся стражников. Камни вспыхнули, ударившись о плиты. Едкий запах наполнил тронный зал. Стражники споткнулись, вскрикнули от неожиданности и опустили пики, потянувшись к горлу.

Маленет продолжала спускаться, и когда она достигла пола, стражники стояли на коленях, опустив оружие и пытаясь отдышаться, их лица стали багровыми. 'Не суетитесь', - усмехнулась она, проходя мимо них. 'Вы не умрете'. Она услышала, как они упали на пол позади нее, когда она достигла помоста. 'Я не думаю'.

Она поднялась по ступеням и стала пробираться через закутанные тела. 'Как, по-твоему, ты собираешься ему помочь?' - засмеялась она, направляясь за Истребителем. 'Добрыми словами и объятиями?'

Готрек почти дошел до трона и остановился в нескольких футах от него, чтобы отстегнуть топор и целенаправленно сжать его в обеих руках. 'Есть только один способ помочь ему', - сказал он, готовясь обрушить топор на голову рунного отца.

ГЛАВА 18

'Подожди!' - закричал Скромм, глядя вниз из отверстия, расположенного высоко в стене тронного зала.

Готрек не обратил на него внимания и с размаху обрушил свой топор на отца рун, скорчившегося на своем троне.

Маленет выругалась, понимая, что Готрек вот-вот станет врагом всей ложи Огнеубийц, но в последний момент рунный отец рун, подняв с трона большой топор в форме ключа. Тургин двигался как ревенант, неловко и скованно, но ему хватило скорости, чтобы парировать удар Готрека, и два топора столкнулись, рассыпав искры по помосту. Когда оружие столкнулось, руны на коже Тургина вспыхнули, ослепив Маленет так, что ей пришлось отступить, подняв руку перед глазами.

Готрек отшатнулся от трона и казался ошеломленным, втянув голову в свои массивные плечи и уставился на распрямившегося Тургина.

Рунный отец выглядел не менее растерянным, оглядывая пустой тронный зал. Он был выше всех Огнеубийц, которых Маленет когда-либо видела, почти такого же роста, как она сама, но он был настолько исхудавшим, что походил на труп. Он явно был очень стар, его борода напоминала покрытый инеем свинец, но от такого истощения он выглядел еще старше: глубокие складки пролегали над бровями и вокруг глаз. В его плоть было вбито столько рун, что казалось, он едва может выпрямить конечности. "Где все?" - спросил он, и голос его стал похож на кваканье. Он нахмурился, глядя на стражников, которых одурманила Маленет, и его лицо стало жестким от гнева. Затем его взгляд упал на запеленутые останки его сыновей. Его плечи поникли, а топориче стукнулось о камни. Глаза его остекленели. "Конечно", - пробормотал он, отступая назад и собираясь снова опуститься на свой трон.

'Стой и сражайся', - прорычал Готрек, бросаясь на рунного отца рун и отводя назад свой огнесталевый топор.

В глазах Тургина вспыхнул гнев, он выпрямился и с неожиданной силой занес свой массивный топор. Руны снова засветились, отразившись в его глазах, когда он ударил топором по лезвию Готрека. Еще одна вспышка, и Готрека снова отбросило на помост.

"Есть!" - проревел Готрек, отшатываясь и спотыкаясь, спустился по нескольким круглым ступеням. 'Вот так-то лучше, болван'.

'Как ты только посмел!' - гаркнул Тургин, на его впалых серых щеках проступила краска. Он вскочил на помост, сжимая в обеих руках свой топор в форме ключа, и уставился на Готрека.

'Клянусь всеми преисподними Шайша', - пробормотала Маленет, отступая от двух дуардинов. 'Что ты делаешь, Готрек?'

Тургин яростно зашипел и атаковал, замахнувшись топором на грудь Готрека.

Готрек парировал, рассыпая искры и заставляя Тургина попятиться назад. Затем он бросился через помост и врезался лбом в нос отца рун. Раздался треск ломающейся кости, и Тургин отлетел в сторону, разбрызгивая багровые брызги, выронив топор и ругаясь. Он упал бы, если бы не успел ухватиться за трон одного из своих сыновей.

Готрек бросился за ним, но Тургин с воем развернулся, с пылающими рунами вырвал трон из пола и обрушил его на Готрека.

Кресло порвало часть щеки Готрека, брызнула кровь, и Истребитель повалился на спину и покатился вниз по ступеням.

Тургин схватил свой топор в форме ключа и, пошатываясь, бросился за ним, снова замахнувшись на Готрека.

Ты считаешь, что вся раса дуардинов сошла с ума? спросила госпожа Маленет, наблюдавшую за поединком с вершины помоста. *Или нам особенно не повезло, что мы встретили этих идиотов?*

Я не встречала других таких идиотов, - ответила Маленет, наблюдая, как Готрек и Тургин мечутся по тронному залу, отмахиваясь, парируя и снося предметы мебели. Через несколько минут они оба были залиты кровью и бессвязно завывали. Готрек был в полном бешенстве, и Маленет видела, что он впал в состояние берсерка, а это означало, что пытаться его вразумить бессмысленно. Но Тургин был еще более невменяем. Казалось, что в нем больше металла, чем мышц, а когда он колотил Готрека кулаками и ногами, все его тело пылало.

Как ты думаешь, он действительно может причинить ему вред?

Маленет уже собиралась рассмеяться над этим предположением, но тут до нее дошло.

Тургин, похоже, действительно одерживал верх. Казалось, что много недель сдерживаемый гнев вырывается из его груди, воспламеняя металл на его коже.

'Как ты смеешь?' - прорычал Тургин, раз за разом повторяя этот вопрос, когда набрасывался на Готрека. В ходе поединка они опрокидывали столы и пускали по камням жаровни, но ни один из них, похоже, не смог нанести решающий удар.

'Может быть, мне стоит помочь?' - размышляла Маленет, вертя в руках один из ядовитых ножей у себя на поясе.

Ты такая же глупая, как и Готрек. Как ты думаешь, что будет, если ты убьешь их рунного отца? Они поджарят тебя в лавовой яме. Ты должна остановить Готрека, а не помогать ему.

Маленет уже собиралась ответить, когда зал наполнился оглушительным хрипом. Готрек и Тургин были слишком разъярены, чтобы обратить на него внимание, но Маленет выругалась и обернулась в поисках источника. 'Скромм!' - зашипела она, заметив Огнеубийцу у подножия статуи. Ему удалось спуститься вниз, и он яростно дул в рог, который был настолько велик, что ему пришлось забраться внутрь его изгибов, чтобы достать до мундштука.

Она спрыгнула с помоста, на бегу выхватывая ножи.

Скромм отступил от рога, хмурясь при ее приближении и размахивая топорами. Приветливое поведение, которое он демонстрировал в пиршественном зале, исчезло, сменившись злобным рычанием, которое она увидела, когда они впервые встретились с ним на мосту.

'Я привел вас сюда не для того, чтобы вы нападали на рунного отца!' - воскликнул он, направляясь к ней.

"Это утомительно", - сказала Маленет, вставая в боевую стойку и обдумывая, какой яд будет наиболее эффективным для того, чтобы повалить такого большого дуардина.

Второй шум заполнил зал: на этот раз это был звук скрежета металла. Маленет и Скромм обернулись и увидели, как одна из статуй, стоящая

под потолком, дрогнула и покачнулась в сторону. Готрек или Тургин с такой силой ударили ее по ноге, что она прогнулась, выбив конструкцию из исходного положения. При движении статуи ее раскинутые руки пробили трещины в далеком потолке, отчего посыпались каменные плиты. На Маленет и Скромма обрушился ливень из каменной кладки и металла, заставивший их броситься в укрытие и спрятаться в одном из альковов, выстроенных в тронном зале. Пыль и шум заполнили зал, и на несколько секунд Маленет и Скромм только и делали, что приседали рядом друг с другом, забыв о борьбе и гадая, не похоронит ли их заживо.

'Возможно, это проклятие', - пробормотал Скромм, глядя на апокалиптическую сцену.

'Оно зовется Готрек', - ответила Маленет.

Когда пыль рассеялась и эхо утихло, Маленет не увидела ни Готрека, ни отца рун. Повсюду были разбросаны кучи обломков, а мелкие осколки камня все еще сыпались по тронному залу, как град, отскакивая от камней и статуй.

Вон там, - сказала Маленет, заметив золотой отблеск недалеко от помоста. Это один из них".

"Зачем твой друг это сделал?" - спросил Скромм, когда они стали пробираться через зал. Он все еще не помнил, что хотел убить Маленет. Она подумала о том, чтобы убить его, пока он отвлечется, но потом решила не отвлекаться. Возможно, еще можно было как-то выкрутиться.

'Я давно перестала пытаться понять его мотивы, - ответила она. Это меня только злит".

Они подошли к куску золота и увидели, что это одна из рун отца рун. Он был наполовину погребен под грудой камней, но его руны все еще мерцали. Тургин вглядывался в темноту, бормоча проклятия.

Готрек лежал в нескольких футах от него, такой же погребенный, и пока Скромм помогал рунному отцу подняться, Маленет делала то же самое с Готреком. Когда оба древних дуардина поднялись на ноги, они отряхнулись от пыли и оглядели обломки. Оба выглядели ужасно. Пыль прилипла к крови, покрывавшей их, и они выглядели так, словно их окунули в муку. Нос Тургина был сломан под отвратительно неестественным углом, а половина щеки Готрека свисала с лица, обнажая

белую кость. Какое-то время они сидели, оглядываясь по сторонам. Затем, когда они увидели друг друга, их лица исказились в диких улыбках. 'Погодите-ка', - сказала Маленет, пятясь назад. 'Посмотрите на то, что вы уже...'

Тургин двигался быстро, и, подхватив с камней свой топор, ударил Готрека в челюсть рукоятью. Удар повалил Готрека с ног, и отбросил назад в клубы пыли.

Маленет бросилась было остановить рунного отца, когда тот, спотыкаясь, бросился за Готреком, но тут из ее легких вышибло весь воздух, когда Скромм нанес ей удар в живот, перевернув ее на спину и заставив задыхаться. Она перевернулась в пируэте и нанесла удар ногой по голове Скромма, отчего тот отлетел назад.

Тургин бросился к Готреку, снова замахнувшись топором, но был настолько оглушен, что зашатался и чуть не выронил оружие.

Готрек с ревом выскочил из-под камней и врезался лбом в окровавленный нос отца рун. Раздался еще один хруст ломающихся костей, и оба дуардина упали, превратившись в ругающуюся, беспорядочную кучу малу. Оба попытались наносить удары, но потом просто рухнули друг на друга, не в силах перевести дух.

Скромм поднялся на ноги и потянулся за своим топором, но тут Маленет приставила нож к его горлу и неодобрительно покачала головой.

Обессиленный, рунный отец лежал на боку среди обломков, глядя на Готрека, на которого продолжали падать обломки. Постепенно его дыхание выравнилось, и бешенство исчезло из его глаз. Он продолжал смотреть на Готрека, но ярость сменилась глубокой мукой. Несколько секунд он не двигался и не говорил, а когда заговорил, его голос был похож на опустошенное рычание. 'Мои сыновья', - сказал он.

Готрек вытер кровь со лба и уставился на Тургина: грудь его вздымалась, лицо покраснелось. Он выглядел удивленным словами рунного отца, но затем медленно кивнул. 'Я знаю'.

Скромм отступил от Маленет и с изумлением посмотрел на Тургина. 'Рунный отец', - прошептал он. 'Ты можешь говорить. Твой разум ясен'.

'Это была моя вина'. Тургин продолжал смотреть на Готрека. "Как мне жить?'

Готрек уставился на рунного отца, и Маленет удивилась глубине чувств в его глазах. Боль Тургина отразилась на лице Готрека. Истребитель устало поднялся на ноги, смахнув с себя еще больше пыли и обломков. Затем он, прихрамывая, подошел к Тургину и протянул руку.

Тургин посмотрел на руку Готрека. 'Как мне жить?'

Рука Готрека дрожала, но он продолжал держать ее. Он повысил голос, словно обращаясь к аудитории, которую мог видеть только он. 'Мы живем, потому что должны жить. И потому, что мы - нечто большее, чем наши неудачи".

Тургин поднял голову и нахмурился.

'Мы - не только то, которые мы сделали неправильно, - сказал Готрек. 'Мы не можем позволить этому стать нашей эпитафией". Голос его был тверд, и он больше не смотрел на отца рун. 'Никто не может жить прошлым. Мы можем учиться на прошлом. И помнить его. Но мы должны двигаться дальше. Это единственный достойный путь". Он махнул рукой в сторону круга тронов. 'Пока ты сидишь здесь и скорбишь, твои воины забыли, как жить. Они забыли, как сражаться. Без тебя, ведущего их за собой, они потерялись. Они позволили захватить свои земли. Твои форпосты были отняты".

Тургин сморщился. Затем он посмотрел мимо Готрека на закутанные фигуры на помосте и покачал головой. 'Я лишил своих детей будущего".

'Ты не лишил их ничего. Они умерли с честью. И их искра в тебе, в каждой жилке твоего тела. Живи с гордостью. Сражайся с честью. И я обещаю тебе, что ты увидишь их снова".

Тургин пристально смотрел на Готрека, словно видел его впервые. 'Я бы надрал уши любому другому, кто давал подобные обещания, но в тебе есть что-то такое...' Отец рун покачал головой. 'Кто ты такой?'

'Готрек, сын Гурни. Родился под горами мира, который погиб. Мира, где добрые люди прятались в прошлом, а злые - в настоящем". Он вновь устремил свой взгляд на Тургина. 'Я не повторю этой ошибки".

ГЛАВА 19

Тургин продолжал смотреть на Готрека с недоверчивым выражением лица: кровь лилась из его разбитого носа, окрашивая серо-стальную бороду. Он уже собирался заговорить, когда двери тронного зала с грохотом распахнулись, ударившись о стены, и в зал ворвались десятки Огнеубийц, сжимая в руках магмапики и топоры и выкрикивая боевые кличи. Их возглавляли Корган и еще один жрец Жарргрим. Второй жрец явно был фигурой очень важной. Он был одет в длинный чешуйчатый плащ, который стелился по полу, а на его боевом шлеме красовалась свирепая золотая маска, скрывавшая его лицо. В одной руке он держал топор-жаровню, но больше всего поражало то, что он держал в другой руке: металлическую руну, охваченную пламенем. Вокруг металла мерцала тепловая дымка, но жрец держал ее, не испытывая никакого дискомфорта.

'Защищайте Рунотца!' - прокричал Корган громовым голосом, мчась по обломкам.

Готрек повернулся к приближающейся толпе, но Маленет заметила, как он неустойчив. Несмотря на исхудавший вид, отец рун не уступал Готреку в силе. Истребитель выглядел так, словно мог упасть в любой момент. Она огляделась в поисках пути к отступлению. Не найдя такового, она выкрикнула проклятие и бросилась защищать слабую сторону Готрека, подняв ножи и шепча молитву Кхайну.

'Стоять!' - крикнул Тургин, с трудом поднимаясь на ноги и поднимая руку.

Огнеубийцы выглядели так, словно увидели привидение: они остановились, пошатываясь, и с их лиц исчезла краска.

'Рунный Отец', - вздохнул Корган, качая головой. 'Ты...' Он был слишком потрясен, чтобы закончить фразу.

"Я разговаривал с этим чужеземцем", - сказал Тургин, - 'и он сказал мне, что моя Ложа - позор. Что она пренебрегает своими обязанностями'. Тургин жестом велел Скрамму поднять с обломков его топор, и, снова взяв его в руки, стал использовать его как костыль, ковыляя через обломки и направляясь к своему трону. 'Я был не в себе'. Он бросил на Коргана свирепый взгляд. 'Но это - не оправдание для отступничества. Собери фирды, рунмастер Корган. Я хочу видеть, в каком они состоянии'.

Он тяжело опустился на свой трон и сплюнул на пол, оставив зуб на камнях. 'И принесите мне немного чертова эля. Мое горло сухое, как лезвие аэльфа'.

Корган на мгновение застыл в недоумении, затем в его глазах засияла радость. 'Принесите рунному отцу выпить, ради Гримнира', - прорычал он, бросив взгляд на одного из других Огнеубийц. 'И поесть'. Затем он махнул рукой в сторону обломков. 'И разберитесь с этим бардаком.'

Огнеубийцы проворно задвигались, выбегая из зала или бросаясь к грудам упавших камней.

Тургин удовлетворенно кивнул. 'И сотри эти дурацкие черные метки со своего лица. Мы еще не мертвы'.

Корган глубоко вздохнул. Его лицо оставалось таким же суровым, как и прежде, но

Маленет почувствовала, как от него исходит облегчение. Когда зал наполнился движением и шумом, оба жреца поднялись на помост, за ними последовали Готрек и Маленет, и встали перед отцом рун. Готрек прихрамывал, но когда Маленет протянула ему руку, он недовольно посмотрел на нее и, тяжело опираясь на топор, стал подниматься по ступеням.

Жрец в маске и с пламенем уставился на Маленет. 'Аэльф?' Его голос был грубоватым, словно он всю жизнь кричал. 'Что она делает в тронном зале?' Он повернулся к Готреку. 'И кто этот?'

Борода Готрека встопорщилась, и он уже собирался дать гневный ответ, когда Корган заговорил. 'Он друг, Узкал. Когда пришел шторм, он помог мне повернуть его вспять. Сегодня он спас много жизней Варрух'.

Узкал покачал головой. 'Он прибыл сегодня. Как он может утверждать, что является другом Варрух? И я только что был на площади. Стены в клочья, десятки убитых'.

'Если бы этот незнакомец не помог мне, все было бы гораздо хуже, - сказал Корган. 'Весь магмахолд бы пал. Благодаря ему мы еще живы'.

Узкал посмотрел на Готрека. 'Эти бури исходят от Гримнира. Это его приговор. Это наше проклятие'. Он взмахнул своей огненной руной, и из его кулака посыпались всполохи. 'Рунсыны не были взяты в Залы

Предков. Они так и не получили заслуженного каменного сна". Он практически завывал, наклонившись к Коргану, словно собираясь ударить его. 'Их руны так и не были переплавлены! Они все еще лежат в этой холодной, безжизненной плоти!'

'Узкал!' Рунный отец обратился к священнику с не менее яростным ревом, стукнув топором по камням. 'Придержи свой проклятый язык! Здесь присутствуют чужаки!'

Неужели у этого народа только одна громкость? прошипела госпожа Маленет.

Они все глухие, подумала Маленет. *Они слишком много времени провели, куя золото.*

'Почему ты говоришь о проклятиях?' - продолжал Тургин, глядя на священника в маске. 'И зачем Гримниру насыщать на нас бурю?'

Узкал был невозмутим. 'Мы заслужили гнев Бога Истребителя! Ложа утратила огонь рунных сынов. Они лежат здесь, разлагаясь, когда их следовало бы вернуть в Залы Предков и предать огню. Мы предали веру в Гримнира. И эти бури - его ответ'.

'Как ты смеешь так разговаривать с рунным отцом!' - завопил Корган, сверкая глазами и надвигаясь на Узкала.

Тургин вскочил на ноги, на его пепельном лице от гнева выступили красные вены. 'Они не были мертвы!'

К удивлению Маленет, казалось, что старейшины ложи собираются наброситься друг на друга. 'Подождите!' - крикнула она.

Дуардины повернулись и в недоумении посмотрели на нее. Даже Готрек, казалось, был поражен яростью в ее голосе.

'Бури не имеют никакого отношения к вашему мертвому богу-истребителю. Здесь нет никакой тайны'. Она протянула фрагмент доспехов, который взяла с пляжа. Ваш враг - не погода, а колдуны. Они называются Идонет'.

Она повернулась к Готреку. 'Расскажи им! Расскажи им, что ты видел'.

Готрек пожал плечами. 'Чертовы огромные левиафаны, проплывающие над твоими стенами, и стаи рыцарей на угрях, которые превратили твоих воинов в фарш'.

Корган с готовностью кивнул, когда Готрек заговорил, и хотя Узкал, казалось, собирался с ним не согласиться, слова Истребителя, видимо, вызвали у него какие-то воспоминания. Готрек рассказывал о чудовищах, окутанных туманом, и бледных безглазых эльфах, и в этот момент жрец в маске словно сдулся, покачал головой и отступил от трона, уставившись на руну в своем кулаке.

'Я вижу их', - пробормотал Узкал. 'Как ты описываешь их, так я и вижу их в своем воображении - эльфы, сидящие на змеях, в доспехах, похожих на панцири. Как я мог забыть об этом? Почему я не вспоминал о них, пока ты не заговорил?'

'Это природа их колдовства', - сказал Корган, глядя на Маленет. 'Разве это не так? Твой народ заморозил нас'.

'Они *не мой* народ'. Маленет пожала плечами. 'Они аэльфы, я полагаю, но они не поклоняются ни Кхайну, ни Королеве Теней Ульгу, ни Сигмару из Азира. Они живут под водой и молятся своим собственным богам. А когда они нападают, то используют штормы и волны для маскировки своих атак. Это не настоящий шторм, который обрушился на вашу крепость. Это идонетское колдовство. И сила его в том, что он не оставляет следов в вашей памяти'.

'Может ли это быть правдой?' - прошептал Узкал. 'Могу ли я так ошибаться?'

'Подумай об этом', - сказал Тургин. Ты утверждаешь, что эти бури были проклятием, посланным Гримниром. 'Ты говоришь, что это из-за того, что я...' - он с болью посмотрел на тела своих сыновей. 'Потому что я пренебрег старыми традициями. Но как это может быть? Бури начались до того, как пали мои сыновья. Мои сыновья погибли от этих бурь'.

Ярость исчезла из голоса Узкала. Он звучал подавленным. 'Тогда проблема во мне. Я тот, кто проклял нас'.

'Никто, черт возьми, не проклят', - огрызнулся Готрек. 'Слишком много забот с богами, вот в чем проблема, как обычно'. Он махнул рукой в сторону рунного отца. 'Ваш король вернулся. Немного поизносился, но

это - не проблема, которую нельзя исправить едой, элем и отдыхом. У тебя все еще есть десятки воинов, и большая часть твоих владений все еще цела. И это неплохая крепость. По меркам дави твоя работа небрежна, но все же лучше, чем в большинстве лачуг, которые я видел в этих краях. И вы хорошо подготовлены. Я обошел ваши кладовые и оружейные по пути сюда, и у вас достаточно оружия и снаряжения, чтобы сразиться со всеми армиями самого Трехглазого Короля". Он покачал головой. 'Вам просто нужно перестать думать, как аэльфы. Перестать усложнять то, что должно быть простым. Кремируйте своих павших принцев. Исцелите своего короля. А затем отправляйтесь на чертову войну". Свет от руны Узкала вспыхнул в его глазах и придавал его лицу еще более адский вид. 'Прими бой с врагами. Отвоюй свои владения. Исцели себя войной. Восстанови себя в бою. Прижгите свои раны. Вы называете себя Истребителями. Так вот пришло время истреблять".

Корган и Узкал переводили взгляд с Готрека на своего рунного отца, ожидая его реакции. Тургин пристально смотрел на Готрека, его лицо было избито и измазано кровью. Он выглядел совершенно невменяемым. Еще больше это усилилось, когда на его лице появилась зверская ухмылка.

'Время истреблять', - сказал он, и в его голосе исчезли все следы растерянности.

ГЛАВА 20

Корган закрыл глаза и прошептал молитву Гримниру, когда жар Огня Кузни охватил его. Он разжигал ярость в его груди, заставляя руны в мышцах пульсировать и наполнять его рвением.

Он находился в глубине храма Жарргрим, горящего сердца магмохолда, где каждый вдох обжигал легкие, и даже его рунные кузнецы кривились, занимая свои места и образуя круг в центре огромной залы. Это была восьмиугольная башня, открытая к небу, похожая на огромную, богато украшенную дымовую трубу. Из горящей ямы в центре зала через дальнее отверстие поднимались угольки, смешиваясь со звездами. Яма имела сотни футов в окружности и по своей конструкции напоминала раскрытую пасть огромной огнедышащей саламандры: Вулкатрикс, Ур-Саламандра, великий огненный вирм, сражавшийся с Гримниром и сливший свой дух с его духом, когда они оба погибли.

Именно последствия той апокалиптической битвы рассеяли по королевствам ур-золото - металл, наделенный силой, понятной лишь сыновьям Гримнира. Для большинства он выглядел как простое золото, поэтому во всех королевствах Огнеубийц считали жадными наемниками, одержимыми идеей заполучить сверкающий металл. Но на самом деле они жаждали чего-то большего, чем просто богатства. Каждый осколок, подпитываемый богом, приближал Ложи к Гримниру, к тому дню, когда он возродится и поведет их в последнюю войну за Владения - битву столь величественную, что все остальные покажутся драками из-за пролитого эля.

Оглянувшись через плечо, Корган увидел, как Готрек пересек пламя, а за ним следовал аурический хранитель пламени Узкал. Рунный отец настаивал, чтобы Готрек принял участие в погребальных обрядах, но Узкал пришел в ужас от этой идеи. Да и Коргану, признаться, было странно видеть бездомного бродягу на тайном ритуале Ложи. Узкал не решился бросить вызов Тургину, но внимательно наблюдал за Готреком, когда тот присоединился к кругу. Вместе с Готреком и Узкалем присутствовало около сотни Огнеубийц, в основном жрецов Жарргрим, выстроившихся по приметру очага. Рунный отец был один, он стоял на помосте, сделанном в форме языка Вулкатрикс. Виток металла раскалился до такой степени, что Тургин окутался тепловой дымкой.

Воздух вокруг него был настолько жидким и подвижным, что казалось, будто он стоит за водопадом. Но Корган все равно видел, как он убит горем. Обряд Дрон-Гунгрон обычно проходит с воодушевлением и гордостью, но Тургин, глядя в огонь, качал головой. В дюжине футов под ним, на металлическом помосте сложной работы, лежали тела его павших сыновей, их руки сомкнулись вокруг топоров и ключей кузни. Рунные кузнецы Коргана сняли с их тел руны из ур-золота, и они были заменены на обычное золото. Это должен был быть момент празднования гибели рунсынов в бою, празднования их будущего на стороне Гримнира, но рунсыны не погибли в бою; они истлели, их разум был украден магией Идонет. Тургин подошел к краю помоста, опираясь на свой ключ-топор, как на костыль, и тихо бормотал.

Коргана переполняла скорбь. Не по погибшим рунсынам, а по их отцу. Ему было невыносимо видеть, как мучается Тургин.

'Он выглядит чертовски ужасно', - пробурчал Готрек, подойдя к Коргану. 'Обряд продолжительный? Он упадет, если ему придется стоять там слишком долго'.

Корган потрясенно смотрел на Готрека. Во время Дрон-Гунгрона не разрешалось говорить ничего, кроме официальных слов, произносимых во время погребальных обрядов.

Узкал бросил взгляд на Готрека и подошел к краю ямы, держа в руках свой церемониальный огонь. Оглядев собравшихся, он воззвал к облакам дыма и углей, и его голос зазвенел сквозь металл маски. 'Мы хорошо запомнили наших врагов. Мы приготовили оружие и закалили сердца. Мы проверили свою силу. И когда мы вступим в последний бой, мы будем гореть так же ярко, как Первый Огонь. Мы ударим как единое целое. Наша сила будет силой Гримнира. Наша ярость будет яростью Гримнира. Наша месть будет местью Гримнира. И тогда, в день окончательного суда, когда Гримнир отделит золото от песка, слабых от сильных, наши души будут сиять. Недостойные останутся в пепле его гнева, но мы, верные сердцем Варрух, будем стоять вольно, шествуя за Гримниром в час его триумфа'.

Готрек взглянул на Коргана, приподняв бровь, и Корган почувствовал прилив гнева. Он, как никто другой, верил, что Готрек был послан им на помощь, но он не будет стоять в стороне, если Готрек попытается нарушить святость ритуала.

'Из огня мы рождаемся!' - крикнул Узкал, подняв пламя вверх.

По всему залу, скрытые тенью и дымом, начали бить в барабаны рунные кузнецы, стуча молотами по наковальням и издавая звонкий, похожий на пульс ритм.

"В огонь мы возвращаемся!" - крикнул Корган, а вместе с ним и все остальные Огнеубийцы, собравшиеся в зале.

'Из огня мы рождаемся!' - повторял Узкал, стоя на коленях и доставая из-под магмадротовых чешуек своей мантии ключ. Он был размером с предплечье и испещрен рунами.

'В огонь мы возвращаемся!' - ворили ему остальные жрецы, доставая такие же ключи и опускаясь на колени.

Удары молота становились все более яростными и ритмичными, разбрасывая угли и ударяя по барабанным перепонкам Коргана. Жар и шум опьяняли. Его охватила жажда убивать. Ему пришлось бороться с желанием напасть на воинов, находившихся поблизости. Его мышцы напряглись, пульс участился, и он сделал то же, что и все остальные жрецы: опустился на колени с ключом кузни в руке.

Узкал повторил свой возглас, и, когда Корган зарычал в ответ, он и остальные жрецы с хором клятв воткнули свои ключи в отверстия в полу камеры, зафиксировав их на месте.

'Он ушел, - пробормотал Готрек.

Корган был настолько поглощен ритуалом, что едва обратил внимание на слова Готрека, хотя тот стоял рядом. Никто больше не заметил, как Готрек указал на рунного отца. 'Неужели он должен это делать?'

С невероятным усилием Корган оторвал взгляд от огня и увидел, что имел в виду Готрек. Тургин, спотыкаясь, спускался по платформе в сторону от костра, качая головой. 'Нет', - в ужасе вскрикнул Корган. 'Если он не повернет ключ, обряд не удастся. Руны никогда не узнают мира. Мы никогда не узнаем мира'.

Готрек бросил взгляд на Коргана, затем посмотрел на убитого горем отца рун. 'К черту это. Я не позволю вам снова хандрить'. Он зашагал прочь сквозь дым, направляясь в сторону Тургина.

'Нет!' - хрипло прошептал Корган, но обряд был уже почти завершен. 'Если бы он сдвинулся с места, то нарушил бы церемонию.'

'Из огня мы рождаемся!' - завывал Узкал, закрыв глаза от охватившего его рвения. Он не обратил внимания на то, что Тургин и Готрек покинули свои места.

"В огонь мы вернемся!" - прозвучало в ответ, когда Корган и все остальные жрецы повернули ключи. Только тогда Узкал понял, что что-то не так. Когда все ключи повернулись, обряд должен был достигнуть своей кульминации, но ничего не произошло. Узкал открыл глаза и растерянно огляделся по сторонам, успев заметить, как Готрек подошел к Тургину и протянул руку, не давая рунному отцу покинуть храм.

По всему залу жрецы Жарргрим подняли глаза от своих ключей и увидели, как Готрек схватил Тургина за плечо. Все, даже Узкал, были слишком потрясены, чтобы говорить, и наблюдали за происходящим с немим ужасом. Корган не мог поверить в то, что видит. Дрон-Гунгрон никогда еще не был так нарушен.

Огнеубийцы у наковален, очевидно, были слишком далеко, чтобы заметить происходящее. Они продолжали отбивать молотом свой дикий, лязгающий ритм, наполняя зал шумом и не давая возможности расслышать, о чем говорили между собой Готрек и Тургин.

Тургин что-то кричал Готреку, указывая топором на трупы на телеге и качая головой. Готрек стоял молча, наблюдая за тем, как бушует отец рун, его руны мерцали, а голова тряслась от напряжения. Потом, когда Тургин наконец остановился, задыхаясь, Готрек схватил его за плечо и срочно заговорил ему в ухо.

"Что это?" - спросил Узкал, глядя на Коргана. "Что он ему говорит?"

Корган покачал головой. То, что сказал Готрек, казалось, еще больше разъярило Тургина. Его глаза вспыхнули, и, когда Готрек заговорил, он отступил назад, освобождаясь от хватки Истребителя и качая головой. Но Готрек упорствовал, следуя за рунным отцом и продолжая говорить. Наконец что-то изменилось в поведении Тургина. Его яростное выражение лица смягчилось. Он выглядел потрясенным тем, что говорил Готрек. Жалость наполнила его глаза, и гнев угас. Готрек кивнул, сказав последнее слово и ударив плоской стороной топора по груди.

Барабанщики продолжали стучать по своим наковальням, но все остальные в изумленном молчании наблюдали, как Тургин и Готрек обнялись. Они простояли так некоторое время, вокруг них кружились

угольки. Затем Тургин кивнул и посмотрел на своих мертвых сыновей с решительным выражением лица. С помощью Готрека рунный отец устало взобрался обратно на платформу. Он немного поколебался, затем воткнул свой топор в форме ключа в отверстие у своих ног и посмотрел на Узкала, кивком предлагая ему продолжать.

Узкал в изумлении уставился на него, затем кивнул и опустился на колени, сжимая свой ключ и оглядывая всех остальных жрецов, показывая, что они должны сделать то же самое. Когда все вернулись на свои места, сжимая ключи, он воскликнул в последний раз. "Из огня мы рождаемся! "

"В огонь мы возвращаемся!" - закричали все в зале, и тогда перезвон достиг апогея и стал совершенно безумным. Все жрецы, как один, повернули свои ключи. И на этот раз Тургин сделал то же самое, и тотчас с ревом вырвался столб лавы. Он вырвался изо рта Вулкатрикс, прожигая мертвых рунсонов насквозь и уничтожая их останки, прежде чем извергнуться через отверстие в крыше в ночь.

Корган, как и все присутствующие, изо всех сил старался удержаться на своем месте, когда жар усилился вдвое. Даже его закаленная кожа Огнеубийцы покрылась волдырями, а из глаз потекли слезы. Извержение продолжалось всего несколько секунд, но Коргану потребовалась вся его воля, чтобы удержать свой ключ. Затем барабанный бой прекратился, и лава снова скрылась из виду. Последующее изображение временно ослепило Коргана, когда он вынул ключ и, пошатываясь, поднялся на ноги, как пьяный. Внезапная тишина показалась такой же оглушительной, как и перезвон до этого. Он попятился, вытирая пот и пепел с лица и молясь Гримниру. Вокруг него делали то же самое, моргая и пытаясь отдышаться.

Теперь, когда ритуал был закончен, и его жажда битвы угасла, Корган вспомнил, что произошло, когда Тургин попытался покинуть зал. Когда к нему вернулось зрение, он заметил Готрека, направляющегося к выходу сквозь густой дым. Корган поспешил к нему и догнал, когда тот вышел в прихожую.

- Что ты сказал ему? - спросил Корган. Голос его был прерывистым, и он выкашлял облако тлеющих углей.

Готрек не остановился, но оглянулся. ' А?

‘Когда ты разговаривал с рунным отцом. Что ты ему сказал? Как тебе удалось убедить его продолжить?’

Готрек горько рассмеялся. ‘Сказал ему, что бывает с теми, кто живет прошлым. - Его лицо омрачилось. ‘Рассказал, каково это - быть собой.’

ГЛАВА 21

Маленет не сразу поняла, что не так с Готреком. Она смотрела на него, когда он ехал во главе фирдов Варрух. Он ехал рядом с рунным отцом Тургином и другими старейшинами ложи, шатко стоя на позолоченном троне, высоко на спине дымящегося магмадрота, и когда Маленет изучала его лицо, ее поразила невероятная истина. *Он счастлив*. Она видела его в разных состояниях: загнанным, угрюмым, одержимым, невменяемым, пьяным и яростным, но таким - никогда.

Огнеубийцы продвигались по ржавым, пыльным предгорьям, за спиной у них разгорался рассвет, солнечные блики вспыхивали на их драконьих шлемах, а из магмадротов валил дым. Это было великолепное зрелище. Около двух тысяч Огнеубийц высыпали из Караг-Варра, охваченные жадой крови и гордостью за возвращение своего короля. Барабанщики били в барабаны, рога гудели, а жрецы Жарргрим ревели, вознося дары Гримниру и заставляя руны воинов вспыхивать. Но больше всего Маленет поразила перемена в Готреке. Она едва узнавала его. Его лицо по-прежнему было обезображено шрамами, но от него исходила новая жизненная энергия. Он казался почти юным. Он намазал свои огненного цвета волосы свежим слоем звериного жира, так что гребень стоял высоко и гордо, начистил топор и львиный наплечник, и Маленет подозревала, что он даже искупался. Его мускулы были настолько исцарапаны, побиты непогодой и обожжены солнцем, что она не могла быть полностью уверена, но от него определенно меньше пахло, чем от отхожего места.

Маленет шла пешком, рядом со Скроммом. Ее не сочли достойной ни магмадрота, ни даже места в командной группе со старейшинами ложи. Только благодаря Готреку ей вообще разрешили присоединиться к фирдам. И у нее возникло подозрение, что он потребовал ее сопровождения только потому, что считал, что вся экспедиция покажется ей скучной.

После откровений в тронном зале Маленет пришлось несколько дней терпеть компанию Скрамма. Готрек и старейшины ложи проводили долгие часы во внутренних залах хранилища, совершая тайные погребальные обряды над погибшими рунсынами. Узкал все еще был потрясен присутствием Маленет в Караг-Варре и отказался допустить ее на церемонии, поэтому она проводила время, наблюдая за бесконечной чередой пиров, состязаний и учебных боев, пока Огнеубийцы праздновали окончание своего "проклятия" и возвращение своего рунного отца.

'Как называется этот аванпост?' - спросила Маленет, вглядываясь в ржавые облака и пытаясь разглядеть очертания на дальнем склоне соседней долины.

'Караг-Вир!' - крикнул Скрамм. С вечера Огнеубийца не пил эля, но выглядел еще более пьяным, чем на пиру. Когда они бежали по крошащемуся железу, он постоянно дергался и делал выпады, бросаясь на воображаемых врагов и изрыгая боевые кличи. Казалось, он почти не замечает окружающего мира, погрузившись в воображаемую битву. Он уворачивался и изворачивался, как боец в яме, выкрикивал проклятия и смеялся, имитируя смертельные удары. Он потерял способность говорить и мог только кричать, хотя Маленет находилась совсем рядом с ним. 'Скоро мы его увидим!'

'Я уже вижу его', - ответила она, прищурившись, изучая очертания, поднимающиеся с дальних холмов. От него шло так много дыма, что даже она с трудом различала детали, но, судя по всему, форпост был построен в том же стиле, что и Караг-Варр. Он был меньше и, вместо Гримнира, напоминал голову саламандры, высунувшуюся из-за скалистой вершины холма, но большая его часть была построена из золотистого полированного металла. Дым, поднимающийся из-за его стен, был насыщен яркими цветами - розовыми и пурпурными, отчего казалось, что здание задрапировано аляповатым поясом.

'Ты видишь его с такого расстояния?' Скрамм остановился, делая выпад, чтобы посмотреть на нее.

'Конечно. У меня нет вашего слабого дуардинского зрения. Вы, дуардины, ничего не видите, если только это не находится в полумиле под землей'.

'Он разрушен?' - крикнул он, сплевывая на землю. Зеленокожие его разнесли?'

'Нет. Насколько я могу судить, он выглядит неповрежденным. Есть немного разноцветного дыма, но других признаков повреждений нет. Не похоже, что это дело рук зеленокожих".

'Может быть, разведчики ошиблись? Может быть, он все еще в наших руках?'

Маленет поморщилась, увидев на стенах штандарты, грубо нарисованные на деревянных досках. 'Только если ваш знак - змея, превращающаяся в пламя".

'Хаос!' - проворчал Скромм, возвращаясь к имитации боя, взбивая пыль и рыча. 'Мы десятилетиями не выпускали этих червей-таги из этих холмов. Это типично для них - приползти обратно на брюхе, пока рунный отец смотрит в другую сторону. Я должен рассказать об этом рунмастеру Коргану. Это может изменить наш план нападения".

Маленет посмотрела на окружавшую ее бешеную толпу. 'Вы строите планы?'

Скромм остановился и уставился на нее. Он переминался с ноги на ногу, размахивая топорами и трясясь от злости, готовый вот-вот наброситься на нее. Затем он передумал и бросился бежать к магмадротам во главе армии.

Маленет неохотно последовала за ним. 'Я вам понадоблюсь, - сказала она. Я единственная здесь, кто может видеть дальше своего живота".

'Рунотец!' - крикнул Скромм, когда они приблизились к командной группе. 'Это не зеленокожие захватили замок! Это отряд Хаоса".

Рунотец Тургин и остальные посмотрели на Маленет и Скромма, оторвавшись от разговора.

"Это она тебе сказала?" - спросил Узкал, глядя на Маленет сквозь прорези маски.

'У аэльфки хорошие глаза', - ответил Готрек. 'Какими бы недостатками она ни обладала'. Он встал со своего трона, чтобы получше видеть ее. "Что ты видела, Ведьмин Клинок?'

Готрек редко называл Маленет ее настоящим именем, и у нее возникло странное чувство, что он ее опекает. Она быстро отбросила эту мысль и

решила, что его необычайно доброе настроение, должно быть, заставило его забыть об оскорблениях.

'Их символы определенно похожи на символы Хаоса. Змея, превращающаяся в пламя'.

'Ага', - фыркнул рунный отец Тургин. 'Этот знак используют многие местные банды. Они никогда бы не осмелились напасть на Караг-Вир при обычных условиях. Они знают, что мы правим этими холмами'. Он взглянул на рунного мастера Коргана. 'Но Корган говорит, что Караг-Вир сравнивали с землей те, кого мы считали штормами. Аэльфы.'

'Они называются Идонет', - сказала Маленет, раздраженная тем, что Огнеубийцы, казалось, были не в состоянии принять мысль о том, что аэльфы - это не *единый*, сплоченный народ. 'И они не пойдут под знамена Хаоса'.

"Никто и не предполагает, что это так", - сказал рунный мастер Корган, изучая ее с привычно властным выражением лица. 'Караг-Вир был непобедим, пока твои сородичи-эльфы не заколдовали его. Но эти Идонет, похоже, не заинтересованы в сохранении захваченного, так что, похоже, банда хаоситов просто воспользовалась ситуацией'. Его губы скривились в отвращении. 'Это на них похоже. Они - вороны-падальщики. Живут объедками'.

Готрек покачал головой. 'Культы Хаоса - это как болезнь. Они распространяются. Если этот сброд закрепится в этих холмах, они разошлют призыв всем своим друзьям, любящим демонов. Не успеешь оглянуться, как это место превратится в адскую пустошь'. Он оглядел изъеденные коррозией холмы и пожал плечами. 'Совсем *другой* адский мир'.

Рунный отец Тургин кивнул. Он был пристегнут к трону, и лицо его было по-прежнему серого цвета, но глаза блестели, когда он смотрел на горизонт. 'Против фирдов они долго не продержатся. Жаль только, что у нас нет более достойного противника. Посмотрим на этих невоспитанных ублюдков. Их не спасут стены Караг-Вира'.

Готрек усмехнулся и поднял топор.

Рунный отец улыбнулся в ответ и поднял свой.

Маленет стиснула зубы.

ГЛАВА 22

Тургин взмахнул топором, и фирды с грохотом понеслись по холмам, поднимая тучи ржавчины, под звуки барабанов и рогов. Вскоре Огнеубийцы различили впереди крепость, и по мере того, как детали становились все отчетливее, Маленет поняла, что имел в виду рунный отец. С окрестных полей, встревоженные видом приближающихся Огнеубийц, мчались воины Хаоса, выглядевшие тощими и плохо экипированными. Большинство из них были одеты не более чем в кожанки, похожие на ее собственные, а их оружие представляло собой беспорядочное нагромождение украденных мечей и копий. Ближе всего к униформе был желтый вихрь, нарисованный на передней части их набедренных повязок и щитов, предположительно означавший пламя, и у всех был бледный, осунувшийся вид, как у наркоманов.

'Несколько сотен, - усмехнулся рунотец Тургин. 'Не больше пяти сотен. Вряд ли стоило прерывать пир из-за них'.

'Это твоя крепость, на которой они малюют свои знаки', - сказал Готрек.

'Я пошутил', - сказал Тургин. Он похлопал по своему топору. 'Прошло много времени с тех пор, как я использовал его в последний раз, и я надеялся поразить им что-то покрупнее'.

Они остановились на вершине неглубокого склона, который вел вниз к стенам крепости. 'Что они делают?' - спросил Готрек, откинувшись на своем троне. Культисты собирались у входа в крепость, не делая никаких попыток закрыть ворота или заблокировать стены. Они выстроились перед крепостью и готовили оружие. 'Им следует выглядеть более испуганными, чем сейчас', - пробормотал он.

'Скоро мы дадим им повод для страха', - сказал Тургин, оглядывая строй Огнеубийц. 'Огонь Гримнира в вас!' - прокричал он, выпрямляясь на своем боевом троне.

Его слова воспламенили фирды. Если до этого они были в ярости, то теперь они были совершенно вне себя, кружились в пыли и так яростно размахивали топорами, что Маленет удивилась, как они не зарубили друг друга. Они ревели и били себя в грудь, трясли огненными гребнями волос и ревели на облака.

'Боевые кузнецы!' - крикнул Тургин. 'Вперед!'

Четыре фигуры оторвались от шеренги Огнеубийц и целеустремленно зашагали по искореженному металлу. Каждый из них нес металлический штандарт, выкованный в виде лица Гримнира. Вид этих поднятых икон привел остальных Огнеубийц в еще больший экстаз и желание вступить в битву, и даже Маленет почувствовала, как ее захлестывает жажда крови. Боевые кличи Огнеубийц были подобны реву океана, и от этого в ее груди разгорался голод. Она схватилась за ножи, борясь с желанием броситься вперед.

Держи себя в руках, - предостерегла ее бывшая госпожа. Это не твоя битва. Не втягивайся в их безумие.

'Убийство есть убийство'. Маленет дрожала от едва сдерживаемой жажды резни. 'Кхайну все равно, чья это битва.'

Посмотри на этих бездельников. Они сражаются, как Готрек. Они ненормальные. Ты не хочешь закончить так же.

'Чуете это?' - взревел Тургин, и по его телу загорелись руны, сверкая, как угли в печи. Маленет увидела, как от его кожи потянулся дымок. Он направил свой топор на фигуры, собравшиеся перед замком, его глаза пылали так же ярко, как и руны. 'Пусть! Это! Сгорит!'

'Пусть это сгорит!' - вторили ему Огнеубийцы, наконец-то придя в движение и бросившись вниз по склону вслед за знаменосцами. Старейшины ложи последовали за ними, их скакуны с грохотом неслись по склону, а Тургин продолжал выкрикивать свой боевой клич. 'Пусть! Это! Сгорит!'

Маленет больше не могла сдерживаться. Она присоединила свой голос к хору,

Выкрикивая боевой клич, она помчалась за ними, забыв и про Огнеубийц, и про Готрека, так как жажда крови образовала багровый туннель в ее зрении, заслонив собой все, кроме воинов Хаоса. Несмотря на предупреждение госпожи, она отдалась боевому безумию и, выкрикивая молитвы, пронеслась мимо большинства коренастых Огнеубийц и выскочила на передовую.

Отряд спокойно наблюдал за тем, как фирды с грохотом надвигаются на них.

Кровь Маленет стучала в ушах, она не могла думать ни о чем, кроме предстоящей бойни, но даже в таком сильном порыве страсти какая-то ее часть чувствовала, что что-то не так. Отряд выглядел слишком беспечным, оружие держалось свободно, а позы были расслабленными. Ее сомнения были смыты приливом жажды крови, когда Маленет достигла вражеских рядов и нырнула в первого попавшегося воина, кувыркнувшись сквозь дым и вонзив ножи ему в грудь.

Воин кувыркнулся назад, из ран брызнула кровь. Он рухнул на землю, и Маленет, скрючившись над ним, выдернула клинки и перевернулась, оглядываясь по сторонам в поисках другой цели.

И тут она поняла, что что-то не так. Из воина брызнула не кровь, а жидкий металл. Он вспыхнул в утреннем свете, вырвавшись из его куртки, затем затвердел, словно остывая, и исчез, оставив гладкую кожу на том месте, где должна была быть разорвана грудь мужчины. Воин спокойно поднялся на ноги, подхватил с земли свой меч и метнул его в Маленет.

Она так удивилась, что едва парировала удар, успев лишь поднять ножи, и потеряла равновесие, попятившись назад, когда воин бросился за ней.

Ты сражаешься как Огнеубийца. Покажи свое мастерство. Вспомни, кто ты.

Маленет не нуждалась в нравоучениях. Она была в ярости на себя за столь неуклюжие движения. Она сделала шаг назад, чтобы успокоиться и подготовить более продуманную атаку. Огнеубийцы догнали ее и врезались в ряды врага, но, глядя на их пылающие топоры, она видела, что они так же неэффективны, как и ее ножи. Клинки разрубали воинов Хаоса, но вместо крови из ран вытекали струйки зыбучего серебра, а затем жидкий металл склеивал разорванную плоть, застывая, как припой.

Воин, стоявший перед Маленет, шагнул к ней, отводя меч для очередного удара. Впервые рассмотрев его лицо как следует, Маленет увидела, что его глаза - это бесцветные серебряные шары, образованные той же жидкостью, что и кровь из ран. Она увидела, как ее разъяренное лицо отразилось в серебряных дисках, когда он навел их на нее и взмахнул мечом.

Она уклонилась в сторону, закрутилась за его спиной и вонзила ножи в его спину, нанося удары с такой силой, что он во второй раз рухнул на

землю. И снова из ран хлынула не кровь, а зыбь, и мужчина рассмеялся, перевернувшись лицом к ней, с металлическим бульканьем между зубами. 'Продолжай пытаться, - усмехнулся он, с удовольствием растянувшись на земле. Скоро ты устанешь'. Он посмотрел на нее. И тогда я заставлю тебя танцевать другой танец.

Она выругалась и обрушила на него шквал ударов, нанося такие колющие и рубящие удары, что ее жертва исчезла в фонтане зыбучей серебристой жидкости. Даже когда она поняла, что он уже мертв, она продолжала наносить удары ножами по воздуху. Когда она наконец отпрянула от него, его тело было разорвано на части и разбросано по земле. Пока она стояла над ним, задыхаясь и обливаясь зыбучим серебром, металл, вытекающий из его тела, собирался в лужицы и начинал коагулировать, сливаясь, пока не сформировался полностью. Она никогда не видела ничего подобного. Ей приходилось сражаться с нежитью, не замечающей своих повреждений, но она никогда не видела тел, восстанавливающих себя по собственному желанию.

"Что ты такое?" - задохнулась она, когда мужчина поднялся на ноги и снова оказался перед ней.

'Мы - Ковенант Огня'. Его глаза сверкали, когда он говорил. 'Мы - перемены, которые пришли. Мы - новое начало. Мы...'

'Скучно', - сказала Маленет, обезглавливая мужчину скрещенными ножами ударом. Когда его голова отлетела в сторону, она изо всех сил ударила по ней ногой, отправив ее кружиться над головами сражающихся Огнеубийц.

'Вот тебе и перемена', - сказала она, когда безголовый человек упал на колени.

ГЛАВА 23

Маленет уже собиралась броситься обратно в гущу сражения, когда увидела нечто ужасающее. Из шеи ее мертвого противника вытекало зыбучее серебро, которое застывало, превращаясь в форму. 'Клинка Кхайна', - прошипела она, когда форма превратилась в голову из жидкого металла с размытыми, полустертыми чертами лица.

Маленет пнула мужчину обратно в толпу истребителей фейров, а затем оставила его, пробиваясь сквозь бой и ища Истребителя. 'Готрек!' - кричала она, уворачиваясь от ударов мечей и нанося удары ножами, нанося раны, которые тут же затягивались. 'Где же ты?'

Жажда крови угасала, а натиск Огнеубийц поднял тучи ржавчины, из-за которых трудно было разглядеть что-либо более чем на несколько футов в любом направлении. Противник был в огромном меньшинстве, поэтому Маленет была окружена толпами Огнеубийц, которые с диким остервенением орудовали своими топорами, не обращая внимания на то, удастся ли им найти противника для атаки. Готрека не было видно, но в сотне шагов от места, где она стояла, виднелся громадный, похожий на крепость силуэт одного из магмадротов. Она бросилась к нему.

"Они направляются к штандарту!" - крикнул Тургин, когда Маленет добралась до магмадрота. Рунный отец выглядел великолепно, словно горящий идол, пламя струилось по его мышцам, когда он наносил жестокие, неистовые удары топором. Маленет никогда не видел Огнеубийцу, настолько охваченного рунной силой. Это было все равно что наблюдать за Готреком в его самом яростном состоянии. Варрух возле Тургина, вдохновленные его гневом, были столь же дики: они рубили людей топорами и выпускали залпы магмы, но все это было бессмысленно: каждый раз, когда воин Хаоса падал, он просто поднимался снова, его тело вновь формировалось с пульсацией зыбучего серебра.

'Защищайте знамя!' - крикнул мастер Корган, подъезжая к Тургину и направляя Огнеубийц к одному из знаменосцев.

'Где Готрек?' - спросила она.

Корган покачал головой и продолжил направлять Огнеубийц к штандарту, но кто-то другой ответил Маленет из самого сердца битвы.

'Возле ворот', - крикнул Скромм, пробиваясь сквозь давку с дикой ухмылкой на лице.

Маленет почувствовала новый прилив жажды крови. Скромм наслаждался резней, не обращая внимания ни на что, кроме радости битвы. Его противники поднимались так же быстро, как он их убивал, но его это не смущало. Более того, казалось, что его радует мысль о том, что противника можно убить не один раз. Вокруг Скромма толпились Огнеубийцы, которые вели себя точно так же. Глаза у них закатывались, как у кормящихся акул, а боевые кличи были хриплыми и дикими. Маленет оторвала взгляд от кровопролития и побежала к воротам. Воины Хаоса проносились мимо нее на бегу, нанося ленивые удары мечом и смеясь. Некоторые сражались, даже продолжая перестраиваться, их конечности и черты лица возвращались на место, когда они делали выпады и наносили удары.

Маленет пробиралась между сражающимися, нанося на бегу удары ножом, и тут заметила Готрека у стены крепости. Он подхватил одного из воинов и, используя его как дубину, с размаху ударил им по своим товарищам, отчего голова воина взорвалась и вновь сформировалась. Аляповатый дым, который Маленет заметила со склона холма, все еще валил из крепости и клубился вокруг Готрека, пока тот сражался. 'Умри же, когда я убиваю тебя!' - прорычал Готрек, врезаясь в другого воина, отчего тот рассыпался зыбучим потоком. Он все еще держал свой топор из огнестали, но явно решил, что воин - лучшее оружие. 'Неужели в этих треклятых Владениях никто не знает, как все делать правильно?'

'Это плохая шутка', - проворчала Маленет, нанося шквальные удары ножом сбоку от Истребителя. 'Это, наверное, демоны'.

Готрек приостановился, чтобы посмотреть на нее, и тут же почувствовал, как мужчина вздрогнул и снова обмяк в его руках. 'Эти мяукающие твари - не демоны. Это человечки'.

Маленет уклонилась от удара мечом и отбросила нападавшего в толпу. 'У людей нет металлической крови. И они не встают, когда ты их убиваешь'.

'Мы их не убиваем'. Готрек швырнул свое стонущее оружие в толпу и на мгновение отступил от боя, вытирая пот с лица. 'Они не нежить. Они - лакеи богов Хаоса. Слуги Тзинча. Посмотри на этот символ пламени. Они

коварный книгоче́ты. Это колдовство". Он оглядел сражение. 'А где есть колдовство, там есть и колдуны'. Он кивнул на ворота в замок. Они были открыты, но толпа культистов Хаоса преграждала путь во внутренний двор. 'Где-то там, но я не могу пробиться через этих ухмыляющихся идиотов'. Он врезался лбом в лицо человека, пытавшегося подняться с земли, создав еще один фонтан зыбучей серебристой струи. 'Мне нужно выманить их'. Он посмотрел на дымящиеся силуэты магмадротов. Тургин был виден даже с такого расстояния, пылая и пробиваясь сквозь толпу.

Готрек ухмыльнулся. 'Он - настоящий сын Карак Анкор. Посмотри на него. В нем течет настоящая кровь дави'. Затем он нахмурился. 'Что они там делают? Почему они не атакуют ворота, как мы обсуждали?'

'Они защищают знамя. Культисты продолжают нападать на них'.

Готрек нахмурился. 'Знамя? Зачем?'

Маленет пожала плечами. 'Огнеубийцы одержимы ими. Я думаю, они взаимодействуют с рунами в их телах". Маленет парировала еще один выпад меча и ударила противника ногой в лицо, даже не потрудившись больше использовать свои ножи. Она пожала плечами. 'Если я это знаю, то, наверное, и эти культисты тоже. Может быть, они думают, что смогут победить Огнеубийц, если разрушат их знамена?'

'Неплохая тактика', - хмыкнул Готрек. 'Если они уничтожат все иконы, то Огнеубийцы, вероятно, снова начнут нить о проклятиях". Он ударил кулаком культиста, свернув тому шею под отвратительным углом и отбросив его назад в толпу.

'Мы можем заниматься этим целый день и ничего не добиться', - сказала Маленет.

Готрек кивнул. 'Нам нужно прекратить возиться с обезьянами и найти кукловода'.

Маленет пристально взглянула на него. 'Я знаю все эти слова, но понятия не имею, о чем ты говоришь'.

'Нам нужно пройти через эти ворота', - сказал он, глядя на культистов, преграждавших ему путь. 'Поня', - пробормотал он, заметив что-то в толпе Огнеубийц. Без дальнейших объяснений он бросился в бой, нанося на ходу удары руками и ногами.

Маленет побежала за ним, но разноцветный дым с каждой минутой становился все гуще и гуще, он забивался ей в горло, жирный и липкий, заставляя ее кашлять, пока она продиралась сквозь толпу. 'Куда ты идешь?' - крикнула она грубым голосом. 'Ты сказал атаковать ворота, но сам направляешься в противоположную сторону'.

Готрек ничего не ответил, направившись в гущу сражения и прокладывая себе путь через Огнеубийц. Маленет ощутила прилив тревоги, когда поняла, что он направляется прямо к одному из металлических стандартов, которые они только что обсуждали.

Он собирается совершить какую-нибудь глупость, - произнес голос из амулета Маленет.

'Как всегда, полезно', - пробормотала Маленет, ускоряя шаг. Дорогу ей преграждали какие-то фигуры, и, как она ни старалась, ей не удалось догнать Готрека до того, как он достиг иконы Гримнира.

Даже в своем неистовом состоянии Огнеубийцы узнали Готрека, радостно закричали, когда он приблизился, и проложили ему дорогу. Он кивнул им в ответ, подошел к державшему знамя бойцу и сильно ударил его по лицу.

'Готрек!' - крикнула Маленет, и боевой кузнец рухнул на землю.

Готрек поймал знамя, когда оно выскользнуло из рук дуардина, и понесся прочь, к возвышенности.

Все находившиеся поблизости Огнеубийцы взволнованно взвыли, но они были слишком растеряны, чтобы попытаться остановить Готрека: они яростно звали его и, шатаясь, отступали от своих противников.

Готрек добрался до вершины склона и поднял над головой подобие лица Гримнира. 'Идите и возьмите его!' - проревел он, размахивая штандартом взад-вперед так, что он заблестел в дыму.

Фигуры у ворот выскочили вперед и побежали к Готреку, устремив пустые глаза на знамя. Готрек подождал, пока они окажутся в тридцати шагах от него, затем повернулся и швырнул знамя в ржавое поле, подальше от крепости. Культисты и Огнеубийцы бросились за ним, а Готрек спокойно пошел обратно по склону, направляясь в противоположную сторону, к теперь уже не охраняемым воротам. Он усмехнулся, проходя мимо Маленет, и, сняв со спины топор, направился к крепости. 'Простые планы.

Всегда лучшие. У ворот все еще ждала пара культивистов, но Готрек одним махом расправился с ними и направился внутрь.

Маленет следовала за ним.

Внутри дым был еще гуще, и от него несло смрадом. Маленет с трудом удерживалась от рвотных позывов, следуя за Готреком. Цвета стали еще более яркими, розовые и голубые оттенки кипели вокруг нее, пока она пыталась разобраться происходящее. Глаза слезились, и это, в сочетании с дымом, делало почти невозможным разглядеть происходящее.

Готрек, похоже, не испытывал больших трудностей, продолжая продвигаться по двору. Маленет напряглась, увидев возвышающиеся фигуры, но потом поняла, что это статуи Огнеубийц, такие же, как в Караг-Варре. 'Не отставай!' - раздался откуда-то спереди голос Готрека.

Когда они приблизились к центру двора, Маленет увидела еще одну большую тень, но сразу поняла, что это не статуя. Она больше походила на холм, расположенный в самом сердце хранилища, и именно от него исходила жуткая вонь. От него также исходило сильное тепло, обдававшее лицо и перехватывавшее дыхание.

'Клянусь, - сказал Готрек. 'Это уже вызрело'.

Они оба скривились, когда добрались до кургана и увидели, что это такое. Это была куча Огнеубийц, все они горели, залитые розово-голубым огнем, их останки так обуглились, что их нельзя было бы узнать, если бы не их драконьи шлемы с гребнями и золотые руны.

'Должно быть, это весь гарнизон', - сказала Маленет. В общей куче лежали сотни трупов Огнеубийц, бесцеремонно брошенных друг на друга.

Готрек пробормотал проклятие, глядя на почерневшие останки. 'Грунгни', - прошептал он. За то время, что она провела в его обществе, Маленет немного научилась понимать Истребителя. Ему нравилось изображать из себя хладнокровного убийцу, но она знала правду. Подобные зрелища причиняли ему боль. 'Так много...' - пробормотал он, качая головой.

'Смотри', - сказала Маленет, указывая одним из своих ножей на вершину костра. Над костром был воздвигнут металлический помост, на котором висел котел размером с хозяйственную постройку. Горящие тела

нагревали котел, заставляя его пузыриться и плеваться, а над ним, сгорбившись, стояла на помосте спиной к ним стройная фигура. В одной руке она держала книгу, а в другой - кинжал.

Готрек нахмурился и сплюнул на землю.

Маленет отмахнулась от дыма, пытаясь разглядеть фигуру более четко. Это была женщина, но что-то странное было в ее голове. Только через мгновение она поняла, что женщина смотрит на них, хотя ее тело было обращено в противоположную сторону. Колдунья повернула голову на сто восемьдесят градусов. С покрытого перьями голубого лица смотрели большие лимонно-желтые глаза. Когда она устремила свой отвратительный взгляд на Готрека, то издала визг, похожий на скрежет лезвий.

ГЛАВА 24

Маленет попятилась назад, когда звук ударил по ней, и даже Готрек скорчил гримасу, качая головой. Когда колдунья закричала, дым из котла заплясал в такт ее голосу, образуя тонкие нити, которые, петляя и сворачиваясь в воздухе, устремились к земле. Когда дым коснулся камней, он трансформировался, превратившись в столбики зыбучего серебра, идентичного той жидкости, что вытекала из ран культистов.

'Будь осторожна, аэльфка', - прорычал Готрек. 'Это и есть кукловод'.

"Что?" Маленет уже собиралась потребовать объяснений, когда заметила, что серебряные колонны приобретают человекоподобные очертания. Зыбкое серебро пульсировало и перетекало, образуя руки и ноги и гладкие, лишенные черт лица. Металлические фигуры были крупными - семь-восемь футов ростом, с мощной мускулатурой. На мгновение они покачнулись, словно не привыкли стоять, а затем бросились на Готрека и Маленет. По мере того как они бежали, их руки перетекали, снова меняя форму и превращаясь в длинные изогнутые клинки.

Готрек зарычал, когда первый из големов настиг его. и разрубил его надвое взмахом своего топор из огнестали. Оно рухнуло, снова превратившись в жидкость, разбрызгивая по земле зыбучее серебро. Затем еще одна металлическая фигура настигла Истребителя, замахнувшись на него руками с лезвиями. Готрек парировал удар и

выругался, увидев, что первый автомат уже перестраивается, сливается в единое целое и застывает, поднимаясь из земли, как металлический саженец.

Маленет бросилась к Готреку, когда третий автомат настиг его и устремил свои руки-лезвия к его шее. Она парировала и ударила ногой в грудь, отбросив существо в сторону.

Колдунья все еще издавала птичий крик, а из котла вырывался призматический дым, и все больше автоматов появлялось на камнях. За воротами слышался шум голосов: Огнеубийцы пытались пробиться в крепость, но их препятствовали культисты, вернувшиеся ко входу.

Готрек и Маленет отчаянно сражались, когда вокруг них образовалась толпа металлических фигур, нападавших беззвучно, их мускулы мерцали в свете костра. Готрек налетел на них, пытаясь приблизиться к костру, но это было бесполезно. Как он ни бился, он так и остался в клубке сверкающих конечностей. 'Проклятье, аэльфка!' - прорычал он, и его лицо окрасилось в яростный багровый цвет. 'Ты не можешь что-нибудь сделать? Мне нужно подняться на эту платформу'.

Маленет посмотрела на подсумки, прикрепленные к ее поясу. Она носила с собой яды, способные останавливать сердца и испепелять плоть, но как она могла убить врага, сделанного из металла? 'Они не живые!' - крикнула она в ответ, отбивая новые удары. 'Как я могу убить ходячие статуи?'

Каждое мгновение, проведенное с этим ничтожеством, лишает тебя разума, заговорила ее бывшая госпожа. *Ты никогда не была умной, но теперь ты такая же тупая, как и он. Что бы ты делала, если бы тебе нужно было пробить клинком толстую броню?*

Маленет нахмурилась, парируя очередную атаку, и едва успела помешать одному из автоматов обезглавить Готрека. *Я бы покрыла клинки маслом наруны.*

Молодец, дурочка. И зачем ты это сделаешь?

Потому что оно разъедает металл. Маленет была раздражена тем, что сама не додумалась до этого. Масло наруны было невероятно едким, но она никогда не думала о нем как об оружии. 'Подожди', - сказала она

Готреку, уклоняясь от очередного удара и доставая с пояса мешочек. 'У меня кое-что есть. Но я не уверена, что это сработает'.

'Давай быстрее', - прорычал Готрек и, пошатываясь, попятился назад, когда на него налетели еще несколько серебристых фигур, нанося удары.

Маленет размазала масло по своим ножам и прыгнула мимо Готрека, рубя и кромсая големов. Из металлических фигур с шипением вырывался пар, а на их блестящей коже появлялся черный налет. Масло жгло, как кислота, и Маленет усмехнулась, пробираясь сквозь толпу падающих и рассыпающихся тел.

С земли поднимались еще фигуры, но Маленет успела открыть Готреку проход, и он с воем бросился вперед, к костру. Лестницы на платформу не было, и Истребитель на мгновение замешкался, глядя на горящие тела. Затем он прорычал проклятие и прыгнул в огонь, пробираясь сквозь яркое пламя.

Крик колдуньи нарастал, и Готрек остановился на полпути к костру, взыв от боли и откинувшись назад. На мгновение показалось, что он упадет, но затем он дернулся вперед и метнул свой топор. Оружие оставило за собой шлейф из огней и угодило точно между глаз колдуньи.

Крик оборвался, и колдунья упала в свой котел. Затем раздался взрыв - котел взорвался, подняв в воздух дым, огонь и трупы. Готрек тяжело приземлился рядом с Маленет, осыпав ее углями и пеплом. Раздалась серия всплесков - металлические големы расплавились на земле, превратившись в сверкающие лужи, и Маленет оказалась наедине с Готреком в дыму. На мгновение она замерла в боевой позе, ожидая нападения, но когда такового не последовало, бросилась к Истребителю и перевернула его. Она с шипением отдернула руку, когда его кожа обожгла ей ладонь. Он был весь в волдырях, и вдруг она поняла, что он, возможно, мертв. Ее пронзил жуткий холод. Она ударила его по лицу. 'Готрек!'

Он безумно усмехнулся, и с лица его осыпался слой пепла. 'Отлично получилось', - прохрипел он, с трудом переводя дыхание. Он так сильно хлопнул ее по плечу, что она пошатнулась. 'Я знал, что ты в конце концов пригодишься.'

Раздался еще один грохот, и опоры котла провалились, уронив его на костер и взметнув еще больше пламени. 'Пойдем', - сказала Маленет, подавая Готреку руку и помогая ему подняться на ноги. Вместе они зашагали прочь от обломков, направляясь к стене. Прислонившись друг к другу, отираясь от пыли и с трудом переводя дыхание, Маленет подумала о том, сколько раз она уже делала это. Она так часто спасалась от катастрофы с Готреком, что ей стало казаться, что это все, что она когда-либо делала. Как бы он ни раздражал, он начинал затмевать ту жизнь, которую она вела до встречи с ним. Это было не очень приятное осознание. Внезапно она почувствовала предчувствие опасности - не от врагов, которые постоянно нападали на Готрека, а от чего-то более страшного: от ее зависимости от него. Она начала зависеть от него. Сама того не желая, она стала вкладывать в него все свои силы. С юности в Храмах Убийц она полагалась на веру и умение владеть ножом. Но сейчас, впервые в жизни, она почувствовала, что нуждается в ком-то еще.

Ты идешь по опасному пути, - сказала ее бывшая госпожа, прочитав ее мысли и голос её прозвучал еще более горько, чем обычно. *Поверь мне, ты не можешь доверять никому другому.*

Маленет дошла до стены крепости и прижалась к металлу, глядя на Готрека с нарастающим чувством тревоги. Он стоял в нескольких шагах от нее, сгорбившись, и кашлял, вытирая мокроту с бороды. Она вспомнила, что почувствовала, когда решила, что он мертв. Это было подозрительно близко к панике. Паника! Когда это Маленет Ведьмин Клинок паниковала? *Я теряю себя,* подумала она. *Теряю себя в нем. И это делает меня уязвимой.* Возможно, дело было в пьянящих парах, которые все еще витали в воздухе, забивая легкие и мутя мысли, но она вдруг почувствовала, что должна сделать что-то решительное. Она должна была изменить направление, в котором двигалась.

Готрек, казалось, почувствовал, что она смотрит на него. 'Ты ранена?' - спросил он, подняв на нее глаза и вытирая грязь с лица. Черты его лица были такими же дикими, как всегда, но она увидела на нем искреннее беспокойство.

Она не могла заставить себя ответить, чувство тревоги усиливалось. *Что это? Разве мы теперь друзья? Мы заботимся друг о друге?* Эта мысль повергла ее в ужас. Она никогда ни о ком не заботилась. Кроме себя,

конечно. Она чувствовала себя так, словно отказалась от важнейшей части своих успехов.

Во дворе раздался гул измученных голосов: Огнеубийцы наводнили двор. Сквозь дым к костру устремились берсерки с топорами, за ними - стражники с пиками, а затем - громадная, сотрясающая землю группа магмадротов, которым пришлось пригнуться, чтобы пролезть через ворота в крепость. Культистов не было видно. Наверное, Готрек был прав, решила Маленет. После смерти колдуньи поклонники Хаоса стали действительно такими слабыми, как и выглядели.

По мере того, как толпы Огнеубийц продолжали вливаться в хранилище, звуки их боли и возмущения становились все громче. Это выходило за рамки простой скорби. Когда они добрались до обугленных останков, то стали подбирать руны из пепла, глядя на инертный металл так, словно он был им так же дорог, как и их погибшие сородичи.

'Это просто куски золота', - сказал Готрек, проследив за ее взглядом. Он печально покачал головой. 'Это проклятие моего народа. Посмотри на них. Воют над кусками металла в землях, где он сыплется с каждого склона'.

Готрек снова говорил с ней как с напарницей, как с другом, и снова это вызывало у нее леденящее предчувствие. Она не могла объяснить, как именно, но чувствовала, что совершила непростительную ошибку. Она задавалась вопросом, сможет ли она хоть сейчас освободиться от притяжения Истребителя, но знала, что не сможет. Борьба за Владения зависела от него, она была уверена в этом. От Готрека Гурниссона зависела борьба с Хаосом, по сравнению с которой все остальные заботы были ничтожны. Она вздрогнула и отступила от него, но не успела она отойти далеко, как увидела, что к ней приближаются старейшины Огнеубийц. Тургин, Корган и Узкал на своих магмадротах пробирались сквозь скорбящую толпу, направляясь прямо к Готреку. Маленет приготовилась к очередной тошнотворной волне благодарности и поклонения героям, но тут увидела выражения лиц Огнеубийц. Они выглядели разъяренными. Лицо Узкала было скрыто, но по его позе было видно, что он преисполнен гнева, а Тургин выглядел разъяренным.

'Можете доверить Истребителю разгребать ваши дела, - весело сказал Готрек, не обращая внимания на устремленные на него взгляды.

'Как ты посмел?!', - прорычал Тургин, когда оказался достаточно близко, чтобы обратиться к Готреку.

Готрек рассмеялся, увидев, как Огнеубийцы были злы. 'О чем ты болтаешь? Как я посмел что?'

Рунный отец жестом приказал одному из своих воинов подойти. В руках у Истребителя был искореженный кусок металла, и после секундного замешательства Маленет поняла, что это икона Гримнира, которой Готрек отвлекал культистов от ворот. Она прогнулась в месте удара о землю, и культисты, очевидно, успели добраться на нее еще до того, как колдунья умерла. В нескольких местах она была искорежена и рассечена ударами мечей. Несущий ее Огнеубийца выглядел еще более разъяренным, чем его король, и Маленет с трудом удержалась от смеха.

'Не думаю, что им понравилось, что ты погнул палку с их флагом', - прошептала она, наклоняясь к нему.

'Ты ударил боевого кузнеца ложи Варрух!' - прорычал Тургин, вены вздулись вокруг его впалых глазниц. 'И ты напал на лик Бога-Истребителя!' Он направил свой топор с защелкой на штандарт. 'Ты осквернил память Гримнира!'

Готрек, казалось, был слишком потрясен, чтобы ответить. Затем он покачал головой и указал на груды обгоревших трупов. 'Они сделали это с твоим народом, а ты ноешь из-за вмятин на своем маленьком знамени. Это что, какая-то чертова шутка?

Тургин посмотрел на погребальный костер, а затем снова на Готрека, но тон его был напряженным. 'Ты снова помог нам, Готрек Гурниссон, но я этого не потерплю. Ты не будешь относиться к нашим святыням как к металлолому. Этот штандарт - летопись каждой битвы и...'

'Это кусок металла'. Голос Готрека был опасно тихим.

'Готрек,' прошептала Маленет. 'Минуту назад они были на твоей стороне. Извинись за то, что сбил их проклятое знамя'.

'Извиниться?' Он уставился на нее так, словно она говорила на другом языке.

'Люди так делают', - сказала она.

Готрек проигнорировал ее и снова устремил свой взгляд на Тургина. 'Именно в этом вы и ошибаетесь. Чтите прошлое, конечно, но не застревайте в нем, черт возьми'. Он кивнул на икону. 'Если эта штука помогает, то все хорошо, а если нет, то используйте ее по-другому'.

'Богохульство', - прорычал Тургин, выглядя еще более разъяренным.

"Вы связываете себя", - воскликнул Готрек. Он махнул рукой на руны в теле Тургина и знаки на его троне. 'И как вы думаете, для чего все это нужно?' Тургин начал было отвечать, но Готрек перекричал его. 'Это инструменты. Это способы победить. Средства достижения цели. Понимаешь? И важна победа, а не эти чертовы инструменты. Вы должны думать о победе, а не о побрякушках, которые вам ее принесут'. Он оглядел толпу. 'Я что, говорю на другом языке? Понимает ли меня кто-нибудь из присутствующих? Если призрак Гримнира действительно где-то там, наверху, наблюдает за вами, как вы думаете, что он хочет, чтобы вы сделали? Тургин снова попытался заговорить, но Готрек продолжил. 'Он хочет, чтобы вы истребляли! Он хочет, чтобы вы изгнали этих чертовых идиотов. Он хочет, чтобы вы покончили с людьми, которые настолько тупы, что считают умным торговаться с демонами'. Он направил свой топор на икону, слюна летела сквозь его кривые зубы, когда он обращался ко всей армии Огнеубийц. 'Вы принесли сюда эту икону, чтобы она помогла вам победить. И что же она сделала? Она помогла вам, черт возьми, победить!'

Тургин выглядел еще более разгневанным, как и Корман, и все остальные Огнеубийцы, которых могла видеть Маленет. Наступила ошеломительная тишина: обычно иступленные дуардины в недоумении уставились на Готрека. Затем, один за другим, все они схватились за оружие и начали топтать по заполненному дымом двору.

'Каждый раз...' - пробормотала Маленет. Она выхватила свои ножи и приготовилась к бою. 'Только ты можешь сделать врагами армию, которую только что спас'.

'Подождите', - сказал чей-то голос. Маленет сначала подумала, что это рунный отец, но когда Тургин оглянулся на Узкала, она поняла, что это жрец в маске. 'Рунный отец, - сказал Узкал. 'Я начинаю понимать, что здесь происходит. Кажется, я ошибался насчет этого странника'.

'Наконец-то!' - воскликнул Готрек. 'Хоть кто-то понимает, о чем я говорю'.

Огнеубийцы повернулись к своему жрецу. "Мы находились в заблуждении", - сказал Узкал, выезжая на своем мамадроте перед войском. 'Все эти недели мы верили, что Гримнир бросил нас. Что он проклял нас. Мы терпели неслыханные лишения". Он взглянул на рунного отца Тургина. 'И потеряли наши рунсынов. Но мы перенесли все испытания со стойкостью и верой. Мы держались за старые пути. И теперь, когда мы наконец-то вернули рунсынов в Священный Огонь, посмотрите, что произошло". Он поднял горящую руну, которую сжимал в кулаке, и помахал ею над крепостью. 'Мы отбросили наших врагов. Мы отвоевали то, что принадлежит нам". Он встал на свой трон, и огонь в его кулаке разгорелся еще ярче. 'Это знак! Такой же верный, как и все, что я видел. Гримнир рассудил нас! И он счел нас достойными!'

По толпе пронесся восхищенный ропот, и Огнеубийцы закивали друг другу, воодушевленные словами Узкала. 'А этот странник', - сказал жрец, взмахнув пламенем в сторону Готрека, - 'был вестником Гримнира". Его голос стал еще более страстным. 'Он - пророк Бога-Истребителя!'

По всему двору Огнеубийцы повернулись и с удивлением уставились на Готрека. Даже глаза Тургина напряглись от откровения. Затем он зарычал и, схватив топор в обе руки, поднял его над головой. 'Пусть это горит!" - проревел он, качая головой из стороны в сторону.

'Пусть это горит!" - закричали фирды, потрясая оружием и рассыпая угли из топоров.

Пока рев толпы нарастал, Маленет повернулась и взглянула на Готрека. Тот качал головой, что-то бормоча, с недоверчивым выражением на лице. Ей не нужно было слышать это слово, чтобы понять его.

'Болваны'.

ГЛАВА 25

Эорна бежала черех поля хрупких звезд. Не обращая внимания на чернильно-темную красоту Курайма, она мчалась по камере с такой скоростью, что перед ней уплывали врассыпную рыбки-фонарики, мигая и вспыхивая, когда они скрывались в черноту. Она не чувствовала того спокойствия, которое обычно давало ей внутреннее святилище. Речь брата в Аллмарахе повергла ее в ужас. И с каждым мгновением ее страхи росли. Ее брат был безумен и к тому же являлся королем. Это была очень сильная комбинация. Он не был каким-то захолустным дворянином; он был правителем Дхруим-Урлара и пользовался поддержкой жречества Ишаранн. Возможно, он действительно сможет реализовать свои безумные амбиции. Она должна была быстро найти Торвена. Он знает, что делать.

Она прошла через казавшиеся безграничными покои, зная потайные ходы и места, где можно найти Торвена. Зал Галдаха находился в самом центре Курайма и, в отличие от большей части города, излучал яростный жар. Эорна вошла в него стремительно, оставляя позади хрупкие звезды и избегая по склонам зазубренной вулканической породы. В этой камере было светлее, и свет исходил от стен огромной кривой башни, поднимавшейся из скал. Это была естественная дымовая труба, спиралевидное жерло, образовавшееся из остывшей магмы, которое постоянно ревело, наполняя камеру шумом и извергая столбы горячей воды, которые могли бы сравниться с большинством гор. Вода кипела и вспыхивала, поднимаясь вверх, и достигала такой высоты, что ее верхушки не было видно. Где-то на высоте многих сотен футов над головой Эорны она вырывалась из-под крыш Дхруим-Урлара и выплескивалась на бездонную равнину. Дымовая труба казалась расплавленной, но это была иллюзия, созданная тысячами крабов, которые постоянно ползали по ее изрытой поверхности. Крабы разбежались, когда Эорна, ступая по камням, направилась к пещере Торвена. Ее жрецы связали камеру сложными заклинаниями Ишаранн, сделав ее безопасной для входа, но она все равно поморщилась от жары, столь чуждой глубинам Дхруим-Урлара.

Торвен ждал у входа в пещеру и скользнул в тень своего логова, когда она поднялась ему навстречу. Она забралась следом за ним и, следуя за

спиралевидной раковиной, поплыла по туннелю, мимо нескольких ответвлений и гротов, в центральную, относительно круглую пещеру. Пещера была наполнена волнистым светом, лившимся из отверстия в дальней стене. Отверстие было овальным, высотой с Эорну, и выходило на струю нагретой воды, вырывающуюся из термального жерла.

'Ты был прав!' - воскликнула она, бросаясь к нему. 'Это предательство! Он хочет положить конец Великой охоте! Он хочет, чтобы мы жили как горцы'. Она закружилась по пещере, распугивая рыбу и размахивая руками. 'Он хочет, чтобы мы покинули Дхруим-Урлар и жили в пыли и солнечном свете, как люди. И он думает, что так мы станем хозяевами Владений. Это безумие'. Она покачала головой, вспоминая свое детство. Он всегда был одержим идеей получить одобрение Теклиса. Какой в этом смысл? Как мы можем жить, пытаясь угодить богу, который всегда нас презирал? Предательство - вот что это такое, предательство всего нашего образа жизни'.

'Это нечто большее', - ответил Торвен, его тон, как всегда, был нейтральным. 'Есть еще большее предательство.'

Эорна пристально посмотрела в темные глаза Торвена. 'Что может быть большим предательством, чем кража нашего образа жизни? Она схватилась за свои хельсабли. А что будет с намарти? Если они освободятся от проклятия, это сделает их равными нам. Они смогут оспорить наше право на власть'. Она горько рассмеялась. 'Диолан думает, что они будут обожать его за это, но, скорее всего, они насадят его голову на шип и заберут трон себе. Он собирается разрушить все, что скрепляет общество. Жизнь нуждается в порядке и структуре. А он собирается заменить их анархией'.

'Все это так', - сказал Торвен, - 'но это не то предательство, которое я предчувствовал. Что вы сделали с раковиной, которую я вам дал?'

'Я отдала ее Урдаху, и он поклялся отнести ее в покои Диолана. У него не должно было возникнуть трудностей. Все упиваются безумием Диолана'. Она с горечью рассмеялась. 'Они готовят праздничный бал'.

'Хорошо. Я думал, что вам придется вернуть его сюда'. Торвен медленно повернулся так, чтобы его взгляд был направлен на залитое светом окно. 'Посмотрим, что он обнаружит.'

Окно вспыхнуло ярче, заставив Эорну прикрыть глаза. Затем свет померк, погрузив пещеру во тьму. Единственным освещением было слабое свечение фонарных рыбок снаружи. Торвен стал холодной тенью рядом с Эорной, но она видела, что он смотрит в окно. Она много раз видела, как он использует свое глубинное зрение, но оно не переставало ее поражать. Это было совсем не похоже на эфирные бури жрецов Ишаранн. Жрецы вызывали силу из ярости морской стихии, а сила Торвена исходила откуда-то из камер его раковины. Она услышала знакомый звук его мыслей: тусклые, отдающиеся эхом удары, которые гулко отдавались в спиралях раковины, словно ее структура перестраивалась.

Затем в окно хлынул новый свет - холодный, серебристо-голубой, расплывающийся по проему и рассекающий тьму, как лунный свет гладь бассейна. Эорна на мгновение забыла о своей ярости, замороженная. Фигуры вихрились и перемешивались, а в оболочке Торвена продолжали раздаваться гулкие звуки. Затем в проеме начал формироваться образ.

'Покои Диолана', - сказала Эорна, узнав величественную позолоченную комнату с колоннами вдоль стен.

'Да', - ответил Торвен. 'Урдах преуспел'.

'Кто это в дальнем углу?' Эорна подошла ближе к окну. 'Это мой брат?'

Изображение в окне поплыло по длинной комнате, направляясь к группе фигур, собравшихся за столом. Эорна быстро узнала Диолана и Таллакрома, а также нескольких ближайших советников брата. 'Я не слышу, о чем они говорят.'

'Таллакром накрыл покои вашего брата колдовством. Даже при физическом присутствии в комнате я не смогу видеть ясно'.

Эорна видела, насколько зыбким был его взгляд на происходящее. Ее брат и остальные выглядели так, словно находились под поверхностью реки, черты их лиц менялись и искажались, когда она пыталась сфокусироваться на них. 'Тогда это бесполезно. Как мы узнаем, что они обсуждают?'

Посланник Торвена скользнул ближе к Диолану, и Эорна увидела, что ее брат что-то держит в руках. Это было похоже на кусок раковины или коралла. Когда сцена снова сместилась, она увидела, что стол покрыт

огромной кучей подобных предметов. Все они горели внутренним огнем, который вспыхнул на лицах советников и генералов ее брата.

'Нет', - вздохнула она, узнав эти предметы. 'Этого не может быть. Неужели он вырезал их из хоррилеума?' Тошнота охватила ее, когда она поняла, что была права. Видеть куски хоррилеума, изрезанные и разбитые, было хуже, чем трупы ее собратьев дворян. В каждом куске была душа одного из ее сородичей. 'Что, во имя богов, он делает?'

'Это и есть предательство', - сказал Торвен. 'Вот это великое предательство, которое я чувствовал. Теперь все понятно. Вы слышали его речь - он хочет завладеть душой Готрека и использовать ее для снятия проклятия. И вот как он собирается это сделать".

"Разрушив души наших предков?"

'Есть только одна причина, по которой он может так поступить', - ответил Торвен. 'Король хочет призвать Эйдолона необычной силы. Великий дух Падшего Бога. И для этого он собрал души нашего народа".

'Но зачем?' - воскликнула Эорна. Ишаранн и раньше вызывали Эйдолонов. Это были божественные проявления, созданные по подобию бога Матланна и подпитываемые душами в хоррилеуме. За всю историю Дхруим-Урлара подобные существа вызывались много раз, но никогда не требовалось ничего столь ужасного, как это.

'Он не хочет вызывать обычного Эйдолона. Готрек несет в себе искру божественности. Только сила бога может сокрушить силу бога. Ваш брат хочет создать нечто большее, чем те Эйдолоны, которых вызывали раньше. Что-то настолько значительное, что он готов пожертвовать всеми этими душами".

'Но он прокликает их всех! Они же направятся прямо к Темному Князю. Они отправятся к Слаанеш".

Торвен отвлекся от окна, когда в его раковине раздались новые удары, подобные ударам молота. 'Я слышал о подобном. Ваши сородичи в анклав Фабхар пытались сделать это во время Палладиевых войн. Это было проявление, которое они называли Эйдолоном Апогайона. В ваших собственных библиотеках есть упоминания о нем. Говорят, что он был настолько велик, что мог сровнять с землей горы и сокрушить целые армии. Ваш брат, похоже, нашел способ сокрушить Готрека Гурниссона".

'Но он должен был начать планировать это еще до своей катастрофической битвы. Он не мог начать что-то такое масштабное в последние несколько часов'.

Торвен на мгновение задумался. 'Тогда, наверное, это всегда было в его планах. Когда вы сказали ему, что мы нашли столь мощную душу, способную усилить намарти, он солгал вам. Он уже вынашивал план, как использовать душу Готрека другим, более глубоким способом - как возможность снять проклятие'.

'Это не проклятие!' - зашипела Эорна. 'И не только я думаю так'. Она зашагала по пещере. 'Мы должны рассказать всем, что он делает. Будут беспорядки. Даже самые ярые его сторонники будут потрясены'. Внезапно она поняла, какая это возможность. 'Он зашел слишком далеко. Все согласятся. Хорошо говорить об исцелении полудуш и восстании из моря для завоевания Владений, но что скажут другие, когда поймут, что для этого он использует души их родителей? Они будут жаждать его крови'. Она повернулась и поспешила прочь из пещеры. 'Я должна рассказать всем.'

'И что скажет ваш брат? Тон Торвена был по-прежнему бесстрастным. Признается ли он в своем преступлении и покажет ли кусочки разбитого коралла?'

Эорна остановилась и пристально посмотрела на него. 'Нет, конечно, нет, но я буду...'

'Что вы сделаете? Ворветесь в покои короля, перебьете всех его солдат и заберете улики? Или будете стоять у ворот дворца и рассказывать всем, кто будет слушать, что их любимый король проклял их предков на вечные муки? Звучит как бред сумасшедшего. Думаете, кого будут слушать: озлобленную, изгнанную сестру или торжествующего короля, который вот-вот сделает их властелинами Владений?'

Эорнахватила одну из своих сабель и вонзила ее в темноту. 'Они должны знать.'

'И если ваши обвинения не услышат, как вы думаете, будет ли ваш брат и дальше терпеть ваше присутствие в Дхруим-Урларе? Или он будет

вынужден наконец разобраться со своим самым достойным соперником?'

Эорна вздохнула и убрала саблю в ножны. Она покачала головой и отошла к окну, глядя на брата со смесью ужаса и нескрываемого уважения. 'Нет ничего, чего бы он не сделал. Его вера в себя абсолютна. Диолан - не чудовище. Я знаю, что это значит для него - вырвать эти души из их убежища. Но он не позволит сожалениям остановить себя'. Она повернулась к Торвену. 'Очень хорошо, ты высказал свою точку зрения. Я импульсивна. Знаю, что это так. Было бы ошибкой сообщить моему брату, что мы узнали о его планах. Позволь мне предложить альтернативу. Он отчаянно хочет предпринять новую атаку на Караг-Варр. Он намерен перетащить половину анклава на возвышенность. Это будет славная битва, и он, несомненно, захватит свой приз. Но пока он будет метать батальоны на Готрека, его дворец будет пуст и почти не охраняться. Его друзья и союзники будут на вулкане вместе с ним и будут отчаянно пытаться занять место в его новом ордене. Что, если я не буду торопиться, дождусь, пока дворец опустеет, а потом проберусь в покои брата и заберу часть похищенного им хоррилеума?'

Торвен на мгновение задумался, его раковина звенела и шипела. 'Это был бы подходящий момент для действий. Но, забрав кусочки коралла, вы только дадите повод брату убить вас. Он переложит вину на вас и скажет, что это вы украли души, пока он вел свои батальоны в бой. Нет, лучше взять с собой во дворец несколько дворян. Даже если король Диолан соберет огромную армию, здесь ещё останется много дворян - слишком старых или просто не умеющих воевать. Среди них будет немало видных политических деятелей. Если под каким-то предлогом привести этих дворян во дворец, то можно изобразить удивление, когда вы наткнетесь на очевидное предательство короля. Можно даже сыграть роль заботливой сестры, которая пытается найти невинное объяснение преступлению Диолана. Вы предопределите его судьбу и одновременно покажетесь его самой преданной сторонницей'.

Эорна рассмеялась. 'Боги, как это хитро. Молюсь, чтобы твой интеллект никогда не работал против меня'. Она погладила его раковину, наблюдая за тем, как Диолан и Таллакром разбирают кусочки коралла. 'Мне почти жаль его.'

ГЛАВА 26

Король Диолан проснулся внезапно проснулся в темноте. Когда жрецы Ишаранн создали Дхруим-Урлар, они наделили его циклом света и тьмы, воссоздав подобие ночи и дня, движимые инстинктами предков, которые они едва ли могли объяснить. Кораллы, образующие шпили города, каждый день слабо светились все, а ночью становились совсем беспросветными.

Когда Диолан вскочил с постели, окно его дома выходило почти в кромешную тьму. Лишь слабый свет фонаря освещал декоративные сады, окружавшие его дворец. Он тяжело оперся на подоконник, боль ножом пронзила его внутренности, а в голове пронеслись отголоски сна.

Готрек снова вывел его из состояния покоя. Целители тру'хеас не раз говорили ему, что только покой залечит его раны, но каждый раз, когда он пытался заснуть, ему мерещился Огнеубийца, идущий к нему, пробивающийся сквозь эфиртид, и в груди его пылал свет руны. Это воспоминание должно было наполнить его восторгом. Это был великий приз, к которому он стремился всю свою жизнь. Точка опоры, с помощью которой он сможет наставить дромлехов на путь истинный. Но мысль о Готреке скорее тревожила, чем радовала. Она причиняла ему куда большую боль, чем раны, и он не мог объяснить, почему. Уродливое, избитое лицо Огнеубийцы преследовало его, навевая необъяснимые сомнения и заставляя чувствовать, что его разум больше не принадлежит ему самому.

'Ваше высочество', - сказал Таллакром. Жрец сидел в высоком кресле в дальнем конце королевской опочивальни. Он не отходил от Диолана с тех пор, как они вернулись из Караг-Варра, и каждую ночь спал в том же кресле, готовый принести воду или лекарство. Он медленно встал, помассировал скелетное лицо и зевнул, пересекая комнату и натягивая халат от холода. 'Вам что-нибудь нужно? Вас беспокоит боль? Я могу позвать слуг. Что вы хотите?'

'Только это', - пробормотал Дьолан, взял со стола кубок с вином и отпил. Вино было тяжелым и крепким, оно почти мгновенно облегчило боль. Вино было единственным, что отгоняло от него чувство, что он теряет рассудок. Он сел за стол, а Таллакром сел напротив, наливая вино и себе.

Эти два дворянина знали друг друга так давно, что Таллакром счел возможным отказаться от формальностей. Некоторое время они пили молча, Таллакром изучал короля, пока слабый свет фонаря омывал его лицо.

'Это было больше, чем просто боль, которая разбудила вас', - сказал Таллакром, когда наконец нарушил молчание.

Диолан кивнул.

'На балу вы выглядели встревоженным'.

'Я презираю такие вещи.'

'Это было нечто большее'. Таллакром наклонился через стол. 'Мы всегда знали, что это будет трудно. Но теперь мы так близки'.

Диолан выпил еще вина, все еще пытаясь избавиться от лица Готрека.

'О чем вы думаете?' - спросил Таллакром.

'Что, если был другой путь?' произнес Диолан. 'Другой способ завладеть душой Готрека. Способ, который не требует...' Он подумал о разбитых кусках хоррилеума, о разделенных душах его предков, лежащих на столе в комнатах внизу, где он сейчас сидел. 'Путь, не требующий *таких* жертв'.

'Жалеете ли вы о том, что мы сделали?' Выражение лица Таллакрёма было нейтральным. У Диолана возникло неприятное ощущение, что его наставник с детства проверяет его.

'Жалею ли?' - ответил он, услышав в своем голосе злость. 'Я сожалею о каждом дне, пока мы остаемся в Дхруим-Урларе, в то время как рабы Хаоса правят нагорьем. Я сожалею, что вся наша раса довольствуется тем, что скрывается под водой. Я сожалею, что даже верховный король Волтурнос, якобы самый великий из нас, вынужден охотиться в тени, пока другие правят Владениями'. Он опустил кубок на стол, с грохотом ударив коралл о камень. 'У меня много сожалений, Таллакром. Они тяготят меня'.

Таллакром слегка кивнул. 'Но вы хотели бы, чтобы мы не извлекали души из хоррилеума'.

'Анклав Дромлех и раньше вызывал Эйдолонов, и этого никогда не требовалось. Это мерзость, Таллакром, и ты это знаешь. Мы проклинаям

своих предков". Он покачал головой. 'Если бы кто-нибудь из других жрецов предложил это, я бы запер их в темницу'.

'Идея освободить нас от проклятия души принадлежала вам, ваше высочество. Я лишь указал на то, что Готрек - это способ сделать это. И нет другого способа провести ритуал. Дух Готрека не похож ни на что, на что мы охотились раньше. Он уникален. Даже я не могу точно сказать, почему, но в нем есть что-то, что не принадлежит Владениям Смертных. Отголосок божественного. Когда ваша сестра обратила на него наше внимание...'

'Не напоминай мне об Эорне', - пробормотал Диолан.

Таллакром поднял руки. 'Она представляет собой проблему только потому, что вы отказываетесь с ней справиться. От того, что вы отказываетесь с ней разбираться, она не перестает быть угрозой. Полудуши обожают ее. Они считают ее своей чемпионкой'.

Диолан покачал головой и налил еще вина. "Я тот, кто собирается исцелить их души, а они стекаются к моей проклятой сестре".

'Так позвольте мне разобраться с ней'. Глаза Таллакрома сверкнули. 'Ваше место на троне никогда не будет надежным, пока она бродит на свободе, настраивая против вас каждым своим словом. Не только полудуши обожают ее - многие из ваших придворных предпочли бы видеть ее на троне Дхруим-Урлара. И пока мы трудимся над освобождением Дромлех, она общается с этим диковинным зверинцем в своем дворце, придавая вес отличающимся, чуждым представлениям. Это неправильно для любого, занимающего ее положение. Для меня не составит труда...'

'Нет', - огрызнулся Диолан. Всякий раз, когда его советники указывали ему, что было глупо оставлять сестру в живых, он чувствовал один и тот же прилив негодования. Они не имели права решать судьбы таких, как Эорна. Если бы его сестра была на троне, они, несомненно, настояли бы на том, чтобы она убила его. 'Мы должны нанести удар как можно скорее', - сказал он, меняя тему разговора. 'Я не могу вечно оставаться в этой комнате. Это заставляет сомневаться в том, что я считаю правильным. Я верю в это больше, чем ты можешь себе представить, Таллакром. Я предвидел это с тех пор, как стоял поднялся с колен. Владения Смертных не могут быть отданы на откуп людям и дуардинам.

Они потерпели неудачу. И всегда будут терпеть. Это их предки позволили Владениям попасть в руки Гибельных Сил. И ничто из того, что они сделали с тех пор, не изменило ситуацию.'

'Я слышу, как говорят о Грозорожденных Вечных Сигмара, посланных с Небес, чтобы спасти всех нас. Как будто мы спасемся благодаря неуклюжим действиям низших рас. И посмотрите, какую жалкую кашу они заварили. Они убивают нескольких военачальников Хаоса, возводят пару уродливых зданий и говорят, что отвоевали Владения. А потом, как только Великий Враг замечает их, они стираются с земли. И так продолжается снова и снова. Сигмар посылает свои неуклюжие полчища, они устраивают беспорядок, а потом их изгоняют. Это похоже на ужасную шутку".

Он поднялся со своего места и принялся расхаживать по спальне. "А мы, старшая раса, обладающая достаточным умением и мудростью, чтобы изгнать Хаос из Владений, ничего не делаем". Он бросил взгляд на небольшое святилище в углу комнаты. Там стояла статуэтка эльфийского бога Теклиса, которую он бережно хранил с детства. "Стоит ли удивляться, что Великий Просветитель разочаровался в нас? Мы, рожденные вести за собой, все эти долгие века прятались в тени, заслоняясь туманом и ложью". Он ткнул пальцем в окно. 'Моя сестра считает, что нам суждено быть охотниками и больше никем, но Теклис не так задумал. Он предназначал нас не для того, чтобы мы ковырялись в трухе, а для того, чтобы мы правили. Чтобы изгнали разложение Хаоса".

Он знал, что Таллакром уже много раз слышал от него эту речь, но ему было приятно произносить эти слова. Это прогнало сомнения, лишившие его сна. 'Это можно сделать. И это будет сделано. Но не этими неповоротливыми скотами из Азира, с их неуклюжими молотами и ветхими городами. Это сделаем мы. Истинные дети Теклиса. Перворожденные. Мы - носители света. Мы единственные, кто может прогнать тьму".

Он взял с полки книгу по истории и помахал ею перед Таллакромом, собираясь продолжить свою пламенную речь, как вдруг мучительный кашель пронзил его грудь. Кашель был настолько сильным и неожиданным, что он выронил книгу и привалился к стене, пытаясь отдышаться. 'Проклятье', - прохрипел он, увидев багровые пятна на передней части своей туники. Неужели никто из жрецов ничего не может

сделать? Неужели никто из вас не может избавить меня от этой слабости?'

Таллакром бросился к нему и попытался взять его за руку, но Диолан схватил его за плечи и заговорил прямо в лицо. 'Мы должны двигаться. Мы должны начать. Я не могу оставаться здесь, ждать вот так. Ждать смерти. Мы должны забрать душу Готрека и использовать ее. Мы должны начать ритуал. Или я...' Он покачал головой. Всю свою жизнь он был полон неистовой веры в превосходство своего народа. Придворная политика для него ничего не значила. Но он знал, что Дромлех - единственные, кто может по-настоящему спасти Владения Смертных. И сейчас, на пороге начала великих перемен, он был бессилен, ему мешала хрупкость его смертной плоти.

Таллакром изучал его. 'Должен быть другой способ. Способ ускорить твоё исцеление'. Он нахмурился, вглядываясь в темноту. Возможно, что-то есть.

'Что?' требовательно спросил Диолан.

'Существует не один способ исцеления. Тру'хеи искусны, но их методы действуют медленно. Так что, возможно, нам стоит попробовать использовать плоды наших трудов. Возможно, настало время увидеть, к чему привели все эти жертвы'.

'Эйдолон?' Диолан покачал головой. 'Он уже восстал? Я думал, мы еще очень далеки от этого'.

'Эйдолон - это лишь начало. Лишь малая часть той великой бури, которой он станет. Но даже сейчас, полурожденный, он наделен силой. Разделяя души таким образом, как мы это сделали, мы создаем нечто, не похожее ни на одного Эйдолона, которого когда-либо вызывали'. Он смотрел на бивень нарвала, словно читая что-то в глубине. 'Интересно... Если бы мы привели вас к Эйдолону сейчас, я мог бы попытаться провести уменьшенную версию обряда, который избавит нас от проклятия души. Я мог бы передать вам часть его силы'.

'И это исцелит меня?' Диолан ухватился за один из столбиков кровати, нетерпеливо склоняясь к старому жрецу.

'Это, безусловно, передаст вам силу, и, возможно, эта сила послужит лекарством. И в то же время это позволило бы мне проверить, сработает

ли наш план - действительно ли сбор душ таким образом сделал Эйдолона особенно могущественным. Я думал, как убедиться в этом. Нам нужно измерить его силу. Иначе мы не сможем узнать, действительно ли мы сможем использовать душу Готрека так, как я утверждал. Бесполезно убивать Готрека, если потом мы не сможем ничего сделать с его душой".

Таллакром продолжал говорить, объясняя, как с помощью Эйдолона он извлечет душу Готрека из тела и скормит ее хоррилеуму, но Диолан уже не слушал. Его просто возбуждала мысль о том, что он наконец-то может действовать, что он наконец-то сможет что-то сделать. 'Отведи меня к нему,' - потребовал он, умудряясь стоять, несмотря на боль в груди.

"Вы сможете ходить?"

'Конечно', - огрызнулся Диолан, поднимаясь с кровати и хватаясь за одежду. 'Я просто хотел спать, вот и все'. Произнеся эти слова, он понял, что это правда. Теперь, когда он окончательно проснулся, к нему вернулись силы. Он подавил кашель, накинул на себя плащ и направился к двери, на ходу хватая меч. Быстрее. Я не могу больше ждать. 'Вылечи меня сегодня ночью, и уже завтра мы начнем. Караг-Варр должен пасть".

ГЛАВА 27

Улицы Дхруим-Урлара струились и танцевали вокруг Диолана, когда он ехал в полумраке. Его конь был белым, царственно выглядящим грубоководным, на котором он много раз выезжал на битву. Рептилия, казалось, чувствовала каждое его желание, откликаясь на столь легкие движения, что он чувствовал его продолжением своего тела, легко скользя мимо шпилей храмов и огромных особняков, граничивших с его владениями.

В этот час большинство жителей Дромлеха спали или, по крайней мере, находились в домах, и улицы были пусты и тихи. Таллакром ехал рядом с ним, а за ними на фангморских угрях следовала небольшая группа гвардейцев. Ни одна армия не вторгалась в Дхруим-Урлар и даже не знала о его существовании, но опасность все же существовала. Изредка из зарослей ламинарии появлялись стаи голодных и ядовитых колючих акул. В редких случаях над городом нависали медузовые кальмары - колоссальные чернильно-темные левиафаны, способные разрушить

здания и сожрать сотни аэльфов, прежде, чем их изгоняли обратно на бездонную равнину. Кроме того, правитель Идонет никогда не мог быть спокоен, пересекая границы своего королевства. Корона Дхруим-Урлара скорее завоевывалась, чем передавалась по наследству, и всегда находились желающие побороться за столь ценный приз.

'Далеко?' - спросил Диолан. После отъезда из Аллмараха он чувствовал себя ужасно. Он сидел в седле прямо, не желая показывать слабость, но не был уверен, что сможет долго сохранять это состояние.

'Всего час езды, ваше высочество', - ответил Тхаллакром. Жрец сгорбился в седле, сжимая посох, его одеяния развевались вокруг него, когда они проносились сквозь облака ила. 'Эйдолон рождается совсем рядом с хоррилеумом'.

Ламинария стала задевать доспехи Диолана, когда они покинули центральные улицы города и въехали в извилистый лабиринт, усеянный листьями и шныряющими рыбами. Незнакомый с городом путник быстро бы заблудился. Тропинки в ламинарии находились в постоянном движении, и, казалось бы, за ними невозможно уследить, но каждая из них имела свое имя и характер, известные глубоководным. Как бы ни смещались и ни изгибались пути, существа уверенно плыли по ним, огибая извилистые повороты и темные, одинокие прогалины.

Спустя, как показалось Диолану, очень долгое время, впереди забрезжил свет, мерцающий сквозь ветви ламинарии, как упавшие на морское дно звезды. Диолан почувствовал прилив эмоций. Свет исходил от хоррилеума - места упокоения павших аэльфов Дромлех, священного убежища, где души были защищены от хищников Хаоса. С незапамятных времен Дромлех доверяли свои души этим огням, будучи уверенными в их безопасности. А теперь, по приказу Диолана, души отсекались, использовались как хворост для костра. Диолан чувствовал не вину, не сомнения, а жгучую решимость. Эта великая жертва, принесенная по его приказу, должна быть оправдана. Столь ужасающий акт жестокости можно было простить только в том случае, если он приведет к великим преобразованиям, о которых он всегда мечтал, - вознесению Дромлех и снятию проклятия Идонет. Больше они не будут сражаться за то, чтобы поддерживать жизнь своих полудуш за счет жизненной силы, украденной у низших существ. Скоро они будут жить свободно.

Его пульс участился, когда он представил себе, как могучее воинство Идонет под предводительством дворян Дромлех среди бела дня пересекает возвышенности, не делая никаких попыток скрыться, выметая Хаос из Владений, раз и навсегда показывая Теклису, что в Идонет достигли совершенства. Диолан знал, что думают о нем его соотечественники из знати Ахелиан. Они полагали, что он стремится к власти ради власти, как и все его предшественники. Но они ошибались. Диолану уже не был важен ни трон, ни все остальные знаки отличия. Все это было не ради личной выгоды или славы. Его даже не волновало, будет ли его имя записано как архитектора этого великого плана. Его волновало лишь то, что теперь у сил Порядка и здравомыслия появилась надежда, шанс побороть безумие Богов Хаоса. Дромлех был последним шансом Владений. И он поклялся освободить их от оков.

Они вышли на высокую тропинку, с которой открывался вид на котловину, где находился хоррилеум. Диолан приостановился, чтобы полюбоваться великолепным зрелищем. Он был похож на коралловый риф шириной в несколько миль, полупрозрачный и бледный, освещенный изнутри холодным пульсирующим светом. Места похищения душ не было видно. Адепты Таллакрома старались не повредить ни одного места, которое было бы видно прохожим.

'Уже недалеко', - сказал Таллакром, поворачивая своего глубоководного от хоррилеума и направляясь обратно в заросли ламинарии. Не успели они отъехать далеко, как сквозь мрак пробился еще один свет, прорезавший заросли ламинарии, устлавшие тропу.

Диолан погнал скакуна вперед, но силы его иссякали. Он молча молился Теклису, чтобы исцеление подействовало. У него едва хватало сил, чтобы держаться в седле, не говоря уже о том, чтобы возглавить атаку на Караг-Варр.

Они достигли склона над еще одной затопленной поляной. Эта впадина была меньше, чем хоррилеум, но все же шириной в сотни футов. Она представляла собой многоярусный амфитеатр с арками кораллов, сплетенных вокруг него, образуя огромный, похожий на пещеру купол из желтых полипов, переплетенных между собой, как тысячи сцепленных пальцев. Каждый палец коралла излучал свет, и пространство под амфитеатром было еще ярче, чем хоррилеум. По периметру стояли воины гвардии Ахелиан, гордо подняв голову, и смотрели на

окружающую их ламинарию. Ближайший из них отдал честь, когда Диолан и остальные скользнули по колоннаде, ведущей в амфитеатр. В центре помещения, на возвышении над помостом, стояла раковина, похожая по форме на моллюска, но размером с небольшой дом. Она была сделана из такого же разноцветного полупрозрачного материала, как и окружающие ее кораллы, а в ее сердцевине горел огонек, мигающий артериальным пульсом.

Диолан соскочил с глубоководного и поднялся по ступеням на круглый помост, Таллакром шел в нескольких шагах позади.

'Это он?' - спросил он, глядя на внушительную фигуру и чувствуя необходимость говорить тихо, как будто он вошел в святилище. В центре раковины, заслоняя собой свет, стояла фигура. Размером она была не больше ребенка, и ее трудно было разглядеть в деталях, но Диолану показалось, что он смог различить гребенчатые доспехи и развевающиеся волосы. Фигура стояла неподвижно, склонив голову и сцепив руки перед грудью, словно в молитве.

Таллакром редко проявлял эмоции, но его голос был тверд от гордости. 'Он не похож ни на одного Эйдолона, которого вызывали раньше.'

Диолан обошел вокруг раковины, разглядывая фигуру внутри. Он и раньше видел Эйдолонов в пылу сражений, но никогда не имел возможности рассмотреть их так близко. Подойдя ближе, он почувствовал, как от него исходят волны энергии. 'Что мне делать?' - спросил он, окунаясь в священный свет.

'Кокон Эйдолона заряжен эфирной силой', - тихо произнес Тхаллакром. 'Это духовная сила каждой души, которую мы отделили. При обычных обстоятельствах часть силы перешла бы от душ в хоррилеуме к Эйдолону. Но с помощью этого ритуала мы освободили всю силу душ. Они освобождены от оков. Их цель - родить Эйдолона, но в данный момент я не вижу ничего плохого в том, чтобы вы погрузились в него'.

'Погрузиться в него?' Диолан заколебался, оглянувшись на древнего жреца. 'Отрезанные души перейдут в меня, а не в Эйдолона?'

'Нет. Не совсем. Часть их сущности пройдет через вас, как молния проходит через ветви дерева'.

Диолан нахмурился. 'Когда молния ударяет в дерево, для него редко все заканчивается хорошо.'

'Вы мне доверяете?'

'Конечно.' Это была правда. Диолан никогда не сомневался в Таллакром. По правде говоря, после поражения при Караг-Варр жреца нельзя было винить, если бы он встал на сторону Эорны. Диолан был так слаб от ран, что казалось, может умереть. И если бы Таллакром выступил против него, остальные жрецы Ишаранн последовали бы его примеру. Но Таллакром остался верен.

'Это простой обряд', - сказал Таллакром, снимая с пояса нить раковин. На них были начертаны крошечные руны, и они музыкально щелкали друг о друга, когда он передвигал их по нити, ища что-то определенное. Он подошел ближе, вглядываясь в крошечную раковину, зажатую между костлявыми пальцами, и свет озарил замысловатые татуировки, покрывавшие его лицо. В свете он выглядел еще более похожим на скелета, подчеркивая угловатые кости и впалые глазницы. 'Просто приложите руку к поверхности кокона', - сказал он, не отрывая взгляда от рун, выбитых на оболочке. 'Я произнесу короткое заклинание. Вы должны держать руку на месте до тех пор, пока я не разрешу вам убрать ее'.

'И что, это будет трудно? Держать руку на месте, я имею в виду'. Диолан не боялся, он просто хотел быть готовым.

Таллакром облизнул губы, сверкнув синими зубами. 'Физической боли не будет. Но когда ваш разум вступит в контакт с душами, которые мы извлекли из хорриума, вы можете почувствовать желание отстраниться от них. Вы должны сопротивляться этому желанию. Если вы прервете контакт до того, как я завершу обряд...'

'То что?'

'Если я не завершу заклинание, возможны неожиданные результаты. Я не могу сказать, что именно, но обряд не удастся, и исцеления не будет'.

'Кто-нибудь уже пробовал это делать?'

Наступила небольшая пауза, прежде чем Таллакром ответил. 'Насколько мне известно, нет.'

Диолан кивнул, оглядывая кокон и стоящую в нем фигуру. 'Скажи мне, когда?'

Таллакром поднес крошечную раковину к глазам. 'Когда я начну говорить, прижмите руку к кокону. Это займет не более минуты'. Он сделал паузу, чтобы прочистить горло, а затем продолжил, говоря на древнем языке жрецов Ишаранн.

Диолан тут же прижал руку к кокону - или, по крайней мере, попытался это сделать. Ладонь прошла сквозь поверхность, и он понял, что она не твердая. Скорее, это был густой дым. Он взглянул на Таллакрома, чтобы убедиться, правильно ли он поступает, но жрец был слишком увлечен, чтобы обращать на это внимание, поэтому Диолан оставил руку на месте, ощущая, как по коже движется странный вязкий свет. Ощущение было странным, но не неприятным, и Диолан не понимал, почему ему должно быть трудно удерживать руку на месте. Таллакром говорил без умолку, и через несколько мгновений Диолан почувствовал, как по его руке и венам разливается приятное тепло, наполняя тело и облегчая голову. Это ощущение было похоже на то, которое испытывают после выпитого вина, но его сила быстро нарастала. Диолан не чувствовал ни боли, ни сомнений. В этом ощущении было что-то очень естественное, хотя он никогда не испытывал его раньше. Ощущение было настолько нормальным, что он не сразу понял, что его ноги находятся в нескольких сантиметрах от земли.

Что ты наделал?

Сначала Диолану показалось, что заговорил Таллакром, но потом он понял, что жрец все еще поглощен своим заклинанием. Голос доносился откуда-то еще.

Что ты сделал с нами? Голос был хриплым от горя и ужаса, и Диолан понял, что он раздается перед ним, внутри кокона.

Он нас разрезал! - кричал другой голос, женский, граничащий с криком.

Он предал нас! - завывал другой.

Голоса входили в Диолан вместе с волнами света, которые еще мгновение назад казались такими приятными. Один голос вызывал другой, затем еще один, и вот уже целый хор измученных голосов кричал, обличая Диолана как предателя. В их словах звучала такая боль,

что ему захотелось зажать уши руками. Но он знал, что это не поможет. Слова звучали в его голове. Он мог заставить их замолчать, только отняв руку. И хотя голоса мучили его, он чувствовал, что обряд Таллакрома действует: его тело наполнялось силой и бодростью, превосходящими все, что он чувствовал до этого. Он чувствовал себя непобедимым, словно мог разрушить дворцовую стену.

Мы не в безопасности! - закричал голос, еще более громкий, чем остальные. *Ты проклял нас! Убийца! Темный принц заберет нас! Исправь то, что ты сломал!*

Да! - ответил шум панических голосов. *Быстрее! Верни то, что вы взяли! Еще не поздно! Вы можете спасти нас! Диолан! Верни наши души в хоррилеум! Еще не поздно!*

Мучительно было слышать их крики. По мере того как крики становились все громче и отчаяннее, решимость Диолана начала ослабевать. Он мог убрать руку и схватить Таллакрома. Он мог приказать ему отказаться от идеи вызвать Эйдолона. Еще не было *слишком* поздно.

Свет запульсировал ярче, и он почувствовал, как чья-то рука обхватила его, крепко удерживая на месте. Диолан попытался вырваться, полагая, что кто-то из его обвинителей сумел завладеть им, получив от своей ненависти свободу действий в физическом мире. Но, посмотрев на свет, он понял свою ошибку. Тот, кто схватил его за руку, не был одним из его предков. У него было лицо бога. Великолепие, с которым не мог сравниться ни один смертный. Глаза Эйдолона впились в него, яростные и неистовые, и волны энергии, хлынувшие в Диолана, вдруг стали слишком мощными, чтобы их выдерживать.

Диолан застонал, пытаясь вырвать руку, но Эйдолон не отпустил его, а лишь крепче схватил и открыл рот, чтобы заговорить. Слов не последовало, но рев бури пронесся по телу Диолана, заставив его пошатнуться и зажмурить глаза. Звук нарастал, становясь таким громким, что казалось, череп треснет. А потом все закончилось. Эйдолон ослабил хватку, звуки прекратились, и Диолан кувырком вылетел из кокона, подняв тучу ила и тяжело приземлившись на землю.

Таллакром быстро зашагал в его сторону, держа в руках посох, и опустился на колени рядом с Диоланом, выглядя при этом

обеспокоенным. 'Я не закончил', - сказал он. 'Ты не должен был отпускать руку'.

'Меня отбросило', сказал Диолан срывающимся голосом. 'Я не отпускал.'
"Отбросило?"

'Эйдолон.' Дьолан встал, затем улыбнулся, осознав, что полон сил. Он отступил от Таллакрома и выхватил меч, сделав несколько выпадов и обнаружил, что слабость исчезла, сменившись такой яростной жизненной силой, что он громко рассмеялся. 'Ты сделал это', - крикнул он, вышагивая по поляне и нанося удары. Он вскочил на камень и потянулся, выгнув спину, словно выходя из долгого сна. 'Это сработало.'

Жрец все еще смотрел на него с тем же обеспокоенным выражением лица. Затем он снова посмотрел на кокон. Свет немного померк, но силуэт Эйдолона все еще был виден. Он наблюдал за Диоланом. 'Обряд не был завершен', - тихо сказал он. 'Я не разорвал связь между вами и Эйдолоном'.

'Какое это имеет значение? Я исцелен. Более чем исцелен. Я давно не чувствовал себя таким сильным'. Диолан спустился со скалы и схватил Таллакрома за плечо. 'Будь доволен. Это сработало'.

Таллакром покачал головой. 'Я понятия не имею, что это значит'.

Диолан рассмеялся. 'Это значит, что мы готовы к войне. Это значит, что я смогу разбить этих дикарей в Караг-Варре, и мы сможем притащить Готрека Гурниссона сюда'. Он махнул мечом в сторону кокона. И тогда Идонет смогут родиться снова. Родиться такими, какими должны были'.

Таллакром пожал плечами и, казалось, успокоился. Он взглянул на Диолана. 'Полагаю, если бы были какие-то последствия, вы бы не выглядели таким бодрым'.

'Точно!' Диолан собирался сказать еще что-то, но заметил, как побледнел Таллакром.

Таллакром выглядел неважно. Темнота за спиной старого жреца углубилась и пришла в движение, отчего Таллакром стал казаться каким-то странным, бесплотным, словно его и не было вовсе. Диолану потребовалось мгновение, чтобы понять, что он смотрит на поверхность моря. Конечно, это было невозможно на такой глубине, но он видел

волны, разбивающиеся о корпус корабля. Корабль был необычной конструкции, которую он не узнал. На нем были символы сигмаритской веры, но он не был похож ни на один корабль, который он видел раньше. Глядя на корабль, он почувствовал необъяснимый прилив ярости. Волны вздыбились, казалось, что они растут в ответ на его гнев и бьются о корабль.

'Что такое?' - спросил Таллакром. Как только жрец заговорил, он вновь обрел твердость, и картина за его спиной исчезла, открыв взору коралловый риф и дрейфующие заросли ламинарии за ним. 'На что вы смотрите?'

В глазах Тхаллакрома снова появилось сомнение, и Диолан мог представить, что скажет жрец, если узнает, что у него галлюцинации. Нападение на Караг-Варр снова будет отложено. 'Ничего', - сказал он. Он помассировал лицо и провел ладонями по глазницам. Мне просто не по себе от близости к Эйдолону". Он снова улыбнулся и покинул помост, забравшись обратно на своего глубоководного. 'Таллакром. Мы достаточно долго ждали. Давай же начнем'.

ГЛАВА 28

Готрек погладил вождя орруков по голове, отчего его звериные черты дрогнули. 'Я знал, что в конце концов мы встретимся', - сказал он. Оррук ничего не ответил.

Слова Готрека были встречены одобрителем ревом. Аплодисменты и смех разнеслись по огромному пиршественному залу Караг-Варра. Готрек настоял на том, чтобы принести на победный пир голову орка, и водрузил ее на блюдо так, что его обвисшая, забрызганная кровью морда оказалась на одном уровне с его лицом. Истребитель обнажил зубы в однобокой ухмылке, которая была Маленет ужасно знакома. Эта улыбка означала, что он наконец-то выпил достаточно эля, чтобы стать пьяным.

После битвы у Караг-Вира Огнеубийцы отправились в два других потерянных ими аванпоста. Однако Караг-Агриль и Караг-Дуриль оказались не столь сложными. Вместо культистов и колдовства Огнеубийцы встретили племена зеленокожих, и последующие сражения

больше походили на славный праздник, чем на войну. Численность зеленокожих исчислялась тысячами, но это не имело значения. Огнеубийцы наслаждались своим любимым занятием - убийством орруков. А Варрух, приняв Готрека в качестве почитаемого пророка, упивались каждым его словом.

Болезнь, мучившая Тургина, отступила, когда он сражался на стороне Готрека, и, несмотря на то, что Готрек не раз заявлял о своей ненависти к Огнеубийцам, Маленет казалось, что он наконец-то нашел тех, кто был похож на него. Их восторг от боя и резни был идентичен, и по мере того, как шли сражения, Маленет становилось все труднее отличать Готрека от Коргана, Скромма или любого другого дуардина. Бой был грязным и недостойным. После первых нескольких схваток она отстранилась, не в силах наслаждаться убийствами - столь грубые, развратные поединки были ниже достоинства Владыки Убийств, - и наблюдала за финалом битвы издалека, бормоча проклятия, пока Огнеубийцы сплачивались вокруг Готрека, следя за каждым его движением и пытаясь подражать его архаичной манере речи.

Что я здесь делаю? думала она, глядя на то, как вокруг нее толпятся пьяницы, горланящие песни и изрыгающие дым из табачных трубок. Пиршество продолжалось уже столько часов, что Маленет казалось, будто она никогда и не была нигде, кроме этого вонючего, шумного зала. К столу постоянно подносили тарелки с мясом, хлебом и сыром, но к этому моменту Огнеубийцы были уже настолько пьяны, что еда использовалась в основном как боеприпасы: ее швыряли в воздух, когда дуардины воспроизводили ключевые моменты сражений ногами с мясом или падающими на зубы пирожками, облитыми пивом. Скромм сидел слева от нее, но за последний час он так и не сдвинулся с места. Он сгорбился и уткнулся лицом в тарелку с едой. Только редкое фырканье давало понять, что он не утонул в мясном бульоне.

Готрек сидел на почетном месте, рядом с Тургином. Они были неразлучны с момента похорон рунсынов. Рунный отец преодолел свою болезнь и скорбь и явно считал Готрека ответственным за случившееся. Готрек же был настолько впечатлен силой Тургина, подпитываемой рунами, что принял рунного отца как достойного боевого брата. В схватках с зеленокожими они сражались бок о бок, руны Тургина пылали, когда он парировал удары Готрека, и его сила росла с каждым боем.

Теперь Тургин обнимал Готрека за массивные плечи, и они, как старые друзья, строили планы, уткнувшись в пропитанную пивом карту Спирального круга. Последний час они обсуждали древнее дуардинское царство под названием Империя Хазалидов. Один из бардов Огнеубийц упомянул о нем в громогласной, нескончаемой балладе, и Готрек потребовал подробностей. Когда Тургин сообщил, что разрушенная столица, Караз-а-Зарук, находится к северу от Караг-Варра, Готрек стал похож на скупца, обнаружившего потерянную монету. Маленет заставила себя пытаться следить за утомительным разговором.

Империя Хазалидов была одной из навязчивых идей Готрека, и она подозревала, что еще не раз услышит о Караз-а-Заруке. Древняя заброшенная столица империи дуардинов - именно то, что нужно, чтобы заманить его в очередную авантюру. Некоторое время оба старых воина были увлечены картой, но по мере того, как они напивались, она забывалась, погребенная под тарелками с едой, а их разговор переходил в пошлые шутки и невнятное пение.

"Войти в крепость через канализацию было гениальной идеей!" - рассмеялся Тургин, хлопнув Готрека по спине. "Никогда не забуду выражение их лиц, когда мы атаковали из этих стоков".

'Ага,' ухмыльнулся Готрек. 'Это напомнило мне то время, когда я работал стражем канализации под Нульном, охотясь на крысолюдов вместе с Феликсом'. Он скептически рассмеялся. 'Оказалось, что они были в сговоре с чертовой тайной полицией'.

Маленет была уверена, что никто в зале не имеет ни малейшего представления, о чем говорит Готрек, но все замерли, слушая, как он начинает выдавать очередной бессвязный, фантастический рассказ, подкрепляя его дикими выпадами топора и хриплой отрывкой. Маленет слышала эту историю бесчисленное количество раз и знала, как Готрек плевался и ругался, когда доходил до рассказа о скавене по имени Танкуоль.

Звуки веселья стихли, и Варрух слушали Готрека, с удивлением наблюдая, как он вживается в тему, забирается на стол и топчется по блюдам, рассказывая свою историю. Изучая их восторженные лица, Маленет почувствовала тот же холод, что и в Караг-Вире. То же сокрушительное чувство, что ее тащат по следам Готрека. *Я не стану такой, как они, -*

подумала она. Я не буду поклоняться ему. Я не его последовательницей. Я не стану главой в его истории.

Какой у тебя есть выбор? Ее бывшую госпожу явно забавляло затруднительное положение Маленет. *Ты убила проклятого охотника на ведьм. Орден уже знает об этом. Они придумают особо изобретательные способы казнить тебя. Истребитель - твой единственный шанс остаться в живых. Если ты не станешь главой в историях Готрека, то ты - просто еще один мертвый аэльф.*

Готрек проиллюстрировал часть своего рассказа тем, что пнул голову вождя орруков на всю длину стола.

Нет, подумала Маленет. Это неправда. У меня еще есть варианты. Как Орден узнает, что это я убила Драймусса? Он путешествовал один по Спиральному Кругу. Хамон так же опасен, как и любое другое Владение. Ничего не указывает на то, что это я убила его.

Кроме того факта, что он пришел искать тебя, известного отравителя, и был отравлен.

Он был убит настойкой, которую носил при себе. Любая банда бродячих разбойников могла бы сделать это с ним.

Орден не глуп. Конечно, они поймут, что это была ты. Кроме того, даже если бы они не знали, это не имеет значения. Если ты покинешь Истребителя, ты покинешь руну. А если ты бросишь руну, ты все равно умрешь. Думаешь, Орден смирится с неудачей? Думаешь, они с пониманием отнесутся к твоей перемене настроения? Тебе поручено доставить Мастер-руну Черного Молота в Азир. Или, если это не удастся, доставить Готрека в Азир. Если ты не сможешь сделать хотя бы одно из этих дел, они захотят твоей смерти.

Кхайн сохранит меня. Вспомни, сколько убийств я совершила во имя его. Подумай о дарах, которые я ему приносила. Мне не нужно оставаться с этим пьяным хамом, ведущим себя как очередной безглазый лакей, притворяющийся, что он похож на своего любимого Феликса.

Он важен, ты сама говорила. Он тот, кто может что-то изменить. В голосе хозяйки как всегда звучало презрение, но Маленет почувствовала, что и она не уверена в правильности выбранного пути.

Он очень важен, подумала она. Но посмотрите на него. У него в ладонях вся ложа Огнеубийц. Они знают его всего несколько дней и готовы сражаться за него до смерти. Если Готреку действительно суждено одержать великую победу над Хаосом, ему не нужна моя помощь.

Тогда что же ты будешь делать? Ты не сможешь вернуться в Азир без этой руны. Это был твой единственный шанс. Твои преступления не будут забыты.

'Я буду молиться Кхайну', - прошептала она, внезапно преисполнившись уверенности. Она схватилась за ножи на поясе, понимая, что все гораздо проще, чем она себе представляла. Истребитель был настолько ярким отвлекающим фактором, что не замечала очевидной истины. Я буду молиться сталью и кровью, как делала это всегда. И я буду жить своей собственной жизнью.

Она сделала паузу, ожидая ответа хозяйки, но ответа не последовало. Она встала и отодвинула свой огромный тяжелый стул от стола.

Готрек все еще пошатывался, перебирая тарелки с едой, и рассказывал свою нелепую историю о кишущих крысами канализационных трубах и коварном человеке по имени фон Хальдстад. 'Человечий отпрыск', - повторял он снова и снова, почти каждое предложение заканчивая упоминанием человека, который сопровождал его до Маленет. Человека, который погиб из-за своей преданности Готреку.

'Нет', - прошептала Маленет, с каждым мгновением становясь все злее и решительнее. Она вышла из-за стола и протиснулась сквозь толпу пьяных, спотыкающихся Огнеубийц.

Вся ложа Варрух, казалось, собралась в зале, и ей потребовалось несколько неприятных минут, чтобы протиснуться сквозь поющую, облитую пивом толпу, пока она не добралась до дверей в форме наковальни. На пороге она остановилась и оглянулась. К ее удивлению, Готрек прервал свой анекдот и остановился, глядя прямо на нее сквозь дым от трубок. Выражение его лица потемнело. На мгновение ей показалось, что он догадался о ее намерениях и собирается окликнуть ее. Но затем он издал глубокую, дребезжащую отрывку и продолжил расхаживать по столу, продолжая свою историю о крысолюдах.

Она с минуту смотрела ему вслед, затем в отчаянии покачала головой и направилась к двери. Она вышла в ряд огромных коридоров с колоннами, вырубленных в стенах вулкана и покрытых таким количеством магмы, что её кожа горела, пока она шла в темноте, пересекая залы и взбегая по длинным винтовым лестницам. Назойливый, хвастливый рассказ Готрека эхом отдавался в ее голове, пока она поднималась сквозь мрак.

Крепость выглядела так, словно была заброшена, и только отдаленные, отдающиеся эхом возгласы с пиршества открывали правду. Было странно проходить через такие величественные залы без каких-либо признаков охраны или слуг. Маленет остановилась, чтобы взглянуть на святилище Гримнира, построенное вокруг колоссальной золотой статуи Бога-Истребителя. Это было похоже на святилище Готрека. На самом деле, все это место могло бы стать святилищем Готрека.

Маленет выплюнула проклятие и поспешила дальше, поднимаясь по последней лестнице и выходя из туннелей в чуть менее гнетущую атмосферу площади. Вечерело. Она догадывалась, что где-то над головой должны быть звезды, но из-за пелены дыма что-либо разглядеть было невозможно. На стенах стояло несколько дозорных, выглядевших угрюмо и насуплено, несомненно, потому, что они пропускали празднования внизу, но в остальном Маленет была одна. Она подумывала окликнуть кого-нибудь и попросить выпустить ее из магмохолда, но придержала язык. Ей не нравилось просить разрешения уйти, а стражники в любом случае могли отказать. Огнеубийцы относились к ней с подозрением с тех пор, как она приехала, и редко выполняли ее просьбы, если только Готрек не был рядом и не смотрел на них. Кроме того, она была ассасином. Смертоносная дочь Храмов Убийств. Ей не требовалось чьё-то разрешение, чтобы покинуть это место.

Маленет держалась в тени по краю площади, направляясь к входным воротам, через которые они с Готреком изначально вошли в крепость. Когда ей хотелось, она могла двигаться с такой бесшумностью, которую едва ли могли расслышать тяжелооруженные Огнеубийцы. Она пробиралась сквозь мрак, низко надвинув капюшон, и подошла к дверному проему, расположенному неподалеку от ворот. Она провела в магмохолде несколько дней, скучая, когда Огнеубийцы совершали

погребальные обряды по своим павшим рунсынам, и использовала это время с умом, оставляя Скрomma при любой возможности, чтобы исследовать крепость и узнать некоторые ее секреты. Она проскользнула через маленький, легко теряющийся из виду дверной проем и бесшумно взбежала по винтовой лестнице, ведущей на стены над воротами. Поднявшись на самый верх, она замешкалась, вглядываясь в крепостные стены. Ближайший часовой стоял в сотне шагов от нее и смотрел в противоположную сторону, тяжело опираясь на магмапику.

Ты уверена? На этот раз ее госпожа даже не пыталась изобразить насмешку. *Если Готрек настолько значим, не стоит ли нам остаться с ним?*

Нет, - призналась Маленет, - *я не уверена.* Но теперь, когда она действовала, она была полна решимости продолжать. Она была полна решимости вырваться на свободу. У нее было ужасное чувство, что сейчас или никогда. *Я не стану его опорой. Я не стану именем в его пьяных рассказах. У меня своя судьба.* Выскользнув из тени, она пересекла стену и подошла к противоположному краю крепостных стен. Когда она выглянула из-за края, ее ослепил свет заполненной лавой кальдеры. Она находилась на вершине одного из огромных плеч крепости, цепляясь за кусок богато украшенной брони Гримнира размером с гору. Она смотрела вниз, на мост, перекинутый через лаву. Она искала кусок водосточной трубы, которую обнаружила при исследовании крепости. Это была тонкая металлическая труба, недостаточно прочная, чтобы выдержать вес дуардина или взрослого мужчины, но она была достаточно легкой, чтобы сползти по ней и прыгнуть на уступ внизу. Оттуда она смогла бы спуститься на мост. Единственная проблема заключалась в том, что она никак не могла найти кусок водосточной трубы. "Где же он?" - пробормотала она, вытирая слезы и щурясь от яркого света.

Чем пристальнее она вглядывалась, тем более размытым становилось ее зрение. Она не могла этого объяснить. Затем, яростно протирая глаза, она заметила еще кое-что: жара спала. Сначала она подумала, что это просто ветерок, уносящий часть вулканического жара, но потом поняла, что появился еще и странный запах - сырость, соленая вонь, ужасно знакомая.

'Идонет', - прошептала Маленет, отступая от края. Она все еще не помнила, как произошло последнее нападение на Караг-Варр, но знала, что ему предшествовал этот запах. И этот туман. Отступив от крепостной стены, она увидела, что по металлическим конструкциям тянутся нити тумана, который стелется по земле и собирается у ее ног.

Она вцепилась в память, пытаясь вспомнить хоть какие-то подробности того, что было раньше, но ничего не было - только смутные разговоры Готрека о морских чудовищах и лучниках на змеях. 'Кровь Кхайна', - прошептала она, вспомнив, что большинство Варрух в данный момент пьянствуют в пиршественном зале. 'Это будет резня. Даже Готрек пьян. Я должна предупредить их. Они должны запереть ворота в замок'.

Я думала, ты бросаешь Готрека на произвол судьбы? Я думала, ты порвала с ним?

Маленет горько рассмеялась и махнула рукой на туман, стелющийся по стенам. 'Что ты хочешь, чтобы я сделала? Броситься туда и в одиночку сразиться с Идонет? Я искусна, но я не сражаюсь с целой армией'. Она бросилась вдоль стены, высматривая одного из дозорных, когда туман нагнал ее, накрывая крепостные стены и стелясь по площади.

"Ты!" - крикнула она, когда впереди из тумана показалась фигура. "Бей тревогу! Только подойдя ближе, она поняла, что темная фигура не может быть одним из Варрух. Она парила в воздухе на высоте примерно головы, сворачиваясь и разворачиваясь, как змея. Она выхватила ножи из пояса и осторожно приблизилась. Туман расступился, и из него показалась длинная, стройная акула с жестокой, стреловидной головой, покрытой старыми шрамами. Это существо достигало семи футов в длину и, увидев ее, перевернулось в воздухе, уставившись на нее блестящими черными глазами. Вокруг ее пасти клубился багровый туман, а один из варрухских дозорных лежал на земле под ней, слабо хватаясь за рваное месиво, которое когда-то было его горлом.

Акула смотрела на Маленет с холодным безразличием, а затем бросилась вперед, рассекая повисшую в воздухе кровь.

Маленет попыталась обойти акулу, но туман цеплялся за ее конечности, как будто она двигалась по воде. Акула налетела на нее, как опрокинутая стена. Она пошатнулась, повернулась на бок и попыталась поднять ножи, как вдруг плечо пронзила боль. Еще одно

красное облако наполнило воздух, когда акула перевернулась и укусила её руку.

Она хватала воздух, всаживая нож в глаз акулы. Акула взвизгнула и откатилась в сторону, но она не дала ей времени оправиться. Она бросилась за ней, проталкивая свое тело сквозь тяжелый воздух, выхватила с пояса стилет и вонзила его в другой глаз акулы. Отравленное лезвие подействовало мгновенно, и морда акулы сморщилась и почернела, словно охваченная пламенем. Тварь кувыркнулась, а затем бросилась прочь от нее, исчезая в кровавом тумане.

Маленет опустилась рядом с раненым Огнеубийцей и схватила его за плечи, крича в его оцепеневшее лицо. 'Мне нужно объявить тревогу! Как мне оповестить всех?'

Часовой слабо покачивался в ее руках, его лицо было ужасно бледным, а кровь запеклась вокруг него. 'Боевой рог', - простонал он. 'Дальше по стене'.

Она опустила его на камни и побежала дальше сквозь туман, направляясь в ту сторону, которую он указал. У нее возникло необычное ощущение дежавю, когда она пыталась бежать. Было что-то похожее на сон в борьбе с таким вялым воздухом. Когда она двигалась по стене, обостренные чувства подсказали ей, что за ней следят. Несколько теней в тумане, не отставая от нее, поднимались высоко в воздух, бесшумно скользя стаями. 'Опять акулы', - прошипела она, разгневанная нелепостью ситуации. Когда акулы подплыли ближе, она стала различать их изящные силуэты более детально. Они были по крайней мере такими же большими, как та, которую она только что ослепила, а может быть, и больше, и она уже могла различить шесть акул, направлявшихся к ней.

Она остановилась, увидев впереди на стене какие-то очертания, а затем поняла, что это группа дозорных Огнеубийц. Они стояли, прижавшись друг к другу, спина к спине с поднятыми магмапиками. Они напряглись, увидев приближающуюся девушку, затем расслабились, узнав ее.

"Это не обычная буря, - сказал главный карл, когда она подошла к ним. Это магия аэльфов".

"Я знаю", - фыркнула Маленет. 'Я одна из тех, кто и объяснила это вашим старейшинам. Мы должны предупредить всех. Они все пьяны. Они

должны запереть двери в свои постройки и не высовываться из магмахолда".

Карл уже собирался ответить, как туман прорезала серебристая стрела, угодившая ему точно между глаз. Он упал молча, его магмапика шмякнулась на землю.

Огнеубийцы взвыли боевые кличи, когда на них налетели аэльфские лучники. Стрелы наполнили воздух, а Варрух пустили в ход свои пики, извергая лаву на врагов. Некоторые лучники падали с седел, разорванные магмой, но все новые и новые лучники неслись вперед, выпуская стрелы со скоростью, которая показалась впечатляющей даже Маленет. Она оставила дозорных и побежала дальше вдоль стены. Грохот боя становился все громче: все больше Варрух спешили присоединиться к своим товарищам, плюясь расплавленной смертью в мерцающих нападающих.

Вот она, - сказала мертвая хозяйка Маленет, когда впереди показалась часовая башня с кривым боевым рогом, закрепленным на ее крыше.

Маленет тоже увидела металлический завиток и побежала вдоль стены к нему. Возле двери лежал еще один растерзанный труп Огнеубийцы. Тело плавало в нескольких футах от земли, медленно вращаясь в облаке крови. Маленет перепрыгнула через него и вбежала через открытый дверной проем в башню. Она состояла из единственной пустой комнаты и винтовой лестницы, ведущей на крышу. Вбежав в комнату, Маленет столкнулась лицом к лицу с убийцей стражника. Это был аэльф с белоснежной кожей. Верхняя половина тела воина была обнажена, но ноги были облачены в гребенчатые переливающиеся доспехи. В руках он сжимал двуручный меч, изогнутый и зазубренный, как акулий зуб. На месте глаз у эльфа были гладкие впадины, но слепота ему не мешала. Он метнул меч в сторону Маленет, целясь ей в горло.

Она парировала удар ножом, но от этого усилия плечо пронзила новая боль, и она, пошатываясь, отступила к стене.

Аэльф последовал за ней в туман, ткнув свой клинок ей в живот.

Маленет выгнула спину дугой, и меч пронзил пустой воздух. Затем она повернулась на пятках и обрушила свои ножи на вытянутую руку эльфа.

Воздух лишил ее скорости. Воин уклонился от ее атаки и, сделав пируэт, приземлился лицом к ней, выглядя при этом до ужаса уверенным.

Маленет отступила назад и поменяла один из своих ножей на меньший клинок, пристегнутый к поясу. Эльф со спокойной незаинтересованностью наблюдал за ней, выпрямившись и приготовившись взмахнуть своим мечом, длина лезвия которого была равна росту Маленет. Она метнула нож ему в лицо.

Аэльф усмехнулся, взмахнул мечом и легко отбил клинок. Вместо того чтобы упасть на пол, нож Маленет взорвался. Лезвие было сделано из стекла, и воздух завибрировал, когда оно разбилось, выпуская токсины, которые были заперты внутри.

Аэльф не обратил внимания на газ, пока не направился к Маленет, проходя прямо сквозь него. Затем он споткнулся, и на его лице появилось удивленное выражение: его кожа начала плавиться. Он потянулся к Маленет, но ноги под ним подкосились, кости затрещали под плавящимися мышцами.

Маленет не стала смотреть на его смерть. Было время, чтобы насладиться своими подношениями Кхайну, но не сейчас. Она пробежала мимо растворявшегося аэльфа обратно в башню и поднялась по ступеням. Она осторожно вышла на крышу, низко пригнулась и огляделась в поисках Идонет. Там никого не было. Настоящая атака еще не началась. Должно быть, ее противник был разведчиком. На стене виднелись дозорные варрухи, продолжавшие стрелять магмой в туман. Они показывали себя с лучшей стороны. Еще один из них упал, но их окружали обугленные останки эльфов и морских существ. Над крепостными стенами скользили Идонет, их становилось все больше, и они неслись в тумане, как прибой, но все они были сосредоточены на группе дуардинов. Никто не смотрел в ее сторону.

Она бросилась к латунному рогу. Эта штука была размером с небольшое здание, покрытая петлями и изгибами и испещренная сложными рунами. Почти наверняка существовал правильный способ игры на нем, но Маленет просто нашла мундштук и дунула изо всех сил. Звук, который она издала, разочаровал. Туман заглушал ноту так, что она звучала как далекое эхо. Звук был настолько слабым, что Маленет была уверена, что он пролетел не более нескольких футов. Она попробовала еще раз, дуя

так сильно, что у нее закружилась голова, но это ничего не изменило - получился лишь приглушенный гул.

Маленет выругалась, ударив ладонью по массе металлических трубок. Она снова подумала о пьяной толпе в пиршественном зале. Это катастрофа. Их зарубят, а они будут слишком пьяны, чтобы заметить это". Она представила себе презрение Истребителя, если бы он увидел, как она пытается воспользоваться рогом. Слабая чертова аэльфка, сказал бы он, отпихнув ее в сторону и показав, как правильно пользоваться рогом. Гнев прорвался сквозь нее, вырвавшись из горла в виде возмущенного вопля. Вопль отозвался в роге и издал длинную горделивую ноту. Маленет рассмеялась и отступила назад, с недоверием глядя на замысловатый инструмент. 'Как это похоже для Огнеубийц - делать инструмент, на который нужно кричать'.

Она смотрела вниз, в туман, заполнявший площадь. *Но они все пьяны, подумала она. И они поют. Смогут ли они это услышать?*

Еще один гулкий звук прорезал туман. Сначала Маленет подумала, что это может быть зов левиафана, вызванного Идонет. Но затем с другого направления донесся такой же звук, и она поняла, что это другой боевой рог, отвечающий ей. По всему периметру магмохолда стояли часовые, подававшие сигналы тревоги. В отличие от Маленета, они держали свои ноты, создавая гордый, громоподобный хор.

Это должно быть достаточно громко даже для толстого черепа Готрека.

'Возможно, - пробормотала Маленет. 'Но лучше убедиться". Выбежав из башни, она направилась прочь от застывших дозорных и побежала в противоположном направлении вдоль стены, к лестнице, ведущей вниз, на площадь. Спускаясь вниз, она почувствовала вокруг себя движение: сквозь туман пробивались фигуры. Она остановилась и огляделась. Магмахолд был похож на тонущий корабль, за борта которого набегали океанские волны. Туман стелился по металлу и камню, наполняя воздух брызгами и дымом. Но не масштабы бури удивили Маленета, а численность армии, которая на нее надвигалась. Наряду с огромным количеством морских существ здесь было множество аэльфов. Большинство из них сидели на бронированных угрях огромных размеров, но некоторые восседали на более крупных чудовищах. Она

увидела черепах размером с осадные машины, на спинах которых были закреплены гарпуны и паланкины. Были и акулы, на боках которых крепились россыпи доспехов, а верхом на них сидели группы воинов. Вдалеке виднелось нечто гораздо большее, что она пока не могла разглядеть. 'Так много', - вздохнула она, когда авангард начал вливаться на площадь.

Это не армия, - сказала ее хозяйка. Это целый народ.

Маленет была вынуждена согласиться. Она сопровождала Готрека через бесчисленные зоны военных действий, когда они пересекали Смертные Королевства, но не могла припомнить, чтобы видела вторжение такого масштаба. Она быстро спустилась по оставшейся части лестницы и, перепрыгнув последнюю дюжину футов, покатила по камням и побежала обратно к дверям, из которых она вышла, когда собиралась бежать из магмохолда.

Раздался звук рога, и из караульных помещений появились новые дозорные, метавшие топоры и стрелявшие магмой. Она пробежала мимо них к воротам, ведущим на нижние уровни хранилища. К своему облегчению, она увидела, что группа стражников уже начала закрывать их. Затхлый воздух мешал им, но они постепенно раскачивали металлические плиты навстречу друг другу. Она бросилась на помощь, ударяя руками по дверям и наваливаясь на них всем своим весом. Некоторые из Огнеубийц бросили на нее недоверчивые взгляды, но никто из них не отказался от ее помощи, и с грохотом шестеренок и петель двери начали закрываться.

Не попадись в ловушку! Убедись, что ты будешь на другой стороне, когда эти двери закроются.

Маленет кивнула. К чести Огнеубийц, они явно не заботились о собственной безопасности. Они собирались оставить себя в ловушке снаружи, чтобы сохранить неприкосновенность крепости. У Маленет не было таких намерений. Она проделала этот путь не для того, чтобы умереть за магмахолд Огнеубийц, каким бы грандиозным он ни был. До захлопнувшихся дверей оставалось всего несколько футов, и она приготовилась проскользнуть сквозь щель.

"Дайте Истребителю напасть на них!" - раздался знакомый голос, когда двери внезапно толкнулись обратно на неё с другой стороны.

ГЛАВА 29

Маленет и стражники были отброшены назад на площадь распахнувшимися дверями, и толпа хлынула в туман. Готрек вылетел во главе толпы, дико размахивая топором, с раскрасневшимся от выпитого лицом и закатившимися глазами. С ним был Корган, Скрамм и толпа воющих, краснолицых Огнеубийц. За ними, вырываясь из глубин магмохолда, шли еще сотни Варрух, жаждущих крови, и все они следовали за Готреком на площадь. Все они были безнадежно пьяны, натыкались друг на друга и моргали, пытаясь сфокусироваться. Позади них виднелся рунный отец и его почетный караул с пиками, которые с криками и воплями, спотыкаясь и толкая друг о друга, мчались по коридору.

'Кхайн сохрани нас', - прошептала Маленет, когда Огнеубийцы высыпали на площадь. К толпе, собравшейся в пиршественном зале, присоединились остальные Варрух. Вся ложа покидала безопасные подвалы и с ревом клятв и боевых кличей вырывалась из туннелей.

Рога взревели еще сильнее, когда трубившие увидели, что навстречу аэльфийскому воинству выбегает толпа. Маленет пришлось перекатиться, чтобы не быть затоптанной.

Огнеубийцы пронесли мимо нее. Запах алкоголя был еще сильнее, чем запах моря.

'Готрек!' - закричала она, вскакивая на ноги и подбегая к нему.

Он приостановился, чтобы осмотреть приближающихся Идонет, и повернулся к ней лицом. Ему потребовалось мгновение, чтобы сфокусировать на ней взгляд, и когда он понял, кто это, то усмехнулся. 'Аэльф!' Он обхватил ее руками и прижал к себе в яростных, перехватывающих дыхание объятиях. 'Я беру назад все слова, колорые я только говорил о тебе'. Он отпустил ее, схватил свой топор и направил его на шеренгу аэльфов, устремившихся к нему. 'За Караз-а-Карак!' - заревел он.

Позади него сотни сорванных голосов вторили его крику. 'Караз-а-Карак!' - ревели они, создавая такой грохот, что, казалось, дрожал сам воздух. Маленет с изумлением смотрела на Огнеубийц. Они сплотились вокруг Истребителя, словно он был их рунным отцом, выкрикивали

непонятные слова и готовились сражаться с целой армией, будучи настолько пьяными, что едва могли стоять на ногах. Никогда за все годы путешествия с Готреком она не была так уверена, что находится не в том месте, и не с теми, кого никогда не сможет понять.

'Хазук!' - с усмешкой прорычал Готрек, устремляясь вперед, на ряды приближающихся аэльфов.

'Хазук-ха!' - заревели Огнеубийцы, устремляясь за ним.

Маленет толкали, пихали и несли вперед. Вокруг нее Варрух завывали и дергались, размахивая топорами и пиками, мчась за Готреком. Они больше походили на разъяренных бойцов, чем на армию, и никто из них не мог идти по прямой линии, плетясь и пошатываясь, когда выходили из ворот. Несмотря на отвращение, кровь Маленет бурлила. Это было безумие. Напившиеся эля Варрух надвигались на тысячи изящно бронированных аэльфов, скачущих на потрясающе быстрых скакунах и окутанных мощным колдовством. Это будет резня. И все же Маленет чувствовала, как бодрость наполняет ее мышцы. Резня - вот ради чего она жила. "Во имя Кроваворукого Бога!" - завывала она, вторя толпе и прыгая за Готреком с яростью Кхайна, пульсирующей в ее жилах.

Готрек первым достиг врагов. Знатный аэльф верхом на быстром угре ехал впереди строя. На нем были боевые доспехи с жемчужным отливом, на одной руке - гребенчатый щит, а в другой - зазубренный фашильон. Его лицо было скрыто под гребнем шлема, но его поза говорила о высокомерии и презрении. Поравнявшись с Готреком, он наклонился в седле и ударил дуардина мечом в лицо с такой элегантностью и скоростью, что даже Маленет с трудом увернулась бы от удара.

Готрек же был ужасно пьян. Достигнув аэльфа, он споткнулся, стараясь не выронить топор. Маленет едва могла заставить себя смотреть на это. Но тут произошло нечто невероятное. Походка Готрека была настолько неустойчивой, что благородный аэльф промахнулся, рассекая воздух, когда Готрек завалился набок. Затем с грацией безнадежно пьяного Готрек выпрямился и, плавно покачиваясь, взмахнул топором над шеей угря. Удар был скорее случайным, чем умелым, но голову угря он отсек аккуратно.

Благородный вывалился из седла, а его скакуна подбросило в воздух. Затем он исчез из виду: над ним с воем пронеслись шеренги Варрух.

На площади элегантность с серебристым отливом столкнулась с татуированной дикостью. Боевые крики стихли, сменившись жестоким лязгом оружия, рассекающего кости и доспехи. Маленет ухмылялась, пробиваясь сквозь бой, но часть ее сознания оставалась достаточно спокойной, чтобы наблюдать нечто невероятное. Когда Огнеубийцы, неуклюжие от выпитого, шатались и барахтались, казалось, что это им помогает. Изящная точность эльфов сменилась непредсказуемостью их противника. Огнеубийцы едва могли видеть, но это лишь усиливало их жестокость. Они дрались как сумасшедшие, бились в конвульсиях и плевались, сражаясь не только оружием, но и головами и зубами. Маленет никогда не видела ничего настолько brutального. Даже у зеленокожих была своя манера боя, которую можно было отмерять и парировать, но пьяные Огнеубийцы дрались без условностей, никогда не делая одного и того же движения дважды.

Аэльфы пытались выстроить боевые линии и фаланги, пытались придать бою хоть какое-то подобие порядка, но это было все равно что пытаться загнать в угол оползень. Куда бы Маленет ни посмотрела, гребни огненных волос пробивались сквозь ряды Идонет. Это была резня, как она и предсказывала, но не односторонняя. Идонет стаскивали с коней и разрывали на куски Огнеубийцы, которые были слишком безумны, чтобы понять, что смертельно ранены. Она видела, как воющий берсерк, в шею и грудь которого вонзились стрелы, вцепился в плавники черепахи, выкидывая аэльфов из паланкина и так неуклюже шатался, что никто не смог нанести ему удар. К тому времени, когда Огнеубийца упал на колени, теряя кровь, черепаха была уже без наездников и неуправляемо металась, раскидывая строй окруживших ее вельмож на угрях.

"Караз-а-Карак!" - прогремел Готрек, и Маленет поняла, что он где-то рядом. Она вскинула ножи, разрубив еще одного аэльфа, и отступила назад, пытаясь перевести дух и найти Готрека. Истребитель забрался на панцирь гигантской черепахи, которую Маленет видела ранее. Чудовище было мертво и лежало в самом центре площади, толпы сражающихся то и дело бились о его труп. Готрек пошатывался, выглядел все более пьяным, размахивал своим пылающим топором, а по бокам панциря бегали аэльфы, пытаясь нанести ему удары мечом. Пробившись сквозь

толпу, она вскарабкалась на спину черепахи и присоединилась к Готреку, обрушив на нападающих шквал ударов ножом.

'Вот так!' - прорычал Готрек, дико глядя на нее, его лицо было залито кровью. 'Вот как надо праздновать победу! Кровопролитие и гнев! И следующая победа!'

Маленет прочла еще одну молитву Кхайну и заняла свое обычное место сбоку от Готрека. Она увидела рунного отца и других старейшин ложи. Их магмадроты топтали аэльфов, извергая лаву и добавляя к морскому туману клубы черного дыма. Тургин выглядел возрожденным. Он покачивался в седле, смеялся и пел, сражаясь, - он был так же пьян, как и все остальные Огнеубийцы, и наслаждался происходящим.

От болезни и горя, так долго тяготивших его, не осталось и следа. Время от времени он поглядывал на Готрека, несущего смерть со спины черепахи и с каждым взглядом на Истребителя Тургин, казалось, становился все больше и больше, увеличиваясь в росте и ярости, размахивая своим ключ-топором и швыряя в воздух зарубленных аэльфов.

Волна за волной Идонет атаквали, пикируя на своих чудовищных скакунах. Но их хитроумная тактика была бесполезна. Они убивали десятки Огнеубийц, но это ничего не давало, и они падали в не меньших количествах. Это было жестокое сражение. Дым, кровь и туман кружились по площади, воины поднимались и падали, завывая и умирая. Вдали показалась огромная фигура, которую она заметила в начале битвы. Это был поистине огромный левиафан, не уступающий по размерам ни одной из статуй, стоявших на площади. На его спине сидели десятки Идонет, и он продирался сквозь туман, откалывая целые секции магмохолда и бросая обломки на толпу внизу. Маленет глубоко вдохнула, ощущая железный привкус крови. Никто не мог выжить после такого, но она поняла, что смирилась с этой мыслью. Голод Кхайна кричал в ее мышцах. Она прыгнула в схватку, смеясь и завывая.

ГЛАВА 30

'Странный выбор места для встречи', - сказала принцесса Араинн, подходя к Эорне. Принцессу сопровождала ее обычная толпа самовлюбленных вельмож, и они кивали в знак согласия, оглядывая возвышающиеся стены ламинарии, устилающие дорогу.

Эорна зачарованно изучала принцессу и ее последователей, пока они шли к ней. Всю свою жизнь Эорна была неугомонной странницей, пересекая океаны и континенты по древним маршрутам Мирвея в поисках новых, более могущественных душ. Брат сделал ее траллмастером, чтобы отстранить от двора, но, по правде говоря, это была идеальная роль для нее. Поиск новых берегов и рас - вот для чего она жила. И только теперь, после столь долгого и далекого путешествия, она смогла понять, насколько необычна знать Дромлех. Араинн и другие аристократы были поглощены своими мелкими играми. Они постоянно падали и теряли благосклонность, и прилив и отлив власти - все, о чем они могли думать. Араинн и ее последователи так долго не покидали город, что носили самые диковинные и непрактичные наряды. Не имея необходимости одеваться для войны, они превратили себя в ходячие украшения, такие же светящиеся и извилистые, как коралловые рифы, окружавшие Дхруим-Урлар. Эорна жаждала уединения в глубинах, как и все Дромлех, но, когда она кивнула в знак приветствия, ей пришло в голову, что в них есть какое-то безумие: они забыли, что существует мир над морем.

'Простите мне мою эксцентричность', - ответила она, улыбаясь принцессе. Я хочу, чтобы вы кое-что увидели". Эорна знала, что ее эксцентричность не требует прощения. Принцесса Араинн и ее окружение не любили ничего больше, чем королевские интриги. Они чужили скандал, как акулы, идущие по следу крови.

Араинн оглядела узкую аллею. С тех пор как Диолан отправился в Караг-Варр, даже самые большие улицы города опустели, но этот извилистый узкий путь был особенно пуст. Если бы не зоркое зрение Торвена, Эорна никогда бы не нашла его, и даже сейчас, изучая окружавшие ее заросли ламинарии, она могла сказать, что они двигаются, переходя в другое положение. Через день или два эта тропинка приведет к совершенно другому месту и будет ей бесполезен.

"Куда ведет этот путь?" - спросила принцесса. "Он мне незнаком".

Эорна улыбнулась, изо всех сил стараясь сыграть роль элегантной придворной дамы. "Позвольте мне еще немного задержать вас. Еще десять минут ходьбы, и вы поймете, где находитесь".

Араинн смотрела на нее полуприкрытыми глазами. На мгновение Эорне показалось, что принцесса может отказаться следовать за ней. При всей своей гордости и жеманстве Араинн была необычайно умна. В детстве Эорна боялась ее. Была вероятность, что она догадается, что Эорна втягивает ее во что-то опасное. Однако любопытство взяло верх над принцессой, и она улыбнулась в ответ. 'Тогда веди, траллмастер. Поскольку Аллмарах остался пуст, сейчас нам нечем развлечься. Пока твой брат не вернется с головой дуардина, здесь будет весьма скучно".

Эорна жестом приказала своим траллам идти за ней, и группа двинулась дальше по тропинке, причем принцесса Араинн взяла Эорну под руку.

'Вы еще не думали о том, что сказал мой брат в своей речи?" - спросила Эорна.

Наступила пауза, пока принцесса обдумывала вопрос. 'Я пыталась поговорить с ним об этом перед его отъездом". Ее тон был нейтральным. 'Но он был слишком занят, планируя нападение на Огнеубийц. Он даже не появился на балу, что я считаю плохими манерами, так как это был бал, который устраивал *он сам*".

Принцесса отвечала, не отвечая, - в этом она знала толк. Эорна могла понять ее причины. Открыто выступать против короля Дхруим-Урлара было опасно даже для отпрыска старого режима. Но Эорна должна была подтолкнуть ее. Что бы она ни думала об этих странных старинных реликвиях, они были ее единственным шансом остановить брата. Араинн, в частности, была той опорой, на которой держалось общество Дромлех. Если ей не удастся склонить принцессу на свою сторону, то не будет никакой возможности противостоять Диолану. Эорна оглянулась на остальных вельмож. Они были так замотаны в мантии, что походили на волны ила, стелющиеся по дорожке. 'А как ты смотришь на жизнь на поверхности, на то, чтобы идти на войну с нашими сородичами из Идонет, отвоевывая Владения у Хаоса?

Араинн бросила на нее предостерегающий взгляд. 'Вы давно знаете меня, дитя.

Неужели вы позвали меня сюда в надежде, что я начну доносить на вашего брата? План короля смел и удивителен, и мне интересно посмотреть, как он будет развиваться. Но пока мне нечего сказать по этому поводу. Когда он вернется в город, я буду настаивать, чтобы он нашел время поговорить со мной, и, возможно, после этого, когда я буду знать больше, мы сможем провести ту жаркую дискуссию, которой вы так жаждете".

Эорна поборола свое разочарование и просто улыбнулась. Они уже почти дошли до конца пути, и скоро принцессе будет о чем подумать. За поворотом тропинка расширилась и привела к высоким кованым воротам. Они были построены в форме огромного кракена, и кипящие, извивающиеся конечности этого существа служили перекладинами ворот. Ворота были древними и разрушающимися, но когда они были новыми, то, наверное, поражали своей реалистичностью. С той стороны сквозь них пробивался голубой свет, и в глазах принцессы Араинн мелькнуло узнавание.

'Хоррилеум?' Она приблизилась к змеящимся воротам, качая головой, и затем ахнула, потрясенно уставившись на кракена. 'Бриондальские Врата'. Она погладила пыльный, покрытый ямками коралл. Я не видела этого места с тех пор... с тех пор, как мой отец был жив.". На мгновение ее царственный вид померк. Обнаженные эмоции промелькнули на лице, преображая ее. 'Так давно это было. Так много изменилось". Ее лицо снова стало жестким, а голос хриплым от горя. Это необычная вещь - пережить свое поколение. Чудесно и трагично одновременно. Столь многие покинули меня с тех пор, как я в последний раз стояла здесь".

Пульс у Эорны участился. Возможно, годы, проведенные при дворе за политикой, не прошли даром. Все происходило именно так, как она и предполагала. Именно так, как она и предполагала, отреагировала принцесса.

"Наши родичи никогда не покидают нас", - сказала Эорна. Она кивнула в сторону ворот, за которыми виднелись мерцающие огни. 'Пока мы храним хоррилеум. Пока он существует, наше прошлое всегда будет с нами".

Принцесса кивнула и прошептала молитву. Эорна никогда не видела от нее столь явного проявления эмоций. 'Почему вы решили показать мне это?' Она была искренне тронута. 'Я ценю это больше, чем вы можете себе представить, но боюсь, что это не изменит моей позиции в отношении вашей политики'.

Она наклонилась к Эорне и прошептала ей на ухо. 'Вы понимаете, почему я так долго живу, дитя? Знаете ли вы, почему я сохранила свое место при дворе, даже после того, как мой отец был убит, когда как многие другие были изгнаны или казнены? Потому что я держу свое мнение при себе. Я на стороне всех и никого. Я выше споров. Не то чтобы я не сочувствовала вам, Эорна. Но только глупец раскрывает свои карты в Дхруим-Урлар. Те, кого я знала и любила, те, которые проходили через эти ворота вместе со мной, - они погибли, потому что отдали свой голос за правое дело, потому что выбрали сторону'.

Эорна кивнула.

Араинн, казалось, была готова сказать что-то еще, но потом покачала головой и решила этого не делать. Она бросила долгий взгляд на ворота и повернулась, чтобы уйти.

'Есть еще одна вещь, которую нужно увидеть', - сказала Эорна. 'Внутри хоррилеума.'

Араинн погладила ворота с тоскливым выражением лица. "Я не понимаю, как можно преодолеть их. Бриондальские ворота известны своей затворнической натурой. Веди, дитя. Я заинтригована".

Траллы Эорны открыли ворота, и группа дворян пронеслась мимо них, направляясь к месту упокоения своих предков. За годы странствий Эорна наслушалась рассказов о хоррилеумах, содержащихся в других анклавах. Все они были уникальны, ни один не имел одинаковой формы. Она слышала, что некоторые из них были подводными озерами - серебристыми бассейнами, существовавшими в глубинах океана, с берегами и приливами, хотя и были окружены водой. Другие были не более чем драгоценным камнем в рукояти фальчиона или разрушающейся статуей Павшего бога Матланна. Но какую бы форму они ни принимали, Эорна не могла поверить, что хоть один из хоррилеумов был так же прекрасен, как тот, что в Дхруим-Урларе. Души умерших Дромлех обитали в дрейфующем лесу: облака зазубренных,

прозрачных сфер, каждая размером с череп аэльфа, были будто сотканы их сверкающей паутины.

Сферы плавали то гроздьями, то раскачивались огромными сцепившимися цепочками, и все они мерцали внутренним светом, вспыхивая ярче, когда их тревожили течения или прохожие. Впрочем, прохожие в хоррилеуме были редкостью. Это было самое священное из всех священных мест Дхруим-Урлара. Бесценное сокровище, хранящее не только души предков Дромлех, но и захваченные души низших рас, которые впоследствии будут использованы для продления жизни полудуш намарти, таких как траллы Эорны. Вход на эту священную поляну был разрешен только стражам душ Ишаранн и дворянам, получившим разрешение на посещение призраков своих утраченных родственников.

Эорна, Араинн и остальные вельможи медленно продвигались вперед, вглядываясь в грандиозное зрелище. При виде хоррилеума Эорна всегда испытывала необычную смесь эмоций. Видеть бесчисленных мертвецов было унижительно и, в некотором роде, ужасно; но в то же время вдохновляло видеть столько мудрости и опыта, сохраненных на благо анклава. Пока зазубренные сферы скользили над ними, проливая свет и отбрасывая тени, в воздухе разносились голоса. Хоррилеум наполнился нежным хором: шепотом произносились молитвы и гимны, которые перетекали друг в друга вместе с качанием сфер. Это была музыка мертвых; они воспевали хвалу своему пристанищу и посылали живым молитвы о силе и надежде. Эорна могла бы легко захлебнуться этой красотой, но она помнила о своей цели, осознавая, что ей осталось не так долго.

При обычных обстоятельствах стража остановила бы их, как только они вошли, но путь был безлюден. Торвен в очередной раз доказал свою неоценимость. Именно он рассказал Эорне, что Бриондальские Врата все еще существуют, хотя большинство считало их давно исчезнувшими.

Торвен отметил, что забытые ворота редко выходят на хоррилеум и вряд ли охраняются. Как только он заговорил об этом, Эорна ухватила за эту идею, вспомнив, что принцесса часто упоминала эти ворота, считая их дорогим воспоминанием своей юности. Однако путь не будет долго оставаться пустынным - рано или поздно их обнаружат.

Поэтому Эорна кивнула своим траллам, подавая им тонкий сигнал. Они исчезли из виду, растворившись в дрейфующих огнях.

Араинн и члены ее свиты были слишком поглощены любованием хоррилеумом и не заметили, как траллы ушли. Эорна дала им немного времени насладиться святостью и покоем, а затем осторожно взяла Араинн за руку. 'Пойдемте, это не то, что я хотела вам показать. Здесь есть что-то другое. Оно дальше'.

Араинн кивнула и позволила Эорне вести группу быстрее, следуя извилистой петляющей тропой. В молчании они шли еще минут десять, и Эорна не удержалась от желания вскрикнуть, когда увидела впереди цель. Они почти добрались до места. На развилке она повернула налево и повела вельмож вверх по пологому склону.

'Мне знакомо это место также', - сказала принцесса Араинн, нахмурившись и оглядываясь по сторонам на огоньки. 'Я здесь уже была. Я помню...'

'Стоять!' - раздался строгий голос, и в поле зрения появилась группа стражников. Они были облачены в парадные доспехи, которые носят все хранители хоррилеума, и вооружены хельсаблями, такими же, как у Эорны. Она насчитала двенадцать стражников, пока они бежали по тропинке, выхватив мечи.

'Уберите оружие', - возмущенно произнесла Араинн, с недоумением глядя на воинов. 'Как вы смее? Вы прекрасно знаете, кто я'.

'Ваше высочество', - произнес их лидер с видом глубокой неловкости. 'Конечно. Я знаю вас. Я... Ну... При любых нормальных обстоятельствах я бы счел за честь проводить вас через хоррилеум, но я вынужден настаивать на том, чтобы вы немедленно ушли'. Он взглянул на Эорну. 'Все вы'.

По белым щекам Араинн пробежали красные прожилки. 'Со мной еще никогда так не разговаривали. Я прослежу, чтобы вас посадили...'

Ее слова оборвал полет стрел, просвистевших из-под парящих сфер. Пока принцесса говорила, Эорна подала еще один сигнал своим скрытым траллам, и их тщательно нацеленные стрелы вонзились точно в глазные прорезы шлемов стражников. Стражники рухнули на землю, мгновенно умерев.

Араинн в шоке смотрела на трупы. Потом принцесса заметила, что Эорна не выглядит удивленной, и ее глаза расширились. 'Что вы наделали?' Ее голос дрожал от ярости.

'Я спасла нас', - ответила Эорна, когда ее лучники вышли из своих укрытий и собрались на тропе.

Все спутники Араинн смотрели на нее с ужасом, произнося беззвучные проклятия и качая головами, но принцесса шла к Эорне с грозным выражением лица. 'Вы сами себя прокляли'. Она зашагала взад-вперед, качая головой. 'Но вам не забрать меня с собой. Я не присоединюсь к вам в этом безумии. Что бы вы не задумали, я в этом не участвую'.

'Вы уже участвуете', - сказала Эорна, - 'хотите вы этого или нет. Вас видели идущей сюда, со мной и моими траллами. Как вы знаете, никто не имеет права входить в хоррилеум без разрешения стражей душ'. Она указала жестом на трупы, лежащие на тропинке. 'И кто поверит, что вы не участвовали в этом?'

'Почему?' ошеломленно прошептааа принцесса. 'Почему вы так со мной поступили? Вы же знаете, что я никогда бы не ввязалась ни в какой...' Она скорчила гримасу, словно пробуя что-то горькое. 'Ни в какой мятеж'.

'Знаете, почему это место вам знакомо?' - спросила Эорна.

'Что?' Араинн выплюнула это слово. Она преобразилась. Эорна никогда не видела ее

ее такой. Вся ее элегантность и гордость исчезли. Она была похожа на загнанного в угол зверя, готового наброситься на нее. Она посмотрела вверх по тропинке. 'Что вы имеете в виду?'

"Ваши предки", - сказала Эорна. 'Ваши друзья. Ваши любимые. Все они здесь. Или, по крайней мере, были'.

Араинн выглядела так, словно могла закричать. 'О чем, во имя богов, вы говорите?'

'Взгляните'.

Араинн посмотрела на других вельмож. Ее лицо исказилось и дернулось.

Эорна догадалась, о чем она думает. Должна ли она приказать другим дворянам напасть? Это могло бы подтвердить ее слова о том, что она не

сотрудничает с Эорной. Или же ей следует просто бежать и отрицать, что она вообще здесь была? Но взгляд принцессы все время возвращался к тропинке, ведущей вперед, и к тому месту, где она обычно навещала своих предков. Эорна увидела в ее глазах узнавание. Она посеяла достаточно сомнений, чтобы принцесса уже не смогла уйти, не сделав еще несколько шагов.

'Вы заплатите за это', - прорычала принцесса, поднимаясь по тропинке. Как только она достигла вершины холма, она остановилась. Она отступила назад, трясая головой и глядя на то, что лежало по другую сторону склона. Затем она молча рухнула на землю.

Ее спутники вскрикнули от ужаса и подбежали к ней. Когда они достигли вершины склона, то остановились, хватая воздух, и некоторые из них упали на колени, а другие столпились вокруг упавшей принцессы, помогая ей сесть.

Эорна медленно шла следом. Она уже видела, что ее брат причинил хоррилеуму вред, но только смутно, в пещере Торвена. Она напряглась, но, добравшись до вершины холма, с трудом удержалась от того, чтобы не упасть, как принцесса. Отгороженная от больших тропинок, широкая полоса хоррилеума была вырублена. Светящиеся шары были оторваны от своих усиков и теперь лежали на земле, серые и безжизненные, как куски содранной кожи. Эорна покачала головой, и на глаза ее навернулись слезы. Видение в пещере Торвена не показывало масштабов разрушений и не передавало их ужаса. Тысячи душ были вырваны из мест своего упокоения. Тошнота подкатила к Эорне, когда она заставила себя осознать масштабы предательства брата.

Она поняла, что принцесса Араинн смотрит на нее, ошеломленная. 'Вы... вы тоже шокированы этим... Почему же вы привели меня сюда, если не знали об этом?'

'Я знала'. Эорна села рядом с Араинн на землю. 'Но я не видела этого своими глазами. Я не знала, скольких он забрал'.

Голос принцессы был пустым. 'Он действительно сделал это? Ваш брат? Неужели Диолан поступил так со своим народом?'

Эорна кивнула. Даже сейчас, после всего, что она узнала, ей было больно признать, что это его рук дело. 'Так он завладеет душой Готрека

Гурниссона. Тхаллакром собирается использовать души в качестве топлива для обряда. Он вызвал Эйдолона необычайной силы, и когда он скормит ему душу Готрека, то изменит все в нас. Он преобразит нас до неузнаваемости. Но чтобы создать Эйдолона, Таллакром должен был совершить это ужасное преступление. Но это еще не все". Она указала жестом на покачивающиеся вдали огни. "Есть много частей хорриума, которые выглядят также как эта сейчас."

'Топливо?' Араинн покачала головой. 'Нет никакого способа починить это. Нет способа вернуть то, что он забрал. Это невозможно. Он лишил нас нашего прошлого. Он предал наши семьи'.

Долгое время они сидели, не в силах говорить. Потом Араинн взяла руку Эорны и сжала ее, в ее глазах все еще блеснули слезы. 'Я с вами, дитя', - сказала она хриплым голосом. 'Скажите мне, что вам нужно'.

Эорна кивнула. Это было то, на что она надеялась. Это должно было быть похоже на триумф, но в окружении такого осквернения она чувствовала лишь облегчение.

ГЛАВА 31

'Это все равно что хвататься за дым!' Глубоководный король Диолана вздыбился и бился под ним, когда он пытался продвинуться вперед. Его батальоны делали то, что он приказал: ахелианская гвардия пикировала с востока и запада, их угри разрезали фланги Огнеубийц, а полудуши-намарти встречали их лоб в лоб, наступая на Варрух быстрыми шеренгами. Но тщательно продуманная тактика оказалась бесполезной. Огнеубийцы были в полном беспорядке. Они двигались такими бессмысленными, непредсказуемыми скачками, что намарти постоянно барахтались, не зная, в какую сторону наступать, а гвардия Ахелиан атаковала фланги, которых уже не существовало, сбиваясь и замедляясь при наступлении на пустоту. Огнеубийцы были слишком многочисленны, чтобы немного отеснить аэльфов, но битва зашла в тупик. Ни одна из сторон не могла одержать верх. И в результате бойня была ужасной.

'Почему их это не волнует?' - спросил Таллакром, осаживая своего скакуна рядом с королем. Жрец с недоумением смотрел на резню. 'Посмотрите, сколько воинов они теряют. Почему они все смеются?'

'Они пьяны', - ответил Диолан.

'Пьяны?' Таллакром уставился на него в недоумении.

Диолан неподвижно сидел в седле, когда мимо него проносились аэльфские воины. Холодная ненависть пылала в его груди. 'После всего, что я сделал. Всего, чем мы пожертвовали. Я столкнулся с этим... с этим *беспорядком*'. Он подумал о хоррилеуме. О духах, которых он уничтожил. О великом преступлении, которое он совершил. В свете всего, что он сделал, бессмысленное поведение Огнеубийц казалось ему личным оскорблением.

Он сохранил самообладание и обратился к одному из своих стражей. 'Освободите харибду. Пусть эти глупцы увидят, какой силой мы обладаем'.

Раздался приказ, и Диолан улыбнулся, услышав отдаленные звуки бьющейся в оковах харибды. Это было настоящее чудовище, которое выросло намного больше, чем положено его виду, и питалось другими чудовищами в самых глубоких и скрытых впадинах океана. Диолан повернулся к Таллакрому: - Заклинатель приливов. Покажи им ярость шторма".

Таллакром одобрительно кивнул, сжимая свой посох. 'Ваше высочество'. Он направил своего клыкастого угря вперед, сквозь наступающие ряды намарти, пока не прокнул почти к самому хаосу передовой. Тогда он поднял посох и воззвал к клубящимся берегам тумана, начав заклинание. Испарения закружились вокруг него, словно ступицы огромного колеса, и с земли поднялась буря.

Гнев Диолана утих, пока он наблюдал за этим зрелищем. Мощь Таллакрома как заклинателя приливов была непревзойденной. Эфирный прилив с ревом пронесся над стенами Караг-Варра, срывая металл и камень с крепостных стен и стряхивая статуи с постаментов. Потoki погнали пехоту намарти вперед, и они начали перегруппировываться, восстанавливая подобие порядка. Но когда волны обрушились на Огнеубийц, это произвело обратный эффект: они отбросили их назад, накатившись на них, как физическое море. Диолан поскакал вперед и поднял меч. 'Покажем этому пьяному отребью, кто мы такие!'

Не успел он отъехать далеко, как битва отступила от него, сменившись видением бушующего моря. Это был не тот неистовый эфирный шторм, вызванный Таллакромом, а настоящее море, не имеющее никакого отношения к битве за Караг-Варр.

Пока Дьолан наблюдал за волнами, они разбили странный корабль, который он видел несколько дней назад, когда еще находился в Дхруим-Урларе. Когда судно рухнуло, а его сигмаритские знамена подхватило торнадо, он ощутил прилив головокружительной силы и триумфа.

МЫ - ОДНО ЦЕЛОЕ.

Голос обрушился на Диолана, как волна.

Затем море исчезло, и Диолан снова оказался в Караг-Варре, наблюдая, как Таллакром уничтожает ряды Огнеубийц. Диолан покачал головой и поскакал к Таллакрому, пытаясь избавиться от необычного видения. Они мучили его с момента встречи с Эйдолоном, но он никому не говорил об этом. Он не хотел больше медлить.

Когда Диолан приблизился к Таллакрому, сквозь ряды намарти пробился Огнеубийца, направляясь прямо к нему. В каждой руке он держал по пылающему топору, а на его бицепсах пылали руны. В отличие от большинства Огнеубийц, которые были приземистыми, но стройными, этот воин имел отвисшее брюхо и был широк, как бочка. На шее у него был вытатуирован круг из стежков, как будто кто-то осмеливался попытаться отрубить ему голову. Намарти попытались остановить его, чтобы добраться до своего короля, но Огнеубийца бежал так неустойчиво, что они не смогли причинить ему вред. Мечи и стрелы проносились мимо него, пока он спотыкался и рубил на бегу.

Диолан застыл на месте, не в силах понять, как общество могло породить столь отвратительное создание. Борода Огнеубийцы представляла собой переплетение жирных, жестких волос, заляпанных кровью и кусочками пищи. Его гребень был вымазан пивом и животным жиром, а половина зубов отсутствовала. Нос был сломан столько раз, что напоминал угловатую руну на шлеме. Но именно его поведение вызывало у Диолана настоящую тошноту. Война была священным делом, достойным почитания и уважения. Но толстый Огнеубийца смеялся и пел, пока сражался. Он обезглавил тралла намарти, ударил второго в пах, а затем с размаху бросился вперед. Шеренги мечников намарти выстроились в

линию, но Огнеубийца был не так пьян, как казалось. В последний момент он изменил направление движения, перекатился на открытое пространство и с воем бросился на Диолана, размахивая своими топорами.

Диолан парировал, но вес Истребителя выкинул его из седла, и оба врезались в кучу мертвецов. Грязная борода Огнеубийцы и вонь несвежего пива заполнили ноздри Диолана. Нападавший бессвязно ревел ему в лицо.

Затем Огнеубийца исчез, сменившись жестоким штормом и носом корабля, нависшего над ним. Чудесная сила пронеслась сквозь Диолана, и он поднялся на ноги, схватив воющего Истребителя за шею, и крепко сжал хватку.

Раздался сухой хруст, когда Диолан сдавил горло нападавшему. Бой возобновился, и он увидел лицо Огнеубийцы, находившееся в дюйме от его лица, на котором расплывалась злобная ухмылка. Только через мгновение Диолан понял, что Огнеубийца мертв: его ноги болтались над землей, а голова свисала под неестественным углом. Отшвырнув труп, Диолан огляделся, поднял меч, ожидая нового нападения. Рядом были только траллы намарти. Они образовали вокруг него круг и сдерживали толпу Огнеубийц. У него не было времени пытаться понять, что с ним происходит. У него образовалась связь с Эйдолоном, но она скорее помогала ему, чем мешала, поэтому он не стал больше мучиться этим вопросом. Оглянувшись в поисках своего скакуна, он увидел, что в нескольких футах от него стоит глубоководный, который рвется к группе Огнеубийц, пытаясь пронзить их рогом, торчащим из его лба. Он бросился на помощь твари, срубив напавшего дуардина, вскочил в седло и окинул взглядом поле боя.

Диолан ожидал увидеть победу. Когда он в последний раз смотрел на поле боя, Тхаллакром как раз вызывал бурю, чтобы сокрушить врагов. Но буря исчезла. Тхаллакром по-прежнему стоял на том же месте, окруженный дворянами верхом на угрях, но теперь старый жрец был охвачен пламенем. Это был не обычный огонь. Подъехав ближе, Диолан увидел, что у пламени есть конечности, хвосты и когти, и оно пожирает Таллакрома. Они были похожи на бескрылых драконов и обвивались вокруг жреца.

Таллакром завывал и размахивал посохом, пытаясь отбиться от них.

'Нет', - прошептал Диолан. 'Этого не должно случиться'. Если бы Таллакром погиб, все это было бы напрасно. Колдовство, дававшее Эйдолону жизнь, исходило от Таллакрёма. Если бы он умер, Эйдолон был бы уничтожен.

Диолан проследил за огненными линиями до их источника - Огнеубийцы, одетого в чешуйчатый плащ и богато украшенный трехгребневый шлем с маской, полностью закрывавшей лицо. В одной руке он сжимал топор с жаровней, но пламя исходило от руны, которую он сжимал в другой руке. Диолан скакал со всей возможной скоростью и яростью, шепча проклятия, проносясь над полем боя. Скача, он снова увидел разбушевавшееся море, но на этот раз оно наложилось на битву за Караг-Варр, слившись в сплошной поток волн и набегающих боевых линий.

Я С ТОБОЙ.

Голос Эйдолона придал Диолану такой прилив сил, что он привстал в седле, держа меч наперевес, пока глубоководный мчал его к Огнеубийце в маске. Когда он поднял меч, волны от его видения превратились в волны Караг-Варра. Колдовство, которым владел Таллакром, теперь лилось из Диолана, и он, используя лишь свою волю, направил его на Огнеубийцу.

Раздался раскат грома, когда эфирный шторм столкнулся с Огнеубийцей в маске. В результате столкновения поднялся столб воды, и по площади прокатилась дрожь, заставляя спотыкаться и падать как аэльфов, так и дуардин.

Блики были настолько яркими, что на несколько секунд Диолан ослеп, доверившись инстинктам глубоководного. Когда зрение прояснилось, он позволил себе улыбнуться. Огнеубийца в маске был мертв, его тело было разорвано, а руна, выбитая из его руки, лежала без движения в нескольких футах от него. Окружающие Огнеубийцы уже вскочили на ноги, слишком пьяные, чтобы осознать потерю своего жреца, и снова бросились на ряды аэльфов, но Диолан почувствовал, что битва склоняется в его пользу. Сила Эйдолона была внутри него. Он нес в себе духов Дромлеха. Он мог использовать своих умерших предков, как

оружие. Воспоминание о хоррилеуме напомнило ему о Таллакром, и он повернул своего скакуна прочь от вражеских рядов в поисках жреца.

Тхаллакрома не было видно, но тут Диолан заметил других жрецов Ишаранн, собравшихся у ног статуи возле крепостной стены, и он догадался, что именно там он его и найдет.

'Что вы сделали?' - прошептал Таллакром, пытаясь сесть, когда увидел, что его король скачет к нему. 'Вы не из Ишаранн. Как это стало возможным? Как вы овладели эфирным морем?'

Диолан соскочил с глубоководного и бросился к Таллакрому, помогая тому встать. 'Эйдолон во мне, Тхаллакром. Он говорит со мной. Он действует через меня'.

Таллакром уставился на него в недоумении. 'Да,' проворчал он. 'Я чувствую это. Вы как-то связаны'. Он обхватил плечи Диолана. 'Это невероятно. Вы можете использовать силу Эйдолона против них. Огненные фокусы не спасут их'.

Диолан покачал головой. 'Я не знаю, как. Я не Ишаранн, как ты. Я не заклинатель приливов. Я не умею управлять такой силой'.

Таллакром задумался на мгновение, пока вокруг них бушевала битва. Возможно, тебе это и не нужно.

'Что ты имеешь ввиду?'

'Возможно, мы все делаем неправильно. Мы тратим столько жизней, пытаясь взять эту крепость. Я уверен, что в конце концов нам это удастся, но что останется от нас, когда мы это сделаем? Половина жителей Дхруим-Урлара погибнет. Как мы сможем покорить эти земли, если пожертвуем всей нашей армией, пытаясь захватить Готрека Гурниссона?'

"Но нам нужен Готрек. Принести его в жертву и забрать его душу - единственный способ избавиться от проклятия. Не так ли?'

'Верно. Но неужели для этого нам нужно побороть всю армию Огнеубийц?' Он наклонился к Диолану, стараясь, чтобы его услышали в грохоте битвы.

'Сила Эйдолона в вас. И я могу использовать ее. Если мы сможем подвести вас поближе к Готреку, я смогу использовать мощь Эйдолона, чтобы перенаправить Готрека в Дхруим-Урлар. Нам не нужно будет

завоевывать всю эту крепость. Мы можем просто использовать силу Эйдолона, чтобы захватить Огнеубийцу. Тогда, когда мы принесем его в жертву, и у нас будет армия дворян с полной душой", - его глаза вспыхнули, - "мы будем неостановимы".

'Но Эйдолон еще не родился. Безопасно ли так истощать его силу?'

'Это отбросит нас на несколько дней назад, а может, и больше. Но если нам не удастся захватить Готрека Гурниссона, то от Эйдолона все равно не будет никакого толку".

Диолан все еще видел проблески призрачного моря, наложенного на битву. Все было жидким и подвижным. Даже лицо Таллакрома было трудно было разглядеть. Но в голосе жреца слышалась убежденность. Он не был уверен, что понимает все, что говорит Таллакром, но полностью ему доверял. Он огляделся, пытаясь сфокусироваться на окружающей обстановке. Их окружил батальон лучших гвардейцев, которые с молчаливым изяществом сражались, сдерживая берсеркеров-огнеубийц, пытавшихся добраться до Диолана и Таллакрома. "Очень хорошо", - сказал он. Если мы возьмем этих стражников, то сможем пробиться к Готреку. Я планировал использовать их против короля Огнеубийц, чтобы обезглавить их армию, но мы можем использовать их, чтобы добраться до Готрека. Дуардины настолько невменяемы, что вряд ли они заметят, как мы движемся к конкретной цели. И, судя по тому, что я видел Готрека, даже если он и заметит нас, то будет рад возможности подобраться к нам". Он посмотрел на страдальческое выражение лица Таллакрома. 'Но ты должен остаться здесь. Мы не можем рисковать, теряя тебя. Без тебя все это будет напрасно".

Таллакром покачал головой. Я должен быть с вами, когда вы доберетесь до Готрека. Я должен быть рядом, чтобы совершить обряд".

Диолан вскочил в седло и, подхватив Таллакрома, втащил его на глубоководного. Ахелиан!" - крикнул он, и идонетские вельможи сгруппировались и собрались вокруг него, их скакуны взвились на дыбы. 'Судьба Дромлеха в наших руках! И судьба самих Владений. Я должен пересечь это поле битвы. И что бы ни бросили в нас Огнеубийцы, меня не должны остановить".

"За Дхруим-Урлара!" - крикнули воины, поднимая свои вольтовые копья и пуская сквозь туман искры электричества.

"За Дхруим-Урлар!" - прорычал Дьолан. Затем он привел в движение глубоководного, посылая его обратно в бой.

Стражники выстроились в клин вокруг него, не заботясь о том, кого отбросить в сторону. Один из них поднял рог и издал длинную торжественную ноту, и кровь Диолана забурлила в ответ. Он орудовал своим фальшильоном на ходу, но не поддавался охватившему его пылу. Он был полон решимости каждым ударом и выпадом показать разницу между Дромлех и дикостью низших рас.

Он заметил Готрека, сражавшегося у ворот, выходивших на площадь, но даже тогда он сохранял спокойствие, и холодным четким приказом направил своих стражников в ту сторону. Готрек уже наполовину поднялся по ступеням, ведущим на крепостную стену, и, рыча, как зверь, пинал и рубил траллов намарти. Вокруг него лежала куча тел аэльфов, а толпа Огнеубийц спешила присоединиться к нему, выкрикивая боевые кличи на своем грубом дуардинском языке.

Достичь Готрека означало вклиниться в самую гущу толпы, и когда они достигли центра площади, стражники Диолана погрязли в чашобе топоров и мечей. Трупов было уже так много, что сражающиеся спотыкались о своих павших товарищей, и даже берсеркеры Варрух начали проявлять признаки истощения.

Выбравшись из тупика, Диолан увидел кучи павших аэльфов, доспехи которых были разорваны. Из ран текла кровь, темная и шокирующая на фоне бледной кожи, а аэльфы лежали с пробитыми доспехами и раздробленными конечностями. За все кампании Дромлех он никогда не слышал о подобном о подобной ужасающей бойне. И многие из погибших были полными душами. Те драгоценные, благородные личности, которыми так редко одаривали матери Идонет. 'Это должно сработать', - прошептал он.

"Так и будет", - прохрипел Таллакром. Он говорил так, словно ему было трудно дышать, но в его голосе не было и тени сомнения. 'Только доберитесь до Готрека. Как только мы притащим его в Дхруим-Урлар, все прекратится. Я вызову эфирный прилив. Я перенесу наши батальоны домой. Только доберитесь до Готрека'.

Диолан устался на груды мертвецов, и решимость сдавила его живот. Он дернул поводья и, оставив своих охранников, выскочил из давки и помчался к стене, где Готрек расправлялся с траллами.

Глубоководного повело влево, едва не выкинув наездника из седла. По лицу Диолана разлился жар, когда магма пронеслась по воздуху, промахнувшись мимо него на несколько дюймов благодаря инстинктам существа. Он поднял щит, чтобы отразить второй шквал. Глубоководный закричал от боли, пытаясь подняться. Затем забил хвостом и повернулся лицом к ряду Огнеубийц. Они выглядели такими же пьяными, как и берсеркеры, но вместо топоров они держали пики, от которых шел дым.

'У вашего народа был шанс!' - рявкнул Диолан, направив на них свой фашильон. 'А вы подвели Владения!'

Огнеубийцы не подали вида, что поняли его, и снова приготовились стрелять.

Таллакром прохрипел заклинание и ткнул в них клыком нарвала. Столб пены поднялся над грудями мертвых, подняв и отбросив Огнеубийц. Падая, они стреляли, но магма бесполезно извергалась в пену.

Диолан с проклятием поскакал на них, и, когда они снова упали на трупы, он отправил Огнеубийц к их предкам, снеся им головы шквалом идеально нанесенных ударов. Затем он снова натянул поводья и повернулся лицом к Готреку, продолжавшему сражаться.

Навстречу ему с криками и метанием топоров неслись Огнеубийцы. Готрек был всего в нескольких шагах от него, но скакун Диолана был тяжело ранен. Огнеубийцы прожгли дыры в его боках, и он, задыхаясь, плыл вперед, с трудом передвигаясь.

'Вы должны настичь его!' - сказал Таллакром, но чем сильнее Диолан дергал поводья, тем сильнее упирался его глубоководный.

Оглушительный гул потряс площадь, подобно сейсмическим толчкам, и куски стены со свистом посыпались вниз, врезаясь в здания и воинов. Воздух был настолько плотным, что Диолану потребовалось мгновение, чтобы определить источник взрыва. На площадь ворвалась харибда - огромный пятиглавый змей, который несясь сквозь битву, пожирая как аэльфов, так и дуардин.

Огнеубийцы в бешенстве прокладывали себе путь в толпе. 'Таллакром!' – крикнул Диолан. 'Оно атакует наши собственные войска. Что происходит?'

Таллакром уставился на взбешенное чудовище. 'Это потому, что мои силы угасают, ваше высочество. И если я потрачу то небольшое, что у меня осталось, на усмирение харибды, я буду слишком слаб, чтобы захватить Готрека Гурниссона'.

Диолан нахмурился, глядя на левиафана, сеющего хаос. 'От нас ничего не останется, если не усмирить эту тварь'.

'Тогда действуйте быстро. Достигните Готрека, и мы сможем покончить с этим. Нам нужен только он'.

Истребитель все еще пополнял груды мертвых аэльфов, создавая почти столько же трупов, сколько и харибда.

Диолан пытался ехать дальше, нанося все новые удары мечом, но тут глубоководный издал последний мучительный вой и рухнул на землю, сбросив Диолана и Таллакрома с седла.

Огнеубийцы бросились в атаку, но Диолан отбил их ударами мечей и закричал от досады, увидев, что его окружили. Он звал на помощь, но никого из его воинов рядом не было. Таллакром сражался рядом с ним, используя бивень как копье, все еще пытаясь сохранить остатки своей силы, но вид у него был встревоженный. 'Мы не сможем прорваться через всю армию пешком'.

Холодный ужас грозил захлестнуть Диолана, но он подавил его. 'Я не потерплю поражения', - прохрипел он, делая выпады и нанося удары по Огнеубийцам. 'Я не могу потерпеть неудачу! Он повел Таллакрома на труп глубоководного, чтобы они могли посмотреть поверх голов Огнеубийц. Между ними и Готреком стояли десятки дуардинов, и он никак не мог пробиться сквозь них, но тут он заметил Тургина, находившегося гораздо ближе, и у него возникла идея. Рунный отец был ранен и шел пешком, а рядом с ним было очень мало Огнеубийц. Готрек пробудил рунного отца от его горя, верно?'

Таллакром улыбнулся, увидев Тургина и догадавшись о замысле Диолана. 'Они стали близкими друзьями'.

Раздался еще один громовой раскат, и мимо них пронеслась харибда, извиваясь и подбрасывая воинов в воздух.

Когда чудовище пролетело мимо, Диолан кивнул Таллакрому: "Посмотрим, сможем ли мы привлечь внимание Готрека".

.....

Маленет отпрыгнула в сторону, когда на нее обрушился участок стены, разбросав по земле металл и камень. 'Что это, во имя Кхайна?' - ругнулась она, выбираясь из-под обломков.

Готрек стоял на ней, балансируя на ступеньках, оторвавшихся от стены. На мгновение он неуверенно покачнулся, а затем, когда ступени расступились, с ревом и хохотом нырнул в бой. Тела летели во все стороны. Готрек шел к Маленет, рубя и нанося удары. Добравшись до нее, он перевел дух и с усмешкой посмотрел на разбежавшихся вокруг него аэльфов, хромавших, истекавших кровью и хватавших оружие с земли. 'Мы поймали их на бегу, девчуля', - прорычал он, жонглируя топором из одной руки в другую, и был так счастлив, каким она его никогда не видела.

Маленет оглядела сражение. Во всех направлениях лежали кучи трупов, как аэльфов, так и дуардин. 'По-моему, это не похоже на победу', - сказала она.

"Чушь! Готрек ударил головой ближайшего аэльфа и вонзил свой топор в другого. 'Мы перебьем их всех.'

'Перебьете аэльфов.' Маленет покачала головой, заколов ножом еще одного воина. Ее жажда крови начала угасать. 'Убиваем воинов с которыми мы могли бы сражаться вместе против армий Хаоса'.

Готрек хмуро смотрел на нее. Затем он что-то заметил и протиснулся мимо нее, и забрался на обломки. 'Нет, чертов выродок, ты не сделаешь этого', - пробормотал он, побледнев лицом.

'Что такое?' - спросила Маленет, вскакивая рядом с ним. Недалеко от того места, где они стояли, в битве образовалась просека - дорожка из трупов, образовавшаяся после прохода харибды. В одиночестве, борясь за свою жизнь, стоял Тургин. Рунный отец был отрезан от своих очаговых стражей, и король Идонет обрушил на него шквал ударов мечом. Тургин зажимал рану в боку и с трудом удерживал топор одной рукой. Он

проклинал аэльфийского короля, кричал на него, но силы его иссякали, удары становились слабее с каждым взмахом.

Король аэльфов сделал паузу и посмотрел прямо на Готрека, одарив его холодной улыбкой. Затем он пронзил мечом шею Тургина. Голова рунного отца пронеслась по воздуху, оставив безголовый труп падать.

'Нет!' - заревел Готрек, соскочил с груды обломков и бросился в бой, прямо на короля Идонет. Маленет изо всех сил старалась не отставать, пробиваясь вперед и рыча на убийцу Тургина. - 'Ты заплатишь за это!' - закричал Готрек срывающимся голосом. - 'Клянусь Вечным Пиком, я клянусь в этом!'

Маленет не сомневалась, что Готрек прав. Истребитель теперь больше напоминал зверя, чем дуардина, разрывая и пробивая себе путь сквозь аэльфов. И тут она заметила нечто тревожное. Когда Готрек мчался к королю Идонет, эльф совершенно спокойно ждал его. Вместо того чтобы готовиться к защите, он бесстрастно опирался на рукоять меча и с веселым презрением наблюдал за тем, как кровь Тургина растекается по его ногам. Затем Маленет заметил хрупкую, сгорбленную фигуру у него под боком. Колдун указывал руной на Готрека и что-то быстро говорил. Пока он говорил, буря раздувалась, крутилась над головой и выхватывала из земли трупы, устремляясь к Истребителю.

'Подожди!' - крикнула она, но Готрек никак не мог ее услышать. Он продолжал пробиваться сквозь толпу, и уже почти добрался до короля Идонет.

Маленет завывала, охваченная ужасом: буря разрасталась, погружая сражение во тьму и заставляя воинов врезаться друг в друга.

'Готрек!' - снова закричала она, когда Истребитель достиг короля, но в этот момент буря разразилась с такой силой, что ее подняло на ноги и подхватило огромной волной. Покачиваясь и ругаясь, она столкнулась лицом к лицу с левиафаном. Гигантский морской змей мчался к ней, широко раскрыв все пять похожих на пещеры пастьей.

ГЛАВА 32

Маленет лежала в темноте, слегка покачиваясь взад-вперед. Она не была воспитана в духе безделья и не ценила роскошь, но она была измучена, и тело ее было так побито, что она с благодарностью опустила на подушки и вытянула усталые конечности, шепча молитву Кхайну, благодаря его за эту необычную минуту передышки. Но пока она лежала, наслаждаясь покоем, ее охватило чувство тревоги. Почему пол движется? Она отмахнулась от ощущения спокойствия. Это была ложь. Так и должно быть. Она открыла глаза, но это ничего не изменило. Она была в полной темноте. Она не могла припомнить, чтобы в ее комнате в Караг-Варре было так темно. Там всегда было inferнальное сияние, просачивающееся сквозь стены и под дверь. По всему магмохранилищу тянулись лавовые жилы. Мысль о лаве заставила ее осознать еще кое-что: воздух здесь был не печным, а прохладным и влажным. Она задумалась, пытаясь вспомнить, чем занималась до того, как удалилась в свою комнату. Вспомнила победный пир и свое решение оставить Готрека... А потом все вернулось: вторжение Идонет и последующая резня, а затем, ахнув, она вспомнила, как пыталась спасти Готрека, как бросилась за ним, когда он напал на короля Идонет.

'Значит, не умерла', - хрипло сказал Истребитель.

Темнота была слишком глубокой, чтобы она могла разглядеть его громоздкую фигуру, но его слова доносились совсем рядом. В его голосе слышался странный хрип, и она поняла, что он тоже был ранен.

'Не умерла', - согласилась она, приподнимаясь. И, почему-то, на этот раз я помню Идонет. Я помню битву. Интересно, почему?" Пошевелившись, она поняла, что лежит не на подушках, а на сетке из блестящих черных нитей. Весь пол состоял из сегментированных червей.

Они были холодными и покрытыми липкой субстанцией, а некоторые из них прикреплялись к ее коже, издавая сосущие звуки. "Пиявки!" - шипела она, срывая их. Из кожи в местах прикрепления червей хлынула свежая кровь.

'Где мы?' - спросила она, хотя, по правде говоря, не была уверена, что хочет это знать. В комнате стоял ужасный запах, не похожий на ту вонь, которая обычно окружала Готрека. Пахло палеными волосами.

Готрек сменил позицию, пробираясь через пиявок к ней. От руны на его груди исходило слабое свечение, и она начала различать его лицо. Он выглядел разъяренным, и Маленет сразу же узнала каменное выражение его глаз. Он был в одном из своих чернейших настроений. Длинные, пухлые пиявки свисали с его груди и рук, жадно питаясь, но ему, казалось, было все равно.

Где мы?" - повторяла она, с ужасом оглядываясь по сторонам. Здесь было так много извивающихся червей, что казалось, будто она находится в чане с бурлящим маслом.

Готрек ответил ровным тоном. 'Съедены'.

'Съедены?' Она посмотрела на пиявок. 'О чем ты говоришь?'

Он проигнорировал ее, пробормотав что-то неразборчивое в темноте.

'Готрек!' она огрызнулась. - Что, во имя богов, ты имеешь в виду, говоря "съедены"?

Он пожал плечами. "Последнее, что я видел, был большой морской змей со слишком большим количеством голов. Большой, как городской дом. Я уже собирался разбить ему череп, когда все вокруг потемнело". Он кивнул на волнистый пол. 'Это, наверное, его кишки. Наверное, он и пиявок съел'.

Маленет прошла с Истребителем через все мыслимые виды ада, она видела такое, что и в кошмарном сне не могла представить, но услышать от него беспечное заявление о том, что их съели, было достаточно, чтобы ей захотелось закричать. Она сдержала это желание и постаралась соответствовать его невозмутимому тону. 'Значит, теперь ты просто сидишь здесь и ждешь, пока тебя переварят, так что ли?'

На мгновение он замолчал. Затем его губы скривились в страшном оскале. 'Я разорву его на части', - прорычал он. Клянусь, я заставлю его заплатить".

Маленет без труда догадалась, о ком идет речь. Она видела благородного Идонет, который зарубил Тургина. И видела взгляд Готрека, когда это произошло. 'И как же ты собираешься отомстить за рунного отца, - спросила она, - если тебя переварили?'

Наступило долгое молчание.

'Черт бы тебя побрал!' - ругнулась она, выковыривая червей из сапог. 'Ты сказал, что спасся из Владения Хаоса и уничтожил целый мир - так неужели ты не сможешь вырваться из рыбы?'

'Попытайся.'

Она похлопала по поясу и, к своему ужасу, обнаружила, что ножей нет. Затем она поняла, что топор Готрека тоже пропал. 'Черт возьми', - пробормотала она. Затем она пожала плечами. 'Неважно. Я вытащу нас отсюда. Это будет не первый раз когда я вытаскиваю нас из передрыги'. Она встала. Только поднявшись на ноги, она поняла, сколько травм она получила, пытаясь добраться до Готрека. У нее была тошнота и легкое головокружение, и каждый сантиметр ее тела, казалось, был в синяках или кровоточил. Она не дала Готреку понять, что ей тяжело, и осторожно прошла мимо него, ища стену. Она почувствовала, что земля изгибается вверх, и поняла, что они находятся в сферической камере шириной около тридцати шагов. Она подняла ногу, собираясь стукнуть ею по полу.

- Подожди, - вздохнул Готрек. - Не надо.

- О чем ты говоришь?

- Не дави их. Я уже пробовал. Он сменил позу, и в его груди вспыхнул свет, осветив половину его лица. Он выглядел ужасно – таким же чудовищем, как и все, что мог вызвать Идонет. Его резали и обжигали так много раз, что казалось, будто он был вырезан из гнилого дерева. Многие раны были старыми, но на его щеке виднелись свежие ожоги, а из ноздрей пузырилась кровь. Мышцы на его челюсти подергивались, а лицо приобрело нездоровый серый оттенок. Он выглядел так, словно ему было трудно встать. Он уставился на нее своим единственным здоровым глазом. 'Если ты попробуешь ударить этих пиявок, тебя ударит шоком.'

'Меня уже мало что способно шокировать.'

'Нет, настоящий шок, электричество. Я пытался. Взрывной волной меня отбросило футов на десять. Когда я пришел в себя, мои зубы стучали, и от меня пахло, как от подгоревшей свиньи.'

'О, так это *ты* воняешь палеными волосами. Вместо несвежего пива". Она опустилась на колени и посмотрела на массу свернувшихся червей. "Что они такое?'

'Только не бей их, черт возьми'.

Она посмотрела на него с недоверием. 'Так вот оно что? Готрек, сын Гурни, тан Вечной горы и истребитель канализационных крыс, наконец-то признал свое поражение, побежден червями и переварен рыбой. Мне выпала честь стать свидетелем "достойной гибели", о которой ты так много говорил. Если бы ты сказал мне, что стремишься стать кормом для рыб, я бы давно помогла тебе".

'Я думаю,' прорычал Готрек. 'Или, по крайней мере, думал, пока ты не проснулась и не начала болтать.'

Гнев Маленет нарастал с каждым мгновением. Она злилась больше на себя, чем на Готрека. У нее был шанс уйти от него, и она его упустила. И вот теперь она снова оказалась в ловушке вместе с ним, когда он погрузился в очередную бесконечную думу. 'Думать - не самая сильная твоя сторона, не так ли? Если ты думаешь, что я буду сидеть здесь и слушать рассказы о твоих славных днях в Нульндорфе, то ты ошибаешься". Она махнула кулаком. 'Я ухожу отсюда'

'Нет!' - рыкнул Готрек, бросаясь к ней, но было уже поздно. Ярко вспыхнул голубой свет, когда Маленет ударилась о покрытую пиявками стену, а затем резкая боль пронзила её руки и грудь, отбросив назад через всю комнату.

Когда через мгновение она пришла в себя, в комнате снова было темно, хотя казалось, что все ее тело горело. Ощущения были такие, будто ее кожу окунули в кислоту, а сердце делало что-то очень тревожное: билось и замирало с такой силой, что казалось, будто ломает ей ребра. Запах гари теперь стал почти невыносимым, и она почувствовала, как все новые и новые черви заползают на ее руки и присасываются к коже.

'Все еще не умерла', - сказал Готрек, похоже, с некоторым удивлением.

'Все еще не умерла", - ответила она, но в ее голосе теперь звучал тот же хрип, что и у него. *Все ближе и ближе*, подумала она, ощущая все больше червей. Она ожидала, что Готрек будет ругать ее за то, что она проигнорировала его предупреждение, но он сказал то, чего она не ожидала, и сказал тоном, которого она не смогла понять.

'Куда бы ты пошла?'

Она приподнялась на локтях, задыхаясь от боли. "Если бы мне удалось выбраться отсюда?"

'Нет, когда ты ушла с победного пира в Караг-Варре - когда ты решила оставить меня'.

Она сидела в темноте, не видя его. Злился ли он на нее? Волновало ли его то, что она собиралась оставить его? 'Я не думала, что ты осознаешь это. Ты казался поглощен своей крысиной историей'.

'О скавенах.'

'О скавенах.' Она села и тут же пожалела об этом. Ее сердцебиение стало еще более нестабильным, а в висках запульсировала острая боль. 'Черт возьми', - пробормотала она. Я при смерти. Эта мысль повергла ее в ужас: не потому, что она боялась смерти, а потому, что ей была противна мысль о том, что ее убьет то, что пережил Готрек. Она старалась не выдать своей боли, ломая голову в поисках способа исцелиться. К ее доспехам были прикреплены различные флаконы, но ни в одном из них не было лекарств - только яды, токсины и галлюциногены. Сердце то бешено стучало, то замирало, то едва трепыхалось. Боль в голове стала еще сильнее, и она с трудом пыталась сосредоточиться на происходящем; ей казалось, что она снова погружается в сон.

'Маленет?' - сказал Готрек, но она едва слышала его.

Сделай что-нибудь, идиотка, - шипела ее бывшая госпожа, толчками возвращая Маленет с грани бессознательного состояния. *Я не допущу, чтобы этот желудок стал моим вечным пристанищем.*

'Проклятие Корра', - простонала Маленет, доставая с пояса флакон. В нем содержался яд, предназначенный для постепенной остановки сердца жертвы, но она смутно помнила, что в разбавленном виде его можно использовать и для простой остановки сердца. Она не была уверена, что помнит правильно, но, когда до смерти оставались считанные мгновения, риск был оправдан. Она взяла флягу с водой, налила в нее каплю яда и выпила. Ничего не произошло. Сердце продолжало скакать, а боль в голове усиливалась. 'Я не умру!' - закричала она, шатко поднимаясь на ноги и ударяя себя в грудь. Она не могла сказать, от чего это произошло - от удара или от яда, но сердце в последний раз пропустило удар, а затем вновь забило ровно. Боль ослабла, и сонливость покинула ее.

Вместо облегчения Маленет почувствовала новый прилив гнева. 'Я не знаю, куда бы я пошла', - крикнула она, обращаясь туда, где, по ее мнению, находился Готрек. 'Кроме того, мне нужно было уйти от тебя'.

'Что тебя остановило?'

'Проклятые Идонет. Я успела дойти до стен, прежде чем они напали". Она осторожно оторвала несколько пиявок и, задышав, села рядом с Истребителем. Она размышляла над его вопросом. По правде говоря, она раньше не задумывалась о том, куда ей идти, когда она сбежит из Караг-Варра. 'Полагаю, что искала бы кого-нибудь из своих сородичей'.

'Поклонников Сигмара?'

'Нет. Орден Азира, вероятно, жаждет моей крови. Благодаря тебе. Из-за того, что ты отказался прийти в Азир и передать руну, я буду считаться испорченной'.

Потому что ты убила того охотника на ведьм, ты хочешь сказать, - сказала ее бывшая госпожа, но Маленет проигнорировала ее.

'Не стоит показываться на глаза в цитаделях сигмаритов или в одном из Вольных городов,' - продолжала она. 'Нет, под своими сородичами я имела в виду кхайнитов - аэльфов, поклявшихся служить Богу Убийств. Ковен сестер. Я могла бы вступить в боевой ковен". Она пожала плечами. А может быть, мне пора отправиться в паломничество в Первый Храм, в Хагг-Нар, где Верховный Оракул Морати основала сестринство. '

'И что бы ты там делала?'

Я бы занял свое место в храме, служа Кхайну. Я приносила бы ему кровавые дары и служила бы храму. Я бы исполняла...'

'Ты бы выступала', - прервал его Готрек. 'Звучит примерно так. Гарцующая под управлением кукловода обезьянка, как те болванчики в Караг-Вире'.

'Я буду служить своему богу', - прорычала Маленет. 'Со всем умением и силой, на которые я способна". Она попыталась вспомнить мантры, которые выучила в юности в азириновых храмах Убийств. 'В моей руке сила и мощь', - сказала она, удивляясь тому, как трудно было вспомнить эти слова. 'Никто не может противостоять мне. По воле Кхайна я буду купаться в крови своих врагов'.

'Ты будешь служить своему богу, - сказал Готрек. А потом, когда убийство будет совершено, ты умрешь'.

Маленет услышала горечь в его голосе. 'Да,' ответила она. 'Когда придет время, я умру. И когда я умру, я буду знать, что хорошо служила Кхайну. И этого будет достаточно'. Произнося эти слова, она слышала ложь. Она вспомнила, что чувствовала всего несколько минут назад, когда ее сердце вот-вот должно было остановиться. К своей досаде, она поняла, что не верит в то, что говорит. В тот момент, когда смерть готова была забрать ее, она не чувствовала ни покоя, ни гордости, только ярость.

'Что-то ты не очень уверена', - сказал Готрек.

'Кто же радуется смерти? Ты?'

Он сделал паузу, обдумывая ее вопрос. 'Да. Я стремился к этому так долго, что это было единственное, о чем я мог думать. Я думал, что это единственный способ искупить вину. После того, что я сделал с теми...' - Он запнулся. 'Но я ошибался. Достойной смерти недостаточно. Достойная жизнь - вот что важно. Я ошибался так много раз. Я попался на ту же ложь, что и ты. Но еще не поздно. Я не знаю, судьба ли это или удача, но у меня есть еще один шанс. Шанс сделать что-то стоящее'. Его голос опустился еще ниже. 'Теперь я имею на это право. Я - старый дурак, но понял одно: я не могу говорить себе, что кто-то *другой* все уладит. Именно такие, как мы, все и исправят. Не славное божество в облаках, не громогласный дикарь в Азире - а мы. Ты можешь сколько угодно вываливать кишки за Кхайна, Маленет, но клянусь тебе, что когда ты умрешь, Владения будут в таком же беспорядке, в каком они и были, когда ты родилась. Если только мы не сделаем что-нибудь'.

'Твоя самонадеянность поражает', - рассмеялась она. Ты действительно веришь, что можешь навести порядок во Владениях, когда даже боги не могут этого сделать? Это безумие. Признаю, ты обладаешь силой, которую я не могу понять, но ты - не божество. Ты не так уж сильно отличаешься от любого другого смертного. Тебе еще нужно понять свое место. Единственное, что имеет значение, - это вера и преданность. Отдавать дань уважения высшим силам'.

'Нет. Это не то, что важно. Даже близко нет. Главное - не сдаваться. Важно найти истину даже в безумии и держаться за нее, бороться за нее, даже когда нет шансов на победу. Решимость, мужество, честь, верность

и дружба". Он повернулся к ней лицом, в его глазах вспыхнули угли. Да, чертова дружба. Это важно. Это имеет значение.'

Маленет поняла, что, как ни странно, он *сердится* на нее за то, что она его бросила. Она почувствовала смущающую смесь презрения и гордости, что это еще больше разъярило ее. 'Выжить', - прошипела она. 'В конце концов, это все, что имеет значение.'

'*Никто* не выживает. В этом вся чертова суть. В конце концов, мы умрем. Каждый из нас. Мы здесь на миг, а потом нас не станет'. Готрек раздвинул пальцы и посмотрел на свои ладони. 'Но в этот миг мы обладаем силой. Не боги, а ты и я. Мы можем все изменить. И любой, кто утверждает обратное - трус'.

Маленет задрожала от гнева. 'Я не трусиха, Готрек Гурниссон. Я просто знаю, что имеет значение и что действительно важно'.

'Ты важна'. Готрек окинул ее взглядом, полным язвительного презрения. 'И ты даже не подозреваешь об этом. Ты думаешь, что ты служка бога. Чертов придаток. Но ты не обязана быть тем, кем тебя величают жрецы. Ты не просто кусочек Кхайна. Разве ты не видишь? У тебя есть свои мысли. Собственная сила. Собственный разум. Собственное прошлое. Ты не обязана быть рабом какого бы то ни было бога, который на тебя претендует'.

'Вера - это не рабство!' Ее ладони чесались от желания схватиться за ножи. 'Ты просто слишком примитивен, чтобы понимать что-то кроме пива, еды и сражений. И если ты хочешь, чтобы я преподала тебе урок...'

Ее прервал скрежещущий звук, похожий на скрежет металлических пластин друг о друга. Затем они оба выругались, когда на них хлынул свет. После столь долгого пребывания в темноте свет резал глаза, и они отступили назад, прикрывая лица.

'Рыба открывает пасть', - сказал Готрек. Он медленно встал, морщась и бормоча, пиявки отваливались от его мышц. 'Это наш шанс'.

ГЛАВА 33

‘Приготовься’, - сказал Готрек, когда свет стал ярче. – ‘Мы сможем покинуть рыбий желудок и вернуться в Караг-Варр. Тогда я смогу найти этого кровожадного короля элги и разрвать его...’

Вы находитесь в Дхруим-Урларе, - произнес голос с сильным акцентом.

Когда зрение Маленет адаптировалось к свету, она увидела ряд стройных фигур, стоящих в дальнем конце комнаты, похожей на стену из клинков.

‘Что за дьявольщина?’ - прорычал Готрек, гримасничая и спотыкаясь о червей.

‘Это король Диолан из Дхруим-Урлара’, - ответил голос. ‘Монарх анклава Дромлех и суверенный хранитель впадины Фаллох’.

Теперь Маленет могла видеть все отчетливо. По ту сторону клинков стояли десятки эльфов. Тот, кто обратился к ним, был сурового вида жрецом, который, что необычно для эльфа, выглядел старым. Все эльфы были долгожителями, их жизнь часто длилась столетиями, но этот жрец выглядел как живое ископаемое. Кожа на его лице была натянута так туго, что обнажила все контуры черепа, а руки, опирающиеся на посох, были бледными и узловатыми, как выброшенная на берег коряга. Маленет узнала его в битве. Это был колдун, вызвавший магические приливы в Караг-Варр. Он излучал силу и власть и изучал Готрека так, словно тот был чем-то неприятным, что он нашел во время еды. ‘Я не знаю, где как ты думаешь находишься’, - продолжал он, - ‘но ты находишься в подземных залах Пещеры Разрушения, под улицами столицы Дромлеха, Дхруим-Урлар’.

Готрек сжал руки в кулаки. Он не обращал внимания на жреца, его яростный взгляд был прикован к высокому, крепко сложенному аэльфу рядом с ним. ‘Король, да?’ Он с усмешкой посмотрел на тяжелые пластинчатые доспехи Диолана и великолепно выгравированный шлем. ‘Поэтому ты решил, что имеешь право убить Тургина?’

Диолан изучал Готрека по всей длине, но ничего не ответил.

‘Он был их рунным отцом’, - прорычал Готрек. ‘И моим другом. Я поклялся отомстить за него, так что очень удобно, что ты явился сюда, одетый во все эти красивые раковины. Это избавляет меня от

необходимости выслеживать тебя". Он осторожно подошел к стене из клинков и откинулся назад, готовясь ударить по ней.

'Возможно, тебе стоит передумать, - сказал Таллакром, глядя на извивающихся существ на полу. 'Пиявки Иомралла, может быть, и невелики, но несут в себе внушительный заряд. Смертельный, если их разозлить". Он указал жестом на ряд клинков, отделявших аэльфов от их пленников. И их суммарная сила сейчас направляется через этот коралл". Он посмотрел на Готрека с необычной готовностью. Ты - уникальный экземпляр. Уникальная душа. Возможно, ты и будешь достаточно силен, чтобы сломать несколько отростков, но при этом ты получишь огромный ток. И ты никак не сможешь выжить". Он взглянул на Маленет. 'Вы оба.'

Он не повернулся, чтобы посмотреть на нее, но кивнул. 'Ага. У меня тоже'. Маленет заметила, как неловко он держится. Его дыхание было сбивчивым. Она никогда не видела его таким. Он явно испытывал боль, и по его лицу то и дело пробегали мышечные спазмы. Казалось, он вот-вот упадет.

Но вместо того, чтобы упасть, Готрек приблизился к лезвиям, пока его лицо не оказалось в нескольких дюймах от лица аэльфов с другой стороны. 'Выпустите меня', - спокойно сказал он, 'и я только убью вашего короля. Заставьте меня ждать, и я зарублю всех вас".

Таллакром и Диолан посмотрели друг на друга с плохо скрываемым весельем. 'Как ты стал таким?' - спросил Таллакром. "Твоя сила, я имею в виду. Это неестественно, какой бы сильной ни была эта руна. Из какого Владения ты родом? Какова твоя история?"

Готрек усмехнулся. 'Я расскажу тебе свою историю, аэльф: как только я убью твоего короля, я убью тебя. Потом я приступлю к настоящей работе, которую в том числе и твой народ оставил без внимания. Я собираюсь выследить всех убийц, некромантов и демонов, которые когда-либо выползали из-под камня. Я наведу порядок или умру, пытаюсь это сделать".

Таллакром снова выглядел позабавленным, но король Диолан кивнул с серьезным видом. 'В какой-то мере это правда, Готрек Гурниссон. Твоя душа уникальна. И когда через несколько дней мы заберем ее у тебя, она станет катализатором, породившим чудо. Твоя смерть станет искрой, которая зажжет великий огонь. Огонь, который охватит это Владение и

Владения, что лежат за его пределами. Огонь, который отбросит силы, которые ты так презираешь. Я верю, что нам суждено было встретиться, Готрек. Провидение свело нас вместе. Ты сыграешь ключевую роль в окончательной победе Порядка и Разума".

От звука голоса Диолана Готрек дернулся, но сумел взять себя в руки. 'Ты собираешься забрать мою душу?' Он рассмеялся. 'Хотел бы я посмотреть, как ты, черт возьми, попытаешься".

Таллакром покачал головой. 'Ты не увидишь почти ничего из обряда. Для душеизвлечения потребуется твоя смерть. Полагаю, ты еще будешь дышать, когда мы разберем тебя на части. Я видел, как это происходит с такими крепкими экземплярами, как ты. Но обряд начнется только тогда, когда остановится твое сердце".

Готрек уже готов был нанести удар, но Маленет схватил его за руку.

'Они, наверное, лгут', - прорычал он, но, взглянув на корчащиеся под ногами фигуры, Маленет поняла, что он не был уверен.

'Как ты собираешься вывести нас отсюда', - сказал Готрек, - 'чтобы я не оторвал тебе голову?'

'Его высочество просто хотел увидеть тебя и убедиться, что ты цел и невредим. Обряд начнется только через несколько дней. Наши приготовления еще не закончены".

'Что за приготовления?" - спросила Маленет.

'Ничего такого, что ты бы поняла, кхайнитка. 'Мы вызвали Эйдолона Матланна, но он еще не полностью сформирован".

Маленет не поняла, что имел в виду священник, но она знала о Матланне. Это было туманное божество, но она слышала, как оно упоминалось в Азире, в связи с бурями и морем.

'К тому времени, когда мы вернемся за тобой, вряд ли ты сможешь стоять', - сказал Таллакром, глядя на пол. 'Иомраллы всегда голодны. А когда они питаются, то выделяют токсины, которые делают их пищу послушной".

Маленет с отвращением смотрела на пиявок. Так вот почему она чувствовала себя такой измученной'. Аэльфы повернулись, чтобы уйти, и она окликнула их. 'Подождите. Вы не понимаете, что делаете. Я агент

Святого Ордена Азира. Вы должны немедленно освободить меня или рискуете навлечь на себя гнев армий Сигмара".

Большинство аэльфов продолжали уходить, включая короля, но Таллакром остановился и удивленно оглянулся на нее. 'Сигмар? Это имя не имеет здесь никакого значения. Разве оно имеет вес там, откуда ты родом? Здесь это слово означает неудачу и поражение. Сигмар - это иссякшая сила. А вот ты, напротив, интересный экземпляр. Я не собирался приводить тебя в Дхруим-Урлар. Это произошло случайно. Должно быть, ты прикоснулась к Готреку, когда я заманил его в ловушку. Но я не дал стражникам убить тебя. Твоя душа почти такая же необычная, как и его". Он пристально посмотрел на нее. 'Как будто ты - две души в одной. Совсем не похоже на то, с чем я сталкивался раньше".

Он имеет в виду меня, - рассмеялась бывшая госпожа Маленет. *Значит, я спасла тебе жизнь. О, какая ирония. Я спасла жизнь своей убийце.*

'Поэтому мы решили использовать твою душу вместе с духом Готрека, - продолжал Тхаллакром. 'Извлекая твою душу одновременно с его, мы получим еще больше шансов на успех".

Возможно, мы не совсем спаслись.

'Успех в чем?' - спросила она. 'Что такого хорошего в нашей жизненной силе для вас?'

'Мы слишком долго охотились', - сказал Таллакром, глядя вдаль. 'Пришло время править. Поэтому мы заманили Готрека в Караг-Варр".

'Вы заманили меня?' Готрек покачал головой. 'О чем ты говоришь?'

Таллакром улыбнулся, его лицо было полно высокомерия и гордости. 'Мы терзали короля Огнеубийц, пока его разум не был сломлен. Мы заставили Варрух поверить в то, что они прокляты. Они довольно фанатичные верующие, так что сделать это было довольно легко".

"Но как это могло меня заманить?

'Мы изучали тебя с момента битвы с племенами Лунных кланов. Мы знали, что ты будешь обеспокоен судьбой своих братьев и захочешь оказать им помощь. Затем, когда мы привели тебя в нужное место, нам не составило труда доставить тебя сюда".

Готрек скривил губы. 'Вы сделали все это, чтобы заманить меня в ловушку?' Он снова уставился на ряд клинков, сжимая кулаки.

'Ты их не пробьешь', - сказал Таллакром, - 'ты не такой дурак, каким прикидываешься. Я вижу, как ты притворяешься. Ты играешь роль дикаря, но в тебе есть мудрость. Если бы все сложилось по-другому, я бы с удовольствием поговорил с тобой, Готрек Гурниссон'. Он пожал плечами. 'Но судьба распорядилась иначе'. Он уже собирался сказать что-то еще, но потом пожал плечами и направился вслед за другими аэльфами. Мгновение спустя свет погас, и они снова погрузились в темноту, и только слабое свечение из груди Готрека показывало движение пиявок, которые, кувыркаясь, ползли к двум пленникам.

ГЛАВА 34

Маленет кашлянула, отмахнувшись от облака дыма. Последние несколько часов она экспериментировала с ядами, пытаясь найти что-то, что могло бы убить пиявок, не вызвав при этом взрыва. Наконец, она нашла способ сжечь их. Она откопала маленький пузырек с густой жидкостью и, разлив ее небольшое количество по полу камеры, выжгла дорожку, очистив ее от тварей. Жидкости было совсем немного, но она оказалась невероятно мощной. Большинство существ, почуяв опасность, уворачивались, а те, кто не успевал, погибали без вреда, плавясь, а не взрываясь. За долгие кропотливые часы она почти расчистила путь к затону, который заметила в одной из стен. Готрек ничем не помог: он скорчился в дальнем углу комнаты, облепленный пиявками, и что-то бормотал себе под нос. С тех пор как Таллакром сказал ему, что именно он является причиной нападения на Караг-Варр, настроение Истребителя стало еще мрачнее.

'Это безумие', - сказала Маленет, наливая еще одну каплю жидкости из пузырька и производя еще больше дыма. 'Если мы попытаемся выследить короля, мы только подвергнем себя еще большей опасности. Подумай, как тщательно он охраняется. Он, скорее всего, находится в крепости или во дворце. Скорее всего, его окружает половина армии. Ты помнишь, сколько воинов Идонет напало на Караг-Варр? Их были тысячи'.

'Неважно, - пробормотал Готрек. 'Я дал клятву. Я знаю, что для аэльфа это ничего не значит, но для меня это значит все. Я сказал, что отомщу за Тургина и я отомщу, сколько бы элги ни встало на моем пути". Он сжимал и разжимал кулаки. 'А теперь выяснилось, что они убили Тургина только для того, чтобы заполучить меня в свои руки.'

Маленет перестала расчищать дорогу и повернулась к нему лицом. 'Ты заблуждаешься. Даже больше, чем обычно. Неважно, почему они убили его. Неважно, чья это вина. Посмотри на себя. Ты ранен. И не просто немного. Я никогда не видела тебя в таком виде. Мне все равно, что ты думаешь, ты ни за что не справишься со всей армией Идонет".

'Со мной все в порядке', - пробурчал Готрек, вставая и поднимая в воздух кулаки. Он приобрел еще более нездоровый оттенок серого и споткнулся, прежде чем сумел устоять на ногах. Ни одна из его ран не заживала. Из ноздрей все еще текла кровь, на груди и руках виднелось несколько глубоких порезов. Он тяжело сглотнул, скорчив гримасу, и Маленет подумала, что его может вырвать. 'Я держу свое слово, аэльф'. Он ударил по подобию Гримнира на своей груди. Иначе я был бы не лучше проклятых богов.'

Она покачала головой, возвращаясь к своей работе. 'Ты говоришь о том, что хочешь изменить мир к лучшему, а потом сам же увязаешь в этих мелких отмщениях. Ты говоришь о великом, а действуешь мелко".

'Мелкое отмщение?' Готрек, спотыкаясь, подошел к ней, шатаясь, как будто он был все еще пьян. 'Это вопрос чести, ведьма таги. Тургин был их рунным отцом. И он противостоял горю, которое раздавило бы любого другого. Он собирался повести Огнеубийц на войну. Они собирались вернуть себе весь этот участок побережья. И многое другое, я бы сказал. А теперь, благодаря этим рыбьим аэльфам, все это рушится. Я не буду стоять в стороне и не позволю этому случиться".

Она рассмеялась. 'Тургин умер только потому, что ты шатаешься по Владениям, делая себе имя. Ты сам только что сказал об этом. Неужели ты не видишь какую кашу ты заварил?'

'Я не заваривал эту чертову кашу. Это элги, как всегда, со своим ядом и вероломством, извращают вещи, пока они не сломаются и не станут полны злобы. Если таких, как Тургин, можно убивать, никак не заботясь,

значит, ваши Владения действительно обречены. Это не мелкая месть, это противостояние. Это понимание разницы между добром и злом".

Готрек выглядел так, будто мог наброситься на нее, поэтому Маленет быстро сменила тему. 'Посмотри сюда', - сказала она, указывая жестом на фигуру, которую она видела на стене. 'Я думаю, это может быть старая дверь'.

Готрек некоторое время продолжал смотреть на нее, затем взглянул на тлеющую дорожку на полу, впервые заметив, что она делает. 'Что это за колдовство?' - прорычал он, приседая, чтобы посмотреть на обгоревшие останки пиявок.

'Не колдовство,' - ответила она. 'Здравый смысл. Когда мы сражались в Караг-Варре, я кое-что заметила. Когда эти магмадроты истекают кровью, кровь плавит все, на что попадает. Это похоже на смесь крови и лавы'. Она постучала по флакону. 'Поэтому я оставила себе несколько капель. Я подумала, что это может пригодиться'. Она закупорила флакон, очень аккуратно, несмотря на то, что он был уже пуст, и положила его обратно в подсумок на поясе. 'Пока ты хвастался своими клятвами и честью, я искала выход отсюда'. Она кивнула в сторону углубления в стене. Оно было покрыто холодным мокрым лишайником и выглядело так, словно его не открывали веками, но теперь, когда она подошла к нему вплотную, Маленет была уверена, что это дверь.

Готрек собирался сказать что-то пренебрежительное, но потом посмотрел на стену и нахмурился. 'Похоже на дверь, я полагаю'.

Она подняла бровь. 'Подумай о другом. Думай о том, как выбраться из этого места. Это мой совет'. Она снова повернулась к двери и попыталась открыть ее кончиками пальцев. Она почувствовала прилив возбуждения, когда дверь слегка сдвинулась с места, но дальше она не поддавалась, как она ни старалась.

'Дай Истребителю заняться этим, девчуля', - сказал Готрек, проталкиваясь мимо нее и хватаясь за дверь. Он сцепил свои бугристые пальцы по краям и потянул. Его мышцы взбугрились, вены вздулись, но дверь не сдвинулась с места дальше, чем когда пыталась Маленет.'

'У нас мало времени,' - сказала Маленет, оглянувшись. Лавовая кровь остывала, и пиявки возвращались на место. 'Скоро они снова соберутся вокруг двери, и мы не сможем открыть ее, не спровоцировав еще удар'.

'Дай мне минутку', - пробормотал он. 'Я только начал приходить в себя'. Он откинул одну ногу назад, готовясь к новой попытке.

'Осторожно', - прошептала она. Не задень пиявок, когда откроешь".

Он оглянулся на нее через плечо, бросив на нее яростный взгляд, и снова дернул дверь. На этот раз он издал низкий рычащий звук, и руна на его груди запульсировала ярче. Маленет знала, как он ненавидит использовать силу руны, но, несмотря на свою отстраненную манеру, он, очевидно, понимал, как срочно им нужно выбраться из камеры. Пиявки медленно убивали их.

На этот раз дверь издала глубокий стонущий звук, когда ее петли начали работать. Готрек издал почти такой же звук, откинувшись назад, его мышцы напряглись, а тело покрылось потом, несмотря на холод. Затем дверь резко распахнулась.

Маленет почувствовала прилив восторга, увидев в проеме темноту. Ее радость была недолгой, когда она поняла, что темнота - это стена пиявок. Дверь вела в какой-то чулан или кладовку, заваленную этими существами до потолка. 'Не дай им упасть', - охнув, проговорила она, когда пиявки начали медленно падать в камеру. 'Они взорвутся'.

Готрек и Маленет скорчили гримасы, шагнув вперед с вытянутыми руками и обхватив сверкающий поток черных фигур. Их были тысячи, и пока Маленет пыталась облегчить их падение, они медленно поглощали ее, перекатываясь по лицу и голове, проскальзывая под кожей и извиваясь в ушах. Ей хотелось завыть, но даже этого было бы достаточно, чтобы потревожить их, поэтому она лишь застонала от отвращения, когда они перекатились через нее, заполняя камеру.

Готрек начал было говорить: "Вы, чертовы...", но его слова были заглушены пиявками, заполнившими его рот.

Когда Истребитель скрылся из виду, погрузившись под червей, свет его руны погас, и Маленет снова погрузилась во тьму. Их навалилось на нее так много, что их вес толкнул ее назад. Она была уже настолько окружена тварями, что не упала, а медленно накренилась лицом к потолку, поддерживаемая плотной, извивающейся массой. Она почувствовала, как они начинают присасываться по всему по всему телу, вгрызаясь своими ртами в ее кожу и высасывая кровь.

Ты задохнешься, - в голосе бывшей госпожи звучала паника. Ползи назад тем путем, которым ты пришла. Там их может быть не так много. Тебе нужно поднять голову над ними.

Она оказалась права. Груда личинок была так плотно набита, что Маленет с трудом могла дышать. Она плотно закрывала рот, но пиявки уже извивались вокруг ее ноздрей, пытаясь пробраться внутрь. Очень осторожно она стала поворачивать туловище, пытаясь отвернуться от двери. Это было бесполезно. Она смогла продвинуться всего на несколько сантиметров, и в это время пиявки заполняли образовавшееся пространство и фиксировали ее.

Она хотела позвать Готрека, но стоило ей открыть рот, пиявки бросились бы внутрь. Она чувствовала себя оглушенной с тех пор, как очнулась в камере. Но теперь ее голова пребывала в оцепенении, словно была отделена от шеи. Она неистово молилась Кхайну. *Не оставляй меня. Я так много тебе предложила. И я предложу тебе еще больше!*

Но ответа не было. И она даже не могла сказать, какого ответа она ожидала. Холодные мокрые пиявки плотно обхватили ее, запутались в волосах и ползали по лицу. Она застонала, когда одна из них присосалась к ее глазу.

Затем вся их масса начала двигаться, отталкиваясь от стены и увлекая ее за собой. Ее ноги оторвались от земли, и ей показалось, что она плывет в живом бассейне. Движение было медленным и плавным, и по мере того, как ее мозг, испытывающий кислородное голодание, все больше путался, Маленет чувствовала себя как бы развоплощенной: дух, переносимый во тьме в другое состояние бытия.

К ее удивлению, темнота начала исчезать, сменившись сине-зеленым светом, проникающим откуда-то сверху. 'Будьте осторожны, - сказал голос. 'Не делайте резких движений'.

Свет вспыхнул ярче, и Маленет обнаружила, что ее окружает толпа. Это были такие же сестры ковена, как и она, собравшиеся вокруг арены. Она снова была в Храме Убийств, снова в Азире. Ножи снова были в ее руках, и она готовилась броситься на своего противника - аэльфи с жестокими, утонченными чертами лица, которая наклонилась ближе, и ее лицо было всего в нескольких дюймах от лица Маленет. 'Убирай их по одной', - сказала аэльфийка. 'Не торопись.'

Пока аэльфка говорила, Маленет почувствовала, как с ее кожи осторожно снимают пиявок - и как только она вспомнила о пиявках, воспоминания об арене отступили, и она увидела, где находится на самом деле. Она лежала за пределами камеры, за тем местом, где находился ряд клинков. Клинки исчезли, а вокруг нее стояла группа Идонет, опустившись на колени и осторожно снимавших с нее пиявок. Твари заполнили клетку сверкающей массой, но когда прутья клетки были сняты, они начали выскальзывать из пещеры, освобождая Маленет. Истребитель тоже был на свободе, он лежал в нескольких футах от нее и гримасничал, терпя склонившихся над ним аэльфов. По его убийственному взгляду было видно, как сильно он хочет вырваться, но сдерживался и от усилий рычал и что-то бормотал.

'Тебе повезло', - сказала аэльфка, которую Маленет увидела первой. Она явно была благородной, черты ее лица были холодными и властными, но одета она была не в тяжелые, богато украшенные доспехи, которые Маленет видела на других аристократах Идонет. На ней была поношенная кожа, похожая на одежду самой Маленет. На поясе висела пара фашильонов, и Маленет впервые подумала о том, как легко будет выхватить их и обезглавить владельца, когда с нее снимут пиявок. Заметив направление взгляда Маленета, аэльфка улыбнулась. 'Эта, по крайней мере, не мертва Как там Огнеубийца?'

'Огнеубийца?' - фыркнул Готрек. 'Я - настоящий Истребитель, девчуля'.

'Девчуля?' Аэльфка нахмурилась. Меня зовут Эорна. Я - траллмастер анклава Дромлех. Я не сомневаюсь, что вы оба думаете, как лучше меня убить, но вы должны знать следующее: Я пришла сюда, чтобы спасти вас. И я - ваш единственный шанс на спасение".

Готрек уставился на нее, сгибая и разгибая руки.

Эорна кивнула. 'И если этого недостаточно, чтобы убедить тебя, ты также должен знать, что мои траллы - непревзойденные лучники." Она отстранилась от Маленета и кивнула в сторону прохода, ведущего из камеры. Там толпились бледные аэльфийские лучники, у каждого из которых в луке была натянута стрела. Маленет почувствовала прилив негодования, увидев, что все они нацелились на Готрека. 'Я понимаю, что ты очень крепкий', - продолжала Эорна, глядя на Готрека. 'Но сможешь ли ты выжить, если в твою шею вонзится дюжина стрел?'

Готрек оскалил зубы, но ничего не ответил.

'Ты - одна из Идонет', - сказала Маленет, жалея, что у нее нет с собой ножей. 'Зачем тебе помогать нам бежать?'

Эорна кивнула. 'У нас мало времени, поэтому мне придется отвечать кратко. Я сестра короля Диолана, правителя Дромлеха и Дхруим-Урлара. Мой брат...'

'Дхруим-Урлар?' - пробурчал Готрек.

"Этот город", - ответила Эорна, явно раздосадованная задержкой. 'Как я уже говорила...'

'Город?' Готрек нахмурился и заглянул в проход, затем снова посмотрел на камеру. Куча пиявок все еще медленно вываливалась из комнаты. 'Мы не в желудке твари?'

Эорна уставилась на Готрека. На мгновение она, казалось, была поражена его вопросом. Она нахмурилась и посмотрела на Маленет. 'Он...?'

Маленет покачала головой. 'Не спрашивай.' Она повернулась к Готреку и махнула рукой в сторону. На стенах были вырезаны барельефы, изображающие фигуры аэльфов верхом на морских животных и в окружении огромных волн. 'Это похоже на внутренности рыбы? Мы в городе. Город аэльфов. Она только что сказала тебе. Нас не съели, Готрек, нас захватили'.

Готрек оглянулся на проход, казалось, его это не убедило, но он молчал, пока Эорна продолжала. "Мой брат хочет использовать ваши души в великом колдовстве. Если ему удастся убить вас и завладеть вашими душами, он в корне изменит Дромлех. Он заблуждается и опасен, и я хочу остановить его - отправить вас обратно в Караг-Варр, лишив его возможности убить вас".

'Как?' - спросила Маленет. 'Как ты отправишь нас обратно в магмохолд?' Она огляделась вокруг. 'Где вообще находится этот город?'

'Мы находимся под Аметистовым океаном. При обычных обстоятельствах я могла бы воспользоваться Мирвеем, чтобы доставить вас домой, но вы привязаны к этому месту магией Ишаранн. Единственный способ отправить вас домой - погасить силу, которая вызвала вас сюда. Она называется Эйдолон. Я отведу вас к нему прямо сейчас, и вы сможете его

уничтожить". В ее глазах промелькнуло отчаяние. 'Но мы должны действовать быстро. Эйдолон еще относительно слаб, и я думаю, что Готрек сможет его одолеть. Но когда он полностью сформируется, он будет обладать силой бога'.

Маленет все еще чувствовала себя оглушенной и слабой. Она прислонилась к стене и осторожно подцепила пиявку с сапога. 'Почему бы тебе просто не убить этого "Эйдолона" самой? Зачем освобождать нас?'

'Он невероятно силен', - ответила Эорна. 'Даже со всеми моими солдатами я сомневаюсь, что смогу его победить, но...' - Она посмотрела на Готрека. 'Но я верю, что ты сможешь это сделать. В тебе есть божественная сила, равная даже Эйдолону. Я верю, что ты сможешь загнать его обратно в эфир. И в тот момент, когда ты это сделаешь, ты вернешься в Караг-Варр'.

Готрек покачал головой. 'Я никуда не уйду. Пока не найду твоего брата и не отомщу за Тургина'.

Лицо Эорны стало жестким, и Маленет показалось, что она быстро думает. 'Это прекрасно, - сказала траллмастер. 'Мой брат посетит Эйдолона через несколько часов. Лучший шанс найти его в таком огромном городе, как этот, - отправиться со мной к Эйдолону'.

Готрек изучал ее с мрачным выражением лица, затем кивнул. 'Хорошо. Приведи меня к нему, и я подумаю, оставить ли тебя в живых'.

Эорна сжала челюсти, сдерживаясь, затем кивнула и повернулась к своим лучникам. 'Бриондальские Врата, быстро'.

Лучники развернулись и бегом скрылись в проходе. С фланга Эорну по-прежнему прикрывали около дюжины бледнокожих аэльфов с мечами, но Маленет была уверена, что с лучниками, бегущими в противоположном направлении, ей и Истребителю не составит труда одолеть Идонет. Даже безоружный Готрек был смертельно опасен, а у нее на поясе и в кожанках было припасено множество ядов. Эорна наблюдала за Маленет и угадывала ее мысли. 'Я - твой единственный шанс вернуться домой', - сказала она. Готрек хотел что-то сказать, но Эорна заговорила первой. 'И добраться до моего брата. Дхруим-Урлар - не обычный город. Он не только огромен, но и находится в постоянном движении. Улицы неожиданно меняют направление, и безопасный

накануне путь может быстро стать непроходимым. Без меня вы заблудились бы почти сразу".

Готрек и Маленет посмотрели друг на друга. "Как мы можем доверять тебе?" - сказала Маленет.

'Вы и не можете, конечно,' - рассмеялась Эорна, как будто сама эта мысль была абсурдной. 'Но я только что спасла вас. Зачем мне это делать, если бы я желала вам смерти? Несколько минут назад вы оба были погребены под кровососущими пиявками. Даже если бы вы не задохнулись, пиявки в конце концов выкачали бы из вас всю жизнь. Если бы я желала тебе зла, то могла бы легко оставить тебя умирать".

Готрек посмотрел на Маленет. 'Ты - аэльфка. Что ты думаешь?'

Маленет не могла припомнить, чтобы Готрек когда-либо раньше прислушивался к ее мнению. Да и вообще к чьему-либо мнению. На мгновение она была слишком потрясена, чтобы ответить. Затем она пожала плечами. 'Это правда. Ей не нужно было приходить сюда, если бы она желала нашей смерти".

Эорна кивнула. 'Я хочу, чтобы ты покинул Дхруим-Урлар. Убивать вас было бы слишком рискованно. Мой брат может найти способ использовать ваши ушедшие души. Мне нужно, чтобы вы выжили. И чтобы вы ушли". Она кивнула своим охранникам и повернулась, чтобы бежать за исчезающими вдаль лучниками. 'Значит, надо действовать'.

Эорна не оглядывалась, чтобы проверить, идут ли они за ней, а Готрек и Маленет, прежде, чем двинуться за ней, взглянули друг на друга. Оба были покрыты кровью, сажей, грязью и их дыхание было неровным. Голова Маленет все еще кружилась от потери крови, и по тому, как раскачивался Готрек, она поняла, что ему тоже плохо. Из уха у него все еще свисала пиявка, похожая на гротескное украшение. Они оба выглядели так, словно вывалились с облучка труповозки. На губах Готрека играла слабая улыбка, когда он рассматривал изорванную кожу и волосы Маленет, заляпанные кровью. К удивлению Маленет, его улыбка заставила ее рассмеяться.

'Я тебя ненавижу', - сказала она.

'Взаимно', - прорычал он. Затем, прихрамывая, пошел по проходу. 'Вечно эта чертова беготня', - пробормотал он, когда Маленет двинулась за ним.

ГЛАВА 35

Маленет не знала, как выглядит обычный город Идонет, но ее удивило, насколько пустынным был Дхруим-Урлар. Когда они вышли из здания, то оказались на широкой, как показалось Маленет, лесной тропе. В сотнях футов над головой был плотный полог из листьев, которые дрейфовали и рябили, словно подвешенные в воде. Маленет огляделась по сторонам и увидела, что все вокруг колышется и развевается, словно подхваченное течением. Она сделала глубокий вдох, ожидая, что легкие наполнятся рассолом, но воздух был нормальным, хотя и немного влажным, и она без труда дышала. Это было необычное ощущение, и Маленет решила, что чем бы она ни дышала, это едва ли был обычный воздух.

Эорна и ее солдаты уже бежали по дороге, держась в тени. Маленет и Готрек на мгновение задержались, разглядывая необычные виды. Маленет никогда не видела подобного города. Здесь было почти невозможно отличить растительность от архитектуры. Изучая формы, выстроившиеся вдоль дороги, Маленет начала различать балконы, окна и шпили, выполненные в замысловатом и явно аэльфском стиле, но, похоже, выращенные, а не построенные. Она увидела балюстрады и контрфорсы, но они были сделаны из кораллов, раковин и узловатой ламинарии. Куда бы она ни посмотрела, везде было изобилие бледных цветов, и все вокруг сияло светом, который, словно кровь, пульсировал в ветвях города. Он отбрасывал зыбкие тени, скрывая столько же, сколько и освещая, но Маленет видела рыб и других созданий, снующих косяками во мраке.

"Это странно, - сказал Готрек, - даже для аэльфов".

Маленет не могла не согласиться. Во всем чувствовалось что-то, похожее на сон, а холодный воздух пронизывал до костей, словно никогда не прогревался солнечным светом. 'Нам нужно идти дальше', - сказала она, кивнув на быстро удаляющихся аэльфов и пошатываясь, двинулась за ними. 'Она была права. Это место похоже на лабиринт. Мы можем блуждать здесь десятилетиями, если заблудимся'.

'Тем более что вокруг ни души', - сказал Готрек, заглядывая в туннель, похожий на переулок, когда они пробежали мимо него. 'А аэльфийские города обычно пустые?'

Маленет покачала головой. Она вспомнила выражение лица Эорны, когда Готрек сказал ей, что намерен выследить короля. Она явно что-то скрывала от них. Маленет не хотела помогать Готреку в его охоте за королем, поэтому держала свои мысли при себе, но у нее возникло подозрение, что то, что скрывала Эорна, может объяснить пустоту улиц.

Через некоторое время Эорна заметила, как медленно двигаются Готрек и Маленет, и приостановилась, чтобы подождать их, подавая знак своим воинам сделать то же самое. Лучники рассредоточились в тени, приседая в дверных проемах и кучах водорослей.

Стрелы были наложены на тетивы, и они наблюдали за улицей. 'Надо двигаться быстрее', - сказала Эорна, когда они догнали ее. 'Мы должны добраться до Эйдолона, пока ваш побег не обнаружили'.

'Кто обнаружит?' - спросил Готрек, махнув рукой в сторону пустых улиц и беспросветных окон, смотревших на них.

Эорна не обратила внимания на его вопрос. 'Бриондальские Врата находятся недалеко отсюда. Ты можешь бежать быстрее?'

'Конечно, черт возьми, я могу бежать быстрее', - огрызнулся Готрек. 'Это ты остановилась, чтобы поболтать.'

Эорна посмотрела на Готрека с убийственным огоньком в глазах, но кивнула и махнула рукой, а ее солдаты двинулись следом. Они дошли до конца широкой улицы и вышли на широкую круглую площадь. Она была окружена извилистой, петляющей архитектурой, и у Маленет сложилось впечатление, что она опустела лишь совсем недавно. По земле были разбросаны какие-то предметы, стояли неприбранные рыночные лотки, на которых все еще были выставлены товары.

'Сюда', - прошептала Эорна, указывая на одну из улиц, отходящих от площади и побежала в том направлении. Группа поспешила за ней, но не успели они добежать до дальнего края площади, как один из лучников упал на землю, задыхаясь и хватаясь за горло, и кровь заструилась по его пальцам. Он попытался подняться, кашляя кровью, и Маленет увидела стрелу, торчащую из его шеи. Следом в него вонзились еще две, попав в грудь и повалив с ног. Он грузно упал больше не двигаясь.

Маленет нырнула в укрытие за одной из рыночных лавок, и Готрек последовал за ней, притаившись рядом. Эорна и другие эльфы двигались

так быстро, что, казалось, исчезли, быстро скрывшись в тени. На мгновение воцарилась напряженная тишина. С того места, где присела Маленет, ей был виден мертвый аэльф. Стрелы, которыми он был убит, были такими же, как и в его колчане. 'Еще Идонеты', - прошептала она.

Позади них раздался какой-то звук, и, обернувшись, они увидели, что к ним присоединилась Эорна. Она и пара ее воинов притаились за прилавком. Эорна кивнула одному из аэльфов, и тот положил на землю большой мешок. Когда он расстегнул его, Маленет увидела золотую вспышку, и ее охватило тепло, словно в мешке горел костер.

Готрек усмехнулся, доставая из мешка свой топор Зангром-Тхаз. На его навершии горела жаровня, дымясь и плюясь углями так, что казалось совершенно неуместным в промозглom воздухе города Идонет. 'Ты возвращаешь это мне?'

Эорна выглядела встревоженной, и Маленет понимала, почему. Готрек с топором в руках - зрелище не из приятных. 'Я хотела скрыть его от тебя до последней минуты', - сказала Эорна, - 'но, похоже, нам придется пробиваться боем к Эйдолону'.

Готрек, казалось, вырос, когда он взял в руки топор, проверяя его несколькими пробными ударами. 'А он лучше, чем я помню', - прорычал он, глядя на угли.

Маленет заглянула в сумку и, к своему восторгу, обнаружила, что ее ножи тоже там. Она выхватила оружие с не меньшим удовольствием, чем Готрек, покрутила его в руках и рассекла воздух. Ножи не были повреждены и выглядели острее, чем в последний раз, когда она их видела.

'Будьте осторожны', - сказала Эорна. 'Внизу здания напротив лучники. Их всего пять или шесть, но они могут легко...'

Готрек издал пронзительный вой и поднял с земли рыночный прилавок, рассыпая бутылки и кувшины и создавая ужасающий грохот. Прицепив топор к спине, он бросился через площадь, ревя на бегу и держа обеими руками перед собой разваливающийся ларек, как массивный щит.

Эорна и остальные Идонеты в недоумении смотрели, как в сторону Истребителя со свистом полетели стрелы, но безвредно вонзились в стойку. Готрек добрался до противоположной стороны площади и

обрушил ларек на лучников, которые пытались спастись бегством при его приближении. Затем он снял со спины топор и бросился на них, рассыпая искры и проклятия, и начал убивать.

Маленет слишком много раз видела Готрека в действии, чтобы удивляться его безумной атаке. Не обращая внимания на крики и звуки ломающихся костей, она повернулась к Эорне. 'Скажи мне правду'.

Эорна с изумленным выражением смотрела на кровавую бойню, слишком ошеломленная, чтобы осознать слова Маленета. Затем, когда Готрек поднял стойку и разбил ее об аэльфов, она повернулась к Маленет. 'Что? Что ты имеешь в виду?'

'Ты солгала, когда сказала ему, что это лучший способ выследить твоего брата, я увидела это по твоим глазам'.

Лицо Эорны напряглось, и Маленет снова увидела ярость, которую она пыталась скрыть, и отчаяние.

'Скажи мне'. Маленет кивнула на Готрека, который теперь раскачивал стойку над головой и завывал, хотя аэльфы были мертвы. 'Или я скажу ему, что его обманывают.'

Рот Эорны превратился в жесткую линию. Она явно не привыкла, чтобы ей приказывали. Маленет уважала такое. По правде говоря, в яростной решимости Эорны было что-то такое, что произвело на нее впечатление.

'Послушай', - сказала Маленет, смягчив тон. 'У меня нет желания следовать за Готреком в самоубийственной миссии по поиску вашего короля. Я хочу выбраться отсюда. И я бы предпочла сделать это, пока я еще жива'. Она наклонилась ближе к Эорне, понизив голос. 'Готрек не так глуп, как кажется. И если он поймет, что ты его обманываешь, это кончится для тебя очень плохо. Но если ты расскажешь мне, что ты хочешь сделать, я смогу помочь. Я знаю, как с ним обращаться'.

На другой стороне площади Готрек медленно приходил в себя, отбросив остатки ларька и оглядывая беспорядок, который он устроил. С минуты на минуту он собирался вернуться к Эорне и Маленет. 'Я скажу ему, что это ложь', - сказала Маленет, - если ты не посветишь меня в свой план."

Эорна некоторое время изучала Маленет. Затем она кивнула. 'Это правда. Мы не направляемся к королю Диолану. Он не будет на пути к Эйдолону. Он будет в своем дворце, в Аллмарахе, в миле отсюда'.

'Почему ты так уверена в этом?'

В глазах Эорны вспыхнула гордость. 'Потому что в этот самый момент моя союзница принцесса Араинн начинает атаку на Аллмарах, а Диолан борется за свою жизнь. Пришло время перемен, и старейшие семьи Дхруим-Урлар...'

Маленет подняла руку. 'Ты убиваешь своего брата, чтобы занять трон. Это вполне логично'. Эорна покачала головой и собиралась возразить, но Маленет заговорила раньше. 'Избавь меня от подробностей твоей местной политики. Я уверена, что у тебя есть веские причины, и, по правде говоря, мне все равно. Готрек возвращается. Скажи, что мне нужно сделать, чтобы вытащить нас отсюда'.

Эорна напряглась, увидев, что Маленет права - Готрек топал обратно к ним, выковыривая из своей плетеной бороды обломки рыночного прилавка. 'Готрек должен уничтожить Эйдолона. Это якорь, который привязывает вас к Дхруим-Урлару. Когда он будет уничтожен, эфирная магия, которая привела вас сюда, развеется. Вы вернетесь в Караг-Варр'.

Маленет покачала головой. 'Готрек не сделает этого. Он не сделает ничего, что может отправить его домой до того, как он убьет вашего короля. Он дал одну из своих проклятых клятв'.

Эорна быстро кивнула, посмотрела на приближающуюся фигуру Истребителя и произнесла быстрым шепотом. 'Эйдолон - это жестокий дух, аватар эфирного шторма, сформированный из душ наших предков. В данный момент он не рожден, находится в спящем состоянии. Если я смогу приблизить тебя к нему, я смогу освободить его. Я могу оживить его. И тогда оно набросится на любого, кто не принадлежит к Дромлех'.

Маленет кивнула, понимая. 'Ты собираешься заставить его напасть на Готрека'.

'Именно.'

'А откуда ты знаешь, что он сможет его победить?'

'Я не могу знать этого наверняка. Но из того, что я успела узнать о нем, Готрек обладает уникальной силой. Эйдолон - это фрагмент божественного, дух бога, созданный из душ Идонет. Для большинства людей его невозможно победить, но в твоём спутнике тоже есть искра божественного. Я думаю, он сможет победить его'. Она пожала плечами.

'Кроме того, он либо сделает это, либо умрет'. Она оглядела город. 'И все, чем я дорожу, будет потеряно.'

'Это что-то вроде бога?' Маленет рассмеялась. 'И ты хочешь, чтобы Готрек сражался с ним? Я думаю, это может сработать'.

Маленет кивнула Эорне и поспешила через площадь к Истребителю. 'Король уже на пути к Эйдолону. Он будет там с минуты на минуту. Мы должны действовать быстро, иначе ты упустишь свой шанс', - сказала она.

Готрек нахмурился и ударил топором по ладони. 'Элги предавали дави больше раз, чем я могу сосчитать'.

Маленет пошла через площадь, и Готрек последовал за ней, оглядываясь на Эорну. 'Но этот заплатит за то, что сделал. Тургин будет отмщен'.

ГЛАВА 36

Эорна и другие аэльфы мчались впереди Маленет, сворачивая по такому количеству извилистых улочек, что Маленет перестала даже пытаться понять, в каком направлении они движутся. Готрек мчался за ней, ослабленный от ран, но все еще полный желчи и решимости.

'Уже недалеко', - сказала Эорна через плечо, проведя их через древние ворота, построенные в форме кракена.

Архитектура Дхруим-Урлара вызывала у Маленет недоумение. В ней было много знакомого, отголоски форм, которые она видела в других строениях аэльфов, но все это было так переплетено с кораллами, что она не могла понять назначения зданий. Однако, пройдя через ворота, она почувствовала, что попала в область, имеющую духовное значение. Свет стал ярче, а в воздухе ощущался какой-то заряд, как будто за ней наблюдало множество глаз. Она увидела святыни, посвященные различным божествам, и решила, что это, должно быть, место памяти.

Эорна поспешила дальше по лабиринту улиц, оставляя позади святилища и торопясь по широкой дорожке к куполу из желтого коралла. 'Эйдолон находится в амфитеатре', - сказала она, остановившись, чтобы подождать, пока Готрек догонит их. Когда они снова собрались вместе,

она кивнула и, замедлившись, продолжила бег к отверстию в боковой части строения.

Готрек не отставал, и они вместе вошли внутрь, где остановились осмотреться. Амфитеатр был уставлен ярусами сидений, а за пределами свечения купола лимонного цвета виднелся темный лес ламинарии, дрейфующей и шелестящей на фоне. Когда глаза Маленет привыкли, она увидела в центре амфитеатра дрейфующую фигуру - раковину, парящую над помостом. И снова она почувствовала прилив духовной силы, словно ее разум столкнулся с чем-то невыразимым. Она прошептала молитву Кхайну, следуя за Эорной и остальными к раковине. Она горела тем же внутренним светом, что и купол, и свет вырисовывал силуэт в ее сердцевине. По форме она напоминала аэльфа, но была крупнее и еще более изящно сложенной. Фигура была настолько поразительной, что Маленет не сразу поняла, что амфитеатр наполнился шумом. Она слышала, как разбиваются волны, как дождь стучит по громоотводам, а над головой сверкают молнии. Маленет оглянулась, вполнину уверенная, что увидит настоящие волны, несущиеся к ней, но под куполом не было воды, а звуки доносились из неподвижной раковины, парящей над помостом.

'Быстрее', - сказала Эорна, махнув рукой в сторону помоста, но, когда они приблизились к нему, Маленет замедлила шаг, встревоженная звуками, доносившимися из раковины. Это был яростный грохот, и она держала свои ножи наготове, пока подбиралась к ступеням помоста.

'Это всего лишь шум', - сказал Готрек, проходя мимо нее.

Но даже он, казалось, колебался, крепко держа топор и глядя на фигуру в раковине.

Эорна последовала за ним, выхватив мечи.

Шум бури нарастал, и Маленет вспомнила о том, что произошло в Караг-Варре.

Она задумалась, почему так доверяла Эорне.

'Многие из вас не поверили мне', - раздался сзади незнакомый голос. 'Но вот вам доказательство. Теперь вы сами видите предательство Эорны'.

Маленет и остальные обернулись и увидели группу Идонет, собравшуюся позади них на тропинке, ведущей в амфитеатр. Король

Диолан был там на своем треххвостом скакуне, а говорил старый колдун Таллакром, но было и бесчисленное множество других незнакомых ей вельмож. Некоторые из них выглядели так же древне, как Тхаллакром, и были в роскошных одеждах и замысловатых коронах. Вокруг них стояла целая армия слепых бледнокожих воинов. Они сотнями выходили из зарослей ламинарии, прибывая со всех сторон.

'Араинн', - вздохнула Эорна, с ужасом глядя на одну из вельмож, ехавших рядом с королем в паланкине на спине огромной черепахи. 'Она предала меня'. Араинн вызывающе посмотрела на Эорну, почти незаметно покачав головой. "Как она могла, после того, что я ей показала?" - прошептала Эорна.

'Дай угадаю', - усмехнулась Маленет, глядя на то, как все больше и больше увеличиваются ряды воинов с мрачными лицами. 'Все эти люди - твои близкие друзья, и они пришли пожелать нам добра'.

Эорна все еще смотрела на Араинн. "Эорна!" - крикнула Маленет, схватив ее за руку. 'Что будем делать?' Эорна облизала губы, оглядывая огромную армию, которая все еще вливалась в амфитеатр. Ее охрана насчитывала не более нескольких десятков. На мгновение Эорна впала в панику, но затем ее взгляд стал твердым. Она кивнула. 'Мы делаем то, что планировали'. Она посмотрела на ряды воинов, собравшихся вокруг них. 'Теперь у нас нет вариантов. Нас предали. Но мы все равно остановим моего брата. Мы все равно отправим Готрека домой'.

'Отправь *нас обоих* домой, ты хотела сказать?' - шепнула Маленет, когда армия двинулась к ним.

Эорна взглянула на нее. 'Убедись, что ты держишься за Готрека, когда Эйдолон падет. Если нет, ты останешься здесь'. В глазах Эорны блеснули слезы, но она говорила спокойно, обращаясь к своим стражам. 'Атакуйте передние ряды. Двигайтесь быстро. Сражайтесь так, как вы никогда не сражались раньше. Я могу вызвать Эйдолона, но вы должны выиграть время'. Она посмотрела на каждого из них по очереди, ее голос дрожал. 'Сейчас наши жизни ничего не значат. Мы сражаемся за нечто большее. Все зависит от этого момента'. Стражи выглядели потрясенными, но отсалютовали мечами, прижав рукояти к рунам на своих бровях. 'Если мы потерпим поражение, - продолжала Эорна, - то потерпит поражение каждый из наших предков. Если Диолан оставит Готрека Гурниссона здесь, он использует его, чтобы уничтожить все, чем мы являемся'.

Стражи пробормотали молитву и повернулись лицом к армии, поправляя оружие и доспехи.

Маленет оглянулась в поисках Готрека и выругалась. Тот уже хромал к армии Идонет, рассекая топором воздух, и не сводил глаз с Диолана. Из его ран хлестала кровь, и казалось, что он не может идти по прямой. 'Что ты делаешь, во имя богов?' - обратилась она к нему.

'Выполняю свою клятву, - прорычал он, продолжая шагать по площади. 'Пока еще могу, черт возьми'. Он направил свой топор на Диолана. 'Этот аэльф умрет сегодня'.

'Не будь идиотом', - крикнула она. 'Это целая армия, Готрек. А ты едва можешь ходить'.

Он не обратил на нее внимания и продолжал идти вперед: мимо него побежали навстречу своей смерти промчались стражи Эорны, молча подняв мечи.

'Все сошли с ума?' - пробормотала Маленет, когда сквозь шум бури донесся грохот боя. Гвардейцы Эорны атаковали клином в форме копейного наконечника. Они сражались быстро и решительно, вклиниваясь в ряды армии, и разрывая стройные ряды, но через несколько минут они все равно были бы мертвы.

Маленет в недоумении покачала головой: Готрек шел следом за ними, нанося шквал ударов топором и врезаясь в аэльфов. 'За Рунотца!' - ревел он. 'И Караг-Варр!'

На этот раз Маленет не знала, как поступить. 'Я не смогу уйти отсюда, если *не дотронусь* до него?' Она в ужасе наблюдала, как Готрек с ревом пробивает себе дорогу к Диолану, углубляясь в строй Идонет. 'Как, во имя Кхайна, я должна это сделать?'

Шум бури нарастал, став настолько громким, что все в амфитеатре замешкались. Даже Готрек приостановился, чтобы оглядеться в поисках источника шума.

Маленет споткнулась и зажала уши руками. Только тогда она поняла, что Эорны нет рядом. Обернувшись, она увидела, что аэльфка взобралась на вершину помоста и с размаху ударила мечом по раковине. По его поверхности пошла трещина, и свет внутри запылал ярче.

'Остановите ее!' - крикнул Диолан, его голос был едва слышен из-за воя бури. Десятки его воинов продолжали сражаться с Готреком и гвардией Эорны, но те, кто находился в других частях амфитеатра, устремились к помосту.

'Что ты...' - начала было Маленет, бросившись к Эорне, но не успела она договорить, как раковина взорвалась. Волны обрушились на Маленет, отбросив ее вниз по ступеням. Она болезненно прокатилась по ним, и остановилась как раз в тот момент, когда толпа вооруженных мечами Идонет устремилась к ней. Прежде чем они смогли добраться до нее, призрачные волны ударили в них, разбросав по земле и оставив мечи вращаться в воздухе. Волны вскипели и закружились вокруг помоста, образовав водоворот шириной в сотни футов. Он прокатился по армии Диолана, разбрасывая воинов, как листья на ветру. Хор воплей слился с шумом волн, когда аэльфы врезались друг в друга. Все быстро погрузилось в хаос. Сражаться было невозможно - амфитеатр превратился в бурю, сверкавшую молниями. Скакуна Диолана трясло и подминало, а король выкрикивал приказы, которые никто не слышал.

Маленет успела ухватиться за одну из перил, ведущих на помост, когда вокруг нее закружились воины и оружие. Готрека нигде не было видно, но рядом находилась Эорна, державшаяся за те же перила, что и Маленет.

"Как это поможет?" - воскликнула Маленет, подтягиваясь ближе к Эорне.

Эорна смотрела на разворачивающуюся бойню, ее лицо застыло от ужаса. Затем она сосредоточилась на Маленет. 'Готрек должен убить Эйдолон!' - закричала она, махая рукой в сторону разбитой раковины. Когда буря стала еще сильнее, фигура в ее сердцевине зашевелилась и поднялась, окутанная туманом и дождем.

Маленет почувствовала прилив ужаса, когда эта фигура нависла над помостом. 'Готреку нет интереса убивать это', - сумела выдавить она.

Эорна придвинулась ближе к Маленет и ответила. 'Но Эйдолон заинтересуется им. Он не аэльф. Он не потерпит его присутствия'.

Маленет уже собиралась спросить, как Эйдолон отнесется к ней, как внезапно говорить стало невозможно. Буря завывала, когда Эйдолон соскочил на помост, несясь в волнах дождя и грохота. Он был похож на аэльфского дворянина, облаченного в прекрасные доспехи, но при

движении распадался на части и вновь формировался, как и волны, окружавшие его, то вздымаясь, то опадая, сливаясь с бурей. К своему стыду Маленет почувствовала прилив страха. Впервые в жизни она поняла, с каким презрением море относится к расам, живущим на суше. Она ощутила ненависть, более древнюю, чем сами Владения: древнюю, горькую ненависть, которая заставила ее задыхаться в панике. Эйдолон, держа копье наперевес, устремился к ней, выкрикивая слова и исполняя мстительную песню моря.

Эорна прижалась ближе, качая головой и шепча молитвы, но, к облегчению Маленет, эйдолон пронесся мимо них, обрушившись вниз по ступеня в облаке тумана и брызг. Некоторые из Идонет попытались встать на колени, но их просто смыло, и они, с воем кувыркаясь, понеслись по амфитеатру, когда дух бога обрушился на них. Он двигался с явной целью, и Маленет поняла, что Эорна была права: он направлялся к Готреку. Когда аэльфов смыло потоком, Готрек остался на открытом пространстве, укрывшись от бури и схватившись за топор, он устремил взгляд на Эйдолона. Он взвыл, увидев, что Диолан уже вне пределов его досягаемости и отступает, окруженный сотнями воинов. 'Ты не лишишь меня мести!' - прорычал он, направляя топор на приближающегося духа. Эйдолон ответил воем, подобным концу света. Шум был настолько громким, что Маленет показалось, будто ее череп вот-вот расколется.

Готрек ринулся в бурю, и Эйдолон бросился ему навстречу. В одной руке он держал крюк, и, достигнув Готрека, вонзил оружие ему в грудь, пробив центр мастер руны Черного Молота.

Грохот исчез. Тишина заполнила амфитеатр. Маленет с изумлением наблюдала, как мир вокруг нее застыл. Готрек в шоке смотрел на крюк, пробивший руну, в то время как вокруг него Идонет висели в воздухе или неподвижно лежали на земле, пойманные фрагментом времени, вытянув руки или держась за раны.

Маленет пыталась говорить, но была так же недвижима, как и все остальные. Даже Эйдолон неподвижно возвышался над Готреком, окутанный величием бури, с копьем наперевес. Затем в том месте, где крюк был вбит в руну Готрека, вспыхнуло пламя, прокатившись по металлу и омыв грудь Готрека. Огонь был неестественно ярким, и у Маленет на глаза навернулись слезы, когда он перекинулся на мышцы Готрека и охватил его, как броня. Пламя зажглось в гребне волос Готрека,

превратившись в огненный клинок, поднявшийся из его черепа, плюясь и вспыхивая. Истребитель увеличивался в размерах по мере того, как пламя охватывало его, заливая рукоять его топора и воспламеняя лезвие. Время снова началось с громовым раскатом. Со всех сторон раздались звуки, и всё снова пришло в движение. Буря разбушевалась, расшвыривая аэльфов и отрывая кораллы от стен. Готрек и Эйдолон превратились в единую точку света, поднимающуюся над землей: ослепительные бирюзовые спирали сплелись со столбом румяного пламени. Готрек был виден в водовороте, но Маленет едва могла его узнать. Он преобразился. И дело было не просто в огненном гребене. Его лицо изменилось. Его черты стали менее изнеможенными и огрубевшими. Он выглядел одновременно и моложе, и старше. С крюком, все еще вбитым в грудь, и ногами, висящими в десятках футов над землей, он взмахнул топором, рассекая воздух огнем, и направил его магмоподобное лезвие в шею Эйдолона.

Эйдолон парировал удар копьем, и Маленет почувствовала всплеск спутанных эмоций, пока они сражались. Эйдолон был и страшен, и прекрасен. Ей захотелось преклонить колени в знак обожания. Это была пленительная смесь благородства и дикости. Его лицо было гордым и величественным, а конечности овеяны буйством моря. Когда оно повалило Готрека на землю, Маленет пришлось побороть желание ликовать. Это была сила божества и мощь океана, объединенные в одно великолепное видение.

Готрек закувыркался по земле, разбрасывая огонь и угли и слясь подняться, но Маленет была бессилена помочь ему. Эйдолон рванулся вперед, окутывая Истребителя волнами тумана и брызг. На мгновение ей показалось, что Готрек будет раздавлен. Но в тот момент, когда волны обрушились на него, он крутанулся на месте и бросился на Эйдолона с оскалившимся лицом, Его топор взметнул шлейф пламени, врезавшись в шею эйдолона.

Шторм издал еще один оглушительный вой, а затем затих, рассыпавшись по земле. Вместе с волнами рухнул и Эйдолон. Он упал без головы в шторм, взорвавшийся миллионами вихрящихся волн.

Готрек упал на землю с хрустом ломающихся костей, который был слышен даже с места, где стояла Маленет. Когда Эйдолон исчез, потух и огонь Истребителя, и, приземлившись, он снова стал Готреком. Правда,

он выглядел еще более старым и изуродованным, с трудом поднимаясь на ноги: одна его рука безвольно свисала на бок, а из свежего пореза на брови сочилась кровь. Когда шум бури утих, все в амфитеатре уставились на него. Готрек покачивался, будто пьяный в стельку, что-то бормотал, затем поднял топор, направив его на удаляющуюся фигуру Диолана. Он закричал, пытаясь что-то сказать, но его рот так распух и окровавился, что слова было не разобрать. И тогда он, ковыляя, направился к аэльфам, отплевываясь кровью через зубы.

Маленет схватил Эорну. 'Эйдолон мертв'. Она оглянулась на раковину. Она была темной и безжизненной. 'Он победил его. Теперь мы уйдем?' Она бросила взгляд на траллмасетра. 'Если ты мне солгала, я...'

'Я не лгала', - сказала Эорна. Как и все остальные, она смотрела на Готрека с недоверчивым выражением. 'Таллакром притащил Готрека сюда силой Эйдолона. Тебе следует добраться до своего друга, если не хочешь остаться здесь'.

Маленет кивнула и поднялась на ноги, чувствуя себя так, словно только что пережила кораблекрушение. В голове еще звучали отголоски бури, а кожаные сапоги были насквозь промокшими. На полпути она остановилась. 'Твой король убьет тебя за это. Это правда?'

Эорна не сделала ни малейшего усилия, чтобы встать. Она выглядела измученной, но в ее глазах светился триумф. 'Да. Я буду казнена'.

Маленет понимала, что ей необходимо добраться до Готрека до того, как он исчезнет, но что-то в фатализме Эорны ее беспокоило. 'Неужели тебе все равно?'

'Я спасла нас', - сказала Эорна. 'Мы можем оставаться такими, какими были. Скрытыми от таких, как вы. Наши традиции сохранятся. Мы не будем втянуты в ваши войны'.

По мере того как Эорна говорила, Маленет поняла, что это было противопоставление кредо Готрека. Это было противоположно всему, во что верил Истребитель. Вместо того чтобы пытаться спасти Владения, Эорна просто хотела сохранить свой образ жизни. Она хотела избежать беспорядочных войн низших рас. Возможно, когда-то Маленет и понимала ее, но сейчас, изучая Эорну, она испытывала отвращение. Это была еще одна форма трусости.

Эорна нахмурилась, продолжая смотреть на Готрека. 'Он уже должен измениться. Он должен исчезать'.

Маленет почувствовала прилив паники, когда увидела, как далеко от нее находится Готрек. Он был в десятках футов от нее, окруженный ошеломленными солдатами Диолана. Мне нужно туда".

'Нет'. Эорна встала и схватила ее за руку. 'Подожди. Что-то не так'. Они обе посмотрели на Готрека. Он добрался до первой шеренги солдат Идонет; когда они вскочили на ноги, хватаясь за оружие, он отбросил их в сторону, размахивая топором одной рукой, и, прихрамывая, направился к Диолану. 'Он не меняется', - сказала Эорна. 'Я не понимаю. Это Эйдолон привязал его к этому месту. Когда Таллакром утащил вас обоих вниз...'

Слова оборвались, и она оглядела толпу. 'Это он', - вздохнула она, указывая на колдуна, который стоял неподалеку от помоста в окружении стражников и направлял на Готрека свой нарвальский клык. "Он каким-то образом удерживает Готрека здесь".

С другой стороны амфитеатра раздался лязг оружия. Воины Диолана, оправившись от шока, сгрудились вокруг Готрека, окружая его сверкающими рядами. Истребитель отбивался от них, ругаясь и крича, но даже отсюда Маленет видела, что руна на его груди темна и не блестит. Крюк Эйдолона изменил ее. Готрек, спотыкаясь, продирался сквозь аэльфов, но раны давали о себе знать. Он замедлялся. И чем медленнее он шел, тем меньше мечей ему удавалось парировать. Порезы открывались на каждом дюйме его тела, а крики становились все более хриплыми. 'Они убивают его', - прошептала Маленет. Вместо горя или жалости эта мысль вызвала в ней чувство ужаса.

'Почему он не использует силу руны?' - спросила Эорна.

Маленет покачала головой. 'Она безжизненна. И даже если бы это было не так, он никогда не смог бы справиться с целой армией". Она надвинулась на Эорну, размахивая ножом перед ее лицом. 'Ты сказала мне, что ему просто нужно победить Эйдолона. Почему он все еще здесь?'

Эорна направила меч на Таллакрома, который читал заклинание. 'Это жрец', - повторила она. 'Он держит его здесь. Мы должны убить Таллакрома".

Маленет кивнула. "Убийство - это моя особая специализация". Она задумалась на мгновение. 'Но он проклятый колдун.'

С другой стороны амфитеатра раздался еще один крик: волны солдат нахлынули на Готрека, и он, пошатываясь, остановился в дюжине футов от короля Диолана. Диолан со слегка позабавленным, наблюдая, как его солдаты осыпают Истребителя ударами, наполняя воздух его кровью.

'Проклятье', - вздохнула Маленет. 'Ему не суждено умереть'. Некоторые из солдат, находившихся поблизости, заметили ее и побежали в ее сторону. Время уходило. Она схватила Эорну за плечо. 'Если я смогу подойти к Таллакрому ближе, чем двадцать футов, то смогу убить его. Ты можешь сделать так, чтобы он не заметил моего приближения?'

Эорна кивнула.

Обе эльфки хлопнули друг друга по рукам. Затем Эорна спринтерским бегом направилась к Таллакром, а Маленет побежала по широкой петле, подбираясь к колдуну сзади. Приблизившись, Маленет увидела, что с Эорной не все в порядке. С новой позиции она видела, как из бивня нарвала вырывается смутное мерцание силы. Однако вместо того, чтобы нацелиться на Готрека, Таллакром вытягивал энергию из Диолана, забирая силу у короля и перенаправляя ее на Истребителя.. Впрочем, детали были неважны. Таллакром должен был умереть. Готрек стоял на коленях, яростный и дикий, как всегда, но явно находящийся на грани смерти. Сотни воинов пытались приблизиться к нему, а из его мышц торчали стрелы. Он говорил как безумный, делая паузы между ударами, чтобы направить свой топор на Диолана, но не мог подойти ближе.

Маленет ловко сняла с пояса мешочек. В нем лежал маленький листик. Очень осторожно, не выпуская лист, она провела им по лезвию ножа, размазывая сок по металлу, и выбросила мешочек.

Слева от нее, в нескольких десятках футов, Эорна напрыгнула на стражников Таллакрома. Маленет с удовлетворением кивнула, увидев, как Эорна пронеслась сквозь них, кружась и парируя, демонстрируя впечатляющую акробатику. *Она бы хорошо бы смотрелась в Храмах Убийств*, подумала она.

По крайней мере, лучше, чем ты, - усмехнулась её госпожа.

Стражи пытались замедлить продвижение Эорны, а Таллакром выглядел разъяренным. 'Остановите ее, идиоты!' - прорычал он, не сводя глаз с Готрека. 'Что вы делаете?'

Эорна ухмылялась, и Маленет почувствовала, что она радуется возможности атаковать жреца.

Маленет была уже почти готова метнуть нож, когда вспомнила слова Эорны. 'Я должна держаться за него, когда он исчезнет отсюда', - вздохнула она, глядя на удаляющуюся фигуру Готрека. 'Я никогда не доберусь до него'.

Ее мертвая госпожа изо всех сил старалась скрыть свою панику. *Тогда пусть он умрет. Беги. Живи, чтобы снова сражаться, идиотка.*

Маленет остановилась, продолжая наблюдать за Готреком. Его окружали груды мертвых аэльфов, но он умирал. Она едва могла осознать это.

Он был так слаб, что едва мог взмахнуть топором. Он был на грани того, чтобы упасть.

И когда он упадет, все будет кончено. 'Он должен жить', - прошептала она, с ужасом обернувшись к Таллакрому. 'Он важен. Он что-то значит. Я не могу позволить ему умереть'.

Ты ненавидишь его!

'Я ненавижу его', - согласилась Маленет, чувствуя оцепенение. Затем она бросила нож.

Таллакром попятился вперед, издав удивленный лай. Он растерянно огляделся, пытаясь понять, кто его толкнул. Затем он заметил кончик ножа, торчащий из его груди. Его глаза расширились в ужасе, и затем он рухнул на землю, а его плоть сползла с костей. Через несколько секунд от него осталась лишь дымящаяся лужа.

Эорна все еще сражалась с его стражниками, но в этот момент она издала торжествующий вопль. Маленет бросилась к ней, и они расправились с оставшимися стражниками. Затем они обе оглянулись на Готрека.

На какой-то ужасный миг Маленет подумала, что Эйдолон вернулся. Воздух вокруг Готрека закружился и заискрился, образовав торнадо. Солдаты разлетались в стороны, когда он поднимался с земли, хромая и обливаясь кровью, но все еще произнося проклятия и направляя свой

топор на Диолана. Поднявшись, Истребитель, как и обещала Эорна, начал исчезать: его плоть стала такой же полупрозрачной, как и буря.

Воины Идонет набросились на Маленет. Лишившись Готрека, армия Диолана обратила свой взор на нее. Сотни воинов устремились в ее сторону, их лица были полны гнева.

Эорна прислонилась к Маленет, задыхаясь. Она выглядела почти так же плохо, как Готрек: вся в порезах, рука прижата к боку. Она схватила Маленет за плечо. 'Спасибо тебе.'

Маленет не могла говорить, все еще ошеломленная тем, что она сделала. Вся армия Идонет мчалась к ней. Она была полностью окружена. Ей предстояло умереть. И она собиралась умереть за Готрека.

Ты нелепое дитя! закричала ее госпожа. *Ты убила нас обоих!*

Как бы не смешно это было, но Маленет и Эорна встали в боевые стойки, спиной к спине и приготовились к бою, шепча молитвы своим богам.

Как раз перед тем, как Идонет настигли ее, Маленет подняла голову и увидела Готрека.

Буря почти унесла его. Он разрывался на части, его тело трепалось на ветру, но она все равно видела, как он разъярен. Он указывал на нее, завывая и ругаясь. Он был возмущен тем, что она лишила его шанса добраться до Диолана, но на его лице отражалась и другая эмоция. За яростью скрывалось нечто еще более сильное - страшная печаль. Она поняла, что вместо того, чтобы пытаться добраться до Диолана, он сейчас пытается добраться до нее, пытается спасти.

Потом он исчез. Буря исчезла, не оставив и следа от Истребителя.

Маленет повернулась лицом к армии, обнажив зубы в жестокой улыбке, и ее пульс участился в предвкушении грядущего кровопролития. Стрелы вонзались в нее, пробивая мышцы и дробя кости, но жажда крови была так велика, что она почти ничего не замечала. Когда передовые отряды достигли ее, она прыгнула вперед, навстречу им, нанося удары и делая выпады, выкрикивая имя Готрека, когда клинки Идонета вонзались в ее тело, выплескивая кровь в холодный, неестественный воздух.

ГЛАВА 37

‘Вот он’, - пробормотал Корган, с облегчением увидев четкий силуэт Готрека. Наступали сумерки, и Истребитель сидела на краю выступа, глядя на океан. Корган спустился с магмадрота и приказал своему очаговому стражу оставаться с ним, а сам направился вдоль края мыса, пробираясь между плитами ржавеющего железа.

‘Ты не настолько здоров, чтобы находиться здесь, Готрек’, - сказал он, подойдя к Истребителю. Он произнес эти слова главным образом для того, чтобы не стать сюрпризом для Готрека. Топор Истребителя лежал неподалеку, и Корган прекрасно понимал, что произойдет, если Готрек примет его за врага.

Готрек не обратил на него внимания, продолжая наблюдать за разноцветными волнами, бьющимися о стену утеса. Несмотря на молчание Истребителя, Корган счел за благо подойти и сесть рядом с ним на краю утеса. Готрек по-прежнему выглядел ужасно. Прошла почти неделя с тех пор, как он снова появился в Караг-Варре, вывалившись на площадь из грозовых туч, которые надвигались на гору с тех пор, как погиб Тургин. За эту неделю все лекари в магмохолде сделали все возможное, чтобы вылечить раны Готрека, но он все равно выглядел так, словно его растерзало что-то, или даже несколько чего-то. Его левая рука была сломана, на лбу зияла глубокая рана, а единственный глаз был так побит, что он почти ослеп. Даже руна на его груди казалась изменившейся - темной и неживой там, где раньше она сверкала. После возвращения Готрек вел себя нехарактерно спокойно, принимал внимание лекарей, ел поданную ему пищу, но не произнес ни слова. Поэтому Корган был удивлен, когда через несколько минут Истребитель обратился к нему скрипучим голосом. ‘Я должен был тебя послушать’.

Корган был настолько ошеломлен, услышав слова Готрека, что ему потребовалось мгновение, чтобы ответить. ‘Когда ты должен был меня послушать?’

Готрек продолжал смотреть на усыпанное звездами море. Вдали от гор было холодно, но он не подавал виду, что чувствует ветер, свистевший в скалах. ‘Ты был первым, кого я встретил. На мосту в вашу крепость. Ты сказал мне, что я должен уйти, пока еще могу’.

'А.' Некоторое время они сидели молча, слушая волны. Потом Корган сказал: "Ты можешь рассказать мне, что произошло? После того, как ты покинул нас. После того, как буря убила рунного отца".

Готрек нахмурился. 'Не начинай снова нести чушь про бурю. Тургина убили аэльфы. Была битва".

'Я понимаю...' - с сомнением в голосе сказал Корган, догадываясь, что сейчас, вероятно, еще больше разозлит Готрека. 'Но никто из нас этого не помнит. Мы помним твои слова и слова твоей кхайнитской спутницы. Мы помним твои слова об аэльфах, которые пронеслись сквозь бурю. Но на самом деле мы их не помним". Он покачал головой. 'Я неоднократно пытался вспомнить об этом, но не могу".

Готрек сверкнул глазом, но затем покачал головой, и свет угас в его глазах. 'Какое это имеет значение?' Он снова посмотрел на море. 'Это не имеет никакого значения. Я не думаю, что они снова нападут на вас. Им нужен был я, и я ухожу. Все эти испытания, с которыми вы столкнулись, все эти потери, которые вы понесли, все это было потому, что им нужен был я. Несмотря на все мои прекрасные разговоры о восстановлении Владений, я сделал все чертовски хуже. Вот почему я ухожу. Мне нужно убраться подальше от вас". Он кивнул в сторону укрепления, расположенного дальше по побережью. Даже в столь поздний час там виднелись следы строительных работ: Огнеубийцы и люди трудились над ремонтом стен и созданием новых защитных сооружений. 'Теперь вы снова на ногах. Вы отвоевали свои форпосты и сторожевые башни. Вы восстанавливаетесь". Он нахмурился. 'У вас уже есть новый рунный отец?'

Корган изо всех сил старался скрыть свою гордость. 'Старейшины логи выбрали меня'.

Готрек кивнул. 'У тебя в хребте хорошая сталь дави. Я увидел это в первый же день, когда встретил тебя. У тебя все получится, парень".

Если бы кто-то другой назвал Коргана "пареньком", он бы возмутился, но для такого реликта, как Готрек, это казалось разумным. 'Лекари говорят, что ты пока не можешь никуда идти. Раны серьезнее, чем ты думаешь".

Готрек заворчал. 'Несколько царапин никогда не останавливали меня. Особенно царапины, полученные от аэльфов, одетых в ракушки".

'Но куда ты пойдешь?'

Готрек пожал плечами. 'Подальше. Думаю, эта чертова аэльфка была права. От меня больше неприятностей, чем пользы'.

Корган покачал головой и кивнул на огни вдалеке, где отстраивалось укрепление. 'Ничего бы этого не было, если бы ты не пришел к нам. Раньше мы защищали прибрежные деревни от зеленокожих. Иногда мы даже нападали на Великого Врага, если представлялась возможность, устраивая засады на караваны и заставы Хаоса. Но все, что мы делали, - это выживали, сводили концы с концами. Теперь мы делаем нечто большее. Мы расширяем сферу своего влияния. Караг-Вир и другие крепости - это только начало. Ты показал нам, на что мы способны. И все это потому, что ты спас Тургина-Гримнира'. Он посмотрел Готреку в глаза. 'Ты зажег в нем искру. И в остальных из нас. Ты показал нам, что мы можем не только выживать. Мы можем дать отпор'.

Готрек кивнул. 'Вы дави. Конечно, ты будешь сопротивляться. Это то, для чего вы были созданы'.

'Но ты не ответил на мой вопрос', - сказал Корган. 'Что случилось с тобой после убийства Тургина?'

'Пытался отомстить за него'. Готрек сплюнул на землю. 'И отомстил бы. Но эта ведьма Маленет помешала мне'. Истребитель сжал кулаки. 'Она остановила меня', - он поднял вверх палец, - "когда я был так близко".

'Значит, Маленет работала с другими аэльфами?'

'Нет! Конечно, она не работала с ними. Она пыталась спасти меня'. Он вскочил на ноги, устремив взгляд в небо. 'Как будто меня нужно было спасать, черт возьми!'

Мысль о Маленет, казалось, злила Готрека больше, чем что-либо другое. Корган решил промолчать, пока Готрек шел по краю обрыва, крича и дергая себя за бороду, проклиная аэльфку.

'Что с ней случилось?' - спросил Корган, когда Готрек затих и снова сел рядом с ним.

'Мертва.' Голос Готрека был пустым. 'Чертовски мертва. Именно так, как я ей и говорил'.

Корган затруднялся сказать, был ли Готрек в ярости оттого, что Маленет предала его, или оттого, что она мертва. Он достал небольшой свиток, запечатанный воском. 'Она написала это', - сказал он. 'За день до того,

как тебя похитили. Как раз перед победным пиром. Она просила отправить его по адресу в Барак-Урбаз".

Готрек взял письмо и уставился на него, в глазах его горела ненависть. Затем он бросил его в темноту, не срывая печати. 'Все еще пишет своим друзьям в Азир, - пробормотал он. 'Все еще шпионит за мной'.

Корган разыскал Готрека, надеясь помочь ему, но понял, что его присутствие только ухудшает настроение Истребителя. 'Конечно, ты можешь уйти, когда пожелаешь', - сказал он. 'Я просто хотел поблагодарить тебя за все, что ты нам дал. Ты не осознаешь, какие перемены ты произвел. Варрух возродились. Мы строим планы, над которыми до твоего прихода посмеялись бы. Благодаря тебе старейшины ложы даже подумывают, чтобы отправить экспедицию в Карак-а-Зарук".

'Карак-а-Зарук?' Готрек посмотрел в ту сторону, куда бросил письмо, как будто жалел, что не сохранил его. 'Это еще одна из ваших крепостей?'

'Нет. Руины. Полагаю, вы обсуждали это с Тургином после битвы при Караг-Выр. Помнишь? Сейчас там кишат скавены, но когда-то это была столица королевства дуардинов, королевства наших предков, Хазалидской Империи".

'О, да.' Готрек кивнул. 'Я слышал об этом'. Его голос оставался горьким. 'Славная, охватывающая все королевства империя дави. Об этом говорили небесные гномы Барак-Урбаза. Признаюсь, эта идея привлекла мое внимание. Она так похожа на мою собственную...' - Он покачал головой. 'Но если бы все было так, как вы утверждаете, Хаос никогда не смог бы захватить эти земли". Он взглянул на Коргана. 'Почему пало это великое королевство дави? Дай угадаю, они были одержимы идеей накопления богатств? Или ослеплены гордыней и не осознавали опасности? Или они перестали прислушиваться к мудрости старших?'

Корган пожал плечами, вспоминая саги и легенды про Хазалидскую Империю. 'Ничего такого не было. Империя стояла крепко. Она просуществовала много веков. Возможно, она существовала бы и сейчас, если бы Создатель не покинул Владение. Он оставил дуардинов на произвол судьбы. И только тогда империя пала".

Готрек снова уставился на море, но тут же напрягся и повернулся к Коргану. 'Грунгни?

'Да. По крайней мере, согласно старым сагам. Он вел их и управлял ими, наделяя мудростью и совершая великие инженерные открытия. Под его взглядом Хазалидская Империя процветала. Но потом он ушел, и империя пала. Наступила Эпоха Хаоса и все ужасные события, которые за ней последовали. Наши земли были отняты, а род дуардинов расколот. Согласно легендам, Огнеубийцы, Харадрон и все остальные дуардины - это остатки того единственного королевства".

Готрек пристально смотрел на Коргана. Он тихо произнес. 'Куда делся Создатель?'

'Кто может утверждать, что знает о перемещениях богов? Но сигмариты утверждают, что он с ними. Говорят, Грунгни обитает в Небесном Владении, работает как создатель оружия у Сигмара".

Корган понял, что настроение Готрека внезапно изменилось. Теперь он выглядел не подавленным, а разгневанным. 'Ты хочешь сказать, что дави когда-то правили этими землями и обеспечивали их безопасность, а Грунгни их бросил?'

'Я не говорил "бросил".'

'Бросил', - прорычал Готрек, в его налитом кровью глазу сверкнула ярость. 'Я так сказал, черт возьми". Он ударил безжизненный кусок металла в груди. 'Вот что делают боги. Видишь? Они играют со смертными. Используют нас, как игрушки. А потом отбрасывают в сторону, когда их внимание привлекает что-то другое. Весь этот беспорядок. Все эти смерти. Это на их совести. Они распластались в небесах, вьют гнезда, пока все остальные горят. Я видел это своими глазами, где бы я ни был. Каннибалы, сжигающие невинных людей. Колдуны, встречающие демонов с распростертыми объятиями. Чертовы скавены, оставленные на свободе, осели в вашей старой столице, наполняя ее своей грязью". Он поднял с земли свой топор, наполнив воздух всполохами. 'Больше не позволю. С этого Истребителя хватит. Пусть Грунгни прячется там, у своего очага. Пусть он будет чертовым псом Сигмара. Мне он не нужен. Мне не нужен никто из них". Он направил свой топор на Коргана. 'Где?'

Корган в своей жизни сражался с неопишемыми ужасами, но перед лицом разъяренного Готрека ему с трудом удавалось сохранять ровный голос. 'Где что?'

'Столица. Столица этой старой империи. Карак-а-Зарук. Где она?'

В глазах Готрека плескалась такая ярость, что у Коргана участился пульс. 'Она лежит на севере, где-то за Мрачными Пиками. Никто не знает, где именно. И путешествие будет долгим. Ты достаточно здоров?'

'О, я достаточно здоров'. Готрек уставился на свой топор, в его глазу отразился огонь. 'Я еще не закончил, парень. Ни в коем случае, черт возьми'.

Пыл Готрека был настолько заразителен, что Коргану захотелось прореветь боевой клич, но он постарался мыслить здраво. Он покачал головой. 'Восстановление королевства означает нечто большее, чем отвоевание старой развалины. Мы можем пожертвовать тысячами жизней, пытаюсь изгнать скавенов, но что от нас останется? Мы станем истощенной силой. Мы умрем, пытаюсь исправить древнюю ошибку". Он чувствовал, как Готрек смотрит на него, и чуть было не отступил, но потом вспомнил о своей новой роли рунного отца рун и сдержался. Я не стану без нужды жертвовать своей ложей".

'Без нужды?' - прорычал Готрек, поднимаясь на ноги и глядя на Коргана, его голос дрожал.

Корган встал и отступил от Готрека, схватившись за ключ-топор. Корган проклинал себя за то, что пришел искать Готрека. Надо было оставить его размышлять в одиночестве. Теперь один из них должен был умереть. И он сомневался, что это будет Готрек.

Готрек приготовил свое оружие, его мышцы дрожали и блестели от пота. Затем он опустил топор и уставился вдаль. 'Я виноват в ее смерти".

Корган не сразу понял, что ярость Готрека исчезла, покинула его так же быстро, как и появилась. Он опустил оружие, но на всякий случай продолжал держать его в руках. Перемены настроения Готрека были непредсказуемыми даже для Огнеубийцы. 'Кхаинитка?'

'Да.' Лицо Готрека было мрачным. Он выглядел старым, как скалы, как кусок вулканической породы. 'Мы могли бы сбежать. Один из рыбных аэльфов хотел, чтобы мы ушли. Маленет умерла, потому что я не слушал её. Потому что я не мог мыслить здраво. Я не смог отпустить ее". Он поднял глаза на Коргана. 'И вот я здесь, пытаюсь сделать это снова. Пытаюсь привести тебя к смерти. Пытаюсь облегчить свое горе твоей

кровью. Я связан своим прошлым. Я не могу избавиться от него. Куда бы я ни пошел. Что бы я не делал. Я не могу от него убежать".

Корган покачал головой. 'Я не знаю, что произошло между тобой и кхаиниткой, но знаю одно: она не была легкой добычей. Она сама сделала свой выбор. И ты рассказал мне то, что дает мне надежду на будущее Владений. *Надежду*. Кто бы мог подумать? После стольких лет". Он задумался на мгновение, затем продолжил. 'Ты сказал что-то на празднике победы. Ты сказал, что хочешь изгнать зло из Владений. И что это возможно. Это - не жизнь в прошлом. Не попытка исправить старые ошибки. Это позиция. И я готов поддержать тебя, Готрек Гурниссон. Мы все сделаем это. И кто знает, может быть, тогда, если мы соберем достаточно союзников, если мы одержим достаточно побед, может быть, найдется способ восстановить то, что мы потеряли".

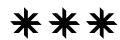
Готрек уставился на него, на его лице мелькали эмоции: горе, ярость, надежда и боль - все это смешалось в его глазах. Затем его взгляд прояснился, и он снова стал решительным. 'Нет. Я буду твоим чертовым предсмертным звоном. Как и для всех остальных. Я не буду этого делать".

Корган собирался возразить, но Готрек поднял руку, чтобы он помолчал. 'Ты настоящий дави, Корган-Гримнир. Из тебя выйдет хороший рунный отец, и я горжусь тем, что встретил тебя. Благодаря тебе я понял, что во многом ошибался". Он взмахнул своим топором. 'Но если ты попытаешься остановить меня, ты пожалеешь об этом".

Корган покачал головой, но у него хватило ума не спорить. 'Удачи тебе, Готрек Гурниссон'. Они пожали руки друг друга.

Затем Готрек перекинул топор через плечо и зашагал прочь по берегу. Корган стоял на краю обрыва и смотрел ему вслед. С моря надвигалась очередная буря, бьющаяся о скалы и будоражащая волны. Когда Готрек скрылся во тьме, она застонала и завывала, словно не желая накладывать на него свои пальцы. Потом его не стало.

Корган прошептал за него молитву, затем отвернулся и направился обратно к громоздкому силуэту своего магмадрота. Не успел он отойти далеко, как заметил на камнях что-то бледное. Подняв, он понял, что это письмо, которое написала Маленет перед тем, как ее убили. Он развернул свиток и начал читать.

Ваше Небесное Высочество,

Надеюсь, что это послание дойдет до Вас, но хозяева моего нынешнего приюта, мягко говоря, непредсказуемы. Я подкупила слугу, чтобы он доставил письмо агенту в Барак-Урбазе, но, по правде говоря, он с такой же вероятностью оставит его под пустой кружкой эля или случайно подожжет. Мы с Истребителем живем в магмохолде Огнеубийц, который называется Караг-Варр, что на самом юге Мрачных Пиков. Огнеубийцы - неуправляемый сброд, и когда мы прибыли сюда, то застали их в ужасающем смятении. К тому же, на крепость несколько раз нападали аэльфы Идонет по непонятным для меня причинам. Какой интерес может быть у аэльфов к такому месту? Я очень мало знаю про Идонет, но, насколько я могу судить, у них нет желания отнимать земли или имущество Огнеубийц, так что я могу лишь предположить, что нападения происходят из какой-то мести.

Когда мы прибыли в магмохолд, Огнеубийцы были охвачены религиозной манией, но Готрек применил свою обычную тактику - кричать до тех пор, пока они не потеряли желание спорить. В результате его напора Огнеубийцы начали отвоевывать свои земли. Его поведение после того, как мы покинули Барак-Урбаз, и влияние, которое он оказал на Огнеубийц, подтвердили подозрения, которые меня давно терзали.

Как бы ни была велика мощь мастер-руны Черного Молота, Готрек еще сильнее. Мы думали, что руна - это оружие, которое поможет нам вернуть Владения, но теперь я вижу, что Готрек сам - главная надежда.

Он ужасен почти во всех отношениях; в этом мое мнение остается неизменным. Но его невозможно остановить. Ничто из того, с чем мы сталкивались, не сдерживало его и даже не замедляло. А в последние недели он отбросил все свои личные навязчивые идеи и сосредоточился на идее наведения порядка во Владениях. Возможно, в прошлом я насмеялась над его амбициями, но чем больше времени я провожу с ним, тем труднее его высмеивать. Я думаю, что у него действительно есть силы и решимость что-то изменить. Я представляю, как вы будете смеяться, читая это, и понимаю ваш цинизм, но позвольте

мне сказать следующее: пока вы не проведете время в компании Готрека Гурниссона, вы не сможете представить себе, на что он способен.

Я решила, что, какая бы судьба ни была уготована ему, я сделаю все возможное, чтобы сохранить ему жизнь и удержать его на том пути, который он для себя выбрал.

Покинув Азирхайм, я в полной мере осознала масштаб предстоящей задачи. Поклонников Хаоса - легион. Грозовые Палаты Сигмара подобны копьё, брошенному в океан. Есть много причин для отчаяния, но в Готреке я вижу причину для надежды.

И я решила, что лучший способ использовать его силу - это оставить его здесь, на передовой, где идут войны за восстановление, а не заманивать его в ловушку в залы Азира.

Я понимаю, что это отклонение от нашего плана, но призываю вас не терять веру в меня и воздержаться от отправки других агентов для вмешательства. Недавно до меня дошли слухи, что капитан Драймусс был убит неподалеку отсюда при попытке выследить меня. Драймусс был ценным агентом и, как вы, я уверена, знаете, он был моим большим другом. Я бы не хотела, чтобы вы жертвовали другими членами ордена ради меня. Если мне понадобится ваша помощь, я свяжусь с вами, но до тех пор, уверяю вас, я вполне способна позаботиться о себе сама и остаюсь,

*Вашей самой верной и преданной сторонницей,
Маленет Ведьмин Клинок*